

"Уроки обольщения"

Читайте больше **БЕСПЛАТНОЙ** литературы
в онлайн-библиотеке
mir-knigi.org

Николь Джордан

Уроки обольщения

Пролог

Лондон, март 1810 года

Привязанный алыми шарфами за руки к столбикам в изголовье, Дамиен Синклер невозмутимо лежал на широкой кровати, втайне наслаждаясь своим положением добровольного пленника. Его запястья были стянуты шелковыми путами.

Зеркальный потолок будуара позволял ему любоваться своим обнаженным мускулистым телом, распростертым на белоснежной простыне, с его неизменным атрибутом мужчины, воинственно торчащим из черных курчавых волос на чреслах.

Очаровательная мучительница барона Элиза Суонн, одетая в полупрозрачное неглиже из муслина, не сводила глаз с этого внушительного доказательства мужской силы, замороженная им, словно волшебной палочкой. Сверкавшие на ее запястье изумруды браслета как бы перемигивались с отблесками пламени свечей, намекая, что барон по достоинству оценил рубиновые соски пышных грудей этой блондинки. Даже прикрытые тонкой тканью, они могли воспламенять страсть в жилах самого избалованного знатока женских прелестей.

Примадонна лондонской оперной сцены, окрещенная поклонниками Серебряной Лебедью за свои шелковистые локоны с серебристым отливом, Элиза Суонн великолепно исполняла роль претендентки на должность содержанки барона Синклера. Сегодня ей предстояло пройти обряд посвящения в его избранницы, и она призвала на помощь все свое актерское вдохновение и мастерство, чтобы с честью выдержать этот экзамен.

— Теперь, когда я полностью в твоей власти, моя прелесть, ты, вероятно, не преминешь дать волю своим темным устремлениям? — с чуть заметной иронией спросил Дамиен.

— Безусловно, милорд! Вам придется умолять меня пощадить вас, — мелодичным грудным голосом, завораживающим слушателей, ответила Элиза.

— Я к твоим услугам!

Она взмахнула рукой и огрела его по голой груди плетью.

Барон удивленно вскинул бровь, озадаченный столь примитивным способом возбуждения мужчины. Посвятив юность поискам изысканных развлечений, он снискал славу ловеласа и бонвивана, однако извращенцем не стал, хотя порой и позволял себе вольности в плотских утехах. С годами его интерес к ним притупился, и теперь он предпочитал усмирять зов природы традиционным образом, отдавая предпочтение молодым и красивым дамам.

Элиза отвечала всем его требованиям и вдобавок обладала прекрасной интуицией. От нее не укрылось легкое изумление на лице Дамиена, и она, выдержав театральную паузу, глубокомысленно промолвила:

— Пожалуй, физической стимуляции с вас довольно, милорд. Судя по вашей реакции, вы достаточно возбуждены.

Она выразительно посмотрела на его солидный причиндал.

— Тебя обескураживают его размеры? — с подкупающей улыбкой повесы спросил барон.

Актриса рассыпчато расхохоталась:

— Обескураживают? Напротив, они меня вдохновляют!

— Мне всегда казалось, что не следует преувеличивать значение боли как возбуждающего средства. Ведь существуют и другие, не менее эффективные способы разжечь в крови мужчины огонь вождения. Надеюсь, они тебе известны, моя прелесть! — сказал барон, с тревогой поглядывая на плетку в ее руке.

— Мне нужно подумать, — отшвырнув орудие пытки, сказала Элиза и, приложив пальчик к своим пухлым алым губкам, стала рассуждать вслух: — Как же лучше воздействовать на мужчину, о любовных подвигах которого ходят легенды? Чем удивить этого дьявольского повесу, заставляющего женщин рыдать от счастья в его объятиях? Как развлечь избалованного сердцеда?

Она медленно расстегнула замок изумрудного браслета и с хитрой улыбкой надела его на потрясающий нефритовый жезл барона. И без того достигший пика возбуждения, фаллос раздулся еще больше от самодовольства, обретая твердость гранита. Отдавая должное находчивости Элизы, Дамиен поежился, ощутив холодные драгоценные камни горячей кожей своего причинного места.

— Вы удовлетворены моей изобретательностью, милорд? — спросила Элиза.

— Вполне, моя прелесть! У тебя богатое воображение!

— Мне кажется, вы сможете оценить по достоинству и мое бесстыдство, милорд!

— В нем, безусловно, есть свои прелести!

— Если так, позвольте мне продемонстрировать вам, насколько я безудержна в своем бесстыдстве! — воскликнула Элиза и, сделав сосредоточенное лицо, сжала в кулачке лиловую вершину его мужского достоинства. — Не часто приходится видеть такого породистого жеребца! — осевшим от возбуждения голосом добавила она, выполняя рукой ритмичные возвратно-поступательные движения.

Предвкушая редкое удовольствие от ее умелых манипуляций, Дамиен блаженно вздохнул и закрыл глаза. Предчувствие его не обмануло: ротик актрисы оказался столь гостеприимным и вместительным, губки — нежными и радушными, а язычок — обходительным и проворным, что их дорогой гость вскоре побагровел и пришел в такой восторг, что начал подрагивать, готовый выплеснуть свою радость наружу.

Стиснув зубы, Дамиен хрипло спросил:

— Ты испытываешь мою выносливость, моя прелесть?

— Не в этом ли соль вашей затеи, милорд? — на миг оторвавшись от своего увлекательного занятия, кокетливо спросила Элиза, не забыв мило улыбнуться.

— Ты права, моя милая, — громко дыша, ответил барон. — Но было бы чересчур эгоистично с моей стороны получать удовольствие одному. Не хочешь ли разделить его со мной, моя птичка? Сядь на меня верхом!

Элиза распрямилась и, отступив на шаг, с издевкой воз разила, желая еще больше его раззадорить:

— Не кажется ли вам, милорд, что гостю не следует указывать хозяйке дома, что ей лучше делать?

— Ах вот ты какая! — воскликнул Дамиен и, одним ловким движением ноги зацепив ее за талию, привлек проказницу к себе.

— Ну, если вы настаиваете, — с трудом скрывая нетерпение, пробормотала она и немедленно уселась своими ядреными ягодицами на его чресла.

Он стиснул ногами ее крутые бока, она наклонилась, и ее соски, похожие на спелые вишни, уткнулись ему в лицо. Барон начал сосать одну из этих аппетитных ягодок через ткань, Элиза судорожно вздохнула, дрожа от страсти. Едва сдерживая желание поскорее ублажить свою разыгравшуюся похоть, Дамиен принялся целовать ее шикарные груди и легонько их покусывать.

Бесстыдно застонав, Элиза приподнялась и, направив рукой шарообразное утолщение на конце его булавы в преддверие своей потайной пещеры, резко опустилась и принялась ерзать на чреслах барона. Он вскрикнул от боли, причиненной ему изумрудами, и воскликнул:

— Сними с меня браслет, моя прелесть! Или ты вознамерилась меня оскопить?

Элиза снова приподнялась и, стянув с него браслет, швырнула его на пол. Взглянув на ее искаженное сладострастием лицо, Дамиен улыбнулся:

— Ну а теперь вперед, моя радость! Скачи во весь опор!

Актриса тяжело опустилась лоном на фаллос, оросив его своим нектаром, и пустилась в галоп. Дамиен блаженно зажмурился, ощутив ее нежную пульсирующую сердцевину, и, глубоко вздохнув, с силой ударил чреслами снизу вверх. Потом он повторил это порывистое телодвижение, и Элиза, словно пришпоренная наездником кобыла, понеслась, закусив удила. Барон тоже усилил темп своих ударов, задавшись целью помутить ее разум. Вскоре она уже изнывала от охватившего ее жара, мотала из стороны в сторону головой и трясла грудями. Ноздри ее хищно раздувались, из глотки вырывалось рычание. Наконец она утратила самоконтроль, и, дико взвизгнув, затряслась в экстазе.

Дамиен продолжал вонзать в ее расплавленное лоно свой жезл, стиснув зубы и вцепившись пальцами в ее пышные бедра. Его нервы напряглись, как струны арфы, мышцы взбугрились под кожей, ноги задрожали, вены вздулись, на лбу выступила испарина. Но колоссальным усилием воли он сдержал огненную лаву, стремившуюся вырваться из жерла его вулкана. Наконец Элиза впала в нирвану и затихла, распластавшись на нем. Убедившись, что он ее победил, барон позволил и себе выпустить пар.

Отдышавшись, он почувствовал в запястьях боль от впившихся в них шелковых лент, промокших насквозь, и попросил Элизу развязать узлы.

Дрожащими пальцами она выполнила его просьбу и, ласково взглянув на него потемневшими от страсти глазами, томно проговорила:

— Я слышала, что вы прослыли легендарным сладострастием, развратным, но прекрасным любовником. Теперь я на собственном опыте убедилась, что это не преувеличение. Вы

превзошли все мои ожидания, доказав, что действительно способны повторить один из подвигов Геракла.

— А ты, моя прелесть, можешь довести до умопомрачения любого, даже самого избалованного, сластолюбца своим темпераментом, — ответил на ее похвалу не менее приятным комплиментом Дамиен, никогда не скупившийся на восхваление достоинств своих любовниц.

— Означают ли ваши слова, милорд, что вы довольны моими услугами? — тотчас же уточнила хитрая Элиза, решившая вывернуться наизнанку, но стать его содержанкой.

Все еще ощущая томление в чреслах, Дамиен утвердительно кивнул, пробормотав что-то маловразумительное. В последнее время он все чаще замечал, что соитие не приносит ему умиротворения, и поэтому менял любовниц как перчатки. Однако Элизу ему не в чем было упрекнуть, она была великолепна. Причину беспокойства, одолевшего его, следовало искать в чем-то другом.

Пышнотелая актриса могла бы на какое-то время его успокоить. Ее женские прелести раздражали его аппетит, оставалось лишь продолжить пиршество плоти и дать волю пробудившимся в нем темным желаниям. Элиза прослыла мастерицей как в оперном искусстве, так и в будuarных играх. Она очаровала весь Лондон, ходили слухи, что кое-кто из джентльменов даже стрелялся из-за нее на дуэли. И уж если такая шикарная женщина не уймёт терзающие его страсти, тогда, возможно, ему придется пересмотреть свои взгляды на секс, решил барон.

Открыв глаза, он увидел, что Элиза пристально рассматривает его — видимо, прикидывает, какие подарки она может получить в обмен на свои интимные услуги.

Дамиен готов был предложить ей многое: фешенебельную квартиру, дорогой экипаж, модные туалеты, драгоценные украшения. Он бы ничего не пожалел, чтобы обрести душевный покой.

— Насколько мне известно, в настоящее время у вас нет постоянной любовницы? — спросила Элиза.

— Это не секрет, — сухо ответил барон. — Я вынужден соблюдать осторожность в выборе содержанок после недавнего громкого скандала с последней из них. Ты слышала о нем?

— Разумеется! Весь Лондон судачил об этом всю прошедшую неделю! — пожав плечами, ответила Элиза.

— Наверняка злые языки все переврали! Что именно ты слышала? — спросил Дамиен.

— То, что леди Варли закатила вам грандиозный скандал, милорд, узнав, что вы намерены с ней порвать. И что она даже поклялась броситься с моста в Темзу, если это случится. На что вы, барон, хладнокровно ответили, что она может воспользоваться вашим экипажем, чтобы побыстрее добраться до места и осуществить свою угрозу.

— Так я и знал! — усмехнувшись, воскликнул барон. — это преувеличение. Я всего лишь вызвался отвезти ее домой, поскольку бедняжка нуждалась в отдыхе.

— Представляю, как вам наскучили подобные сцены! — сказала Элиза. — Мне они тоже претят. Я знаю по собственному печальному опыту, как изнуряют ухаживания докучливых поклонников. Признайтесь, вам ведь надоело выслушивать признания благородных дам в любви к вам. Леди Варли тоже наверняка клялась вам в вечной любви.

— Упомянутая тобой особа вовсе не была влюблена в меня, — заметил Дамиен, усмехнувшись. — Она лишь возомнила, что Амур пронзил ее своей стрелой.

— Однако, милорд, не случайно же вас прозвали Князем Порока! Признайтесь, скольким прекрасным дамам вы разбили сердце?

Дамиен пожал плечами и промычал нечто невразумительное в ответ.

Элиза прищурилась и, выдержав эффектную паузу, воскликнула:

— Из всего этого можно сделать только один вывод: опасно доверять свое сердце вертопраху!

— Осмотрительность делает тебе честь, моя прелесть, — сказал Дамиен. — Но лично я исповедую другой принцип: не отдавать предпочтения никому!

— Что ж, милорд, тогда нам будет несложно договориться. Я тоже предпочитаю строить интимные отношения на деловой основе, — сказала Элиза.

Дамиена было не так-то просто ввести в заблуждение подобными заявлениями. Он не исключал, что многоопытная актриса лукавит, пытаясь внушить ему, что она не станет устраивать публичных сцен, когда их роман подойдет к концу. Тем не менее ее слова, произнесенные уверенным тоном, успокоили его. Он не собирался клясться ей в любви до гроба и рассчитывал расстаться с ней спустя полгода. Еще ни одной красоткой он не увлекался надолго. Как правило, он терял интерес к предмету своей страсти уже через месяц после начала очередного романа. Прекрасно зная свою капризную натуру, барон Дамиен Синклер и теперь не намеревался менять привычки, зная по собственному печальному опыту, сколь пагубна продолжительная связь с любовницей, даже такой очаровательной, как актриса, прозванная Серебряной Лебедью.

Ход его размышлений прервал звук чьих-то шагов по коридору и последовавший за этим настойчивый стук в дверь. Взволнованный женский голос произнес:

— Прошу прощения, мадам, но какой-то господин желает срочно видеть его светлость.

Милое личико Элизы исказилось недовольной гримасой. Она подбежала к двери и, распахнув ее, раздраженно прошипела:

— Сколько раз нужно тебе повторять, чтобы ты не смела врваться ко мне, когда я занята!

— Пардон, мадам, но этот джентльмен настаивает, чтобы барон принял его безотлагательно. Его зовут мистер Хаскелл.

Услышав фамилию своего секретаря, Дамиен озабоченно нахмурился и, спустив ноги с кровати, стал надевать атласные панталоны. И пока разгневанная Элиза выговаривала своей перепуганной служанке за ее опрометчивый поступок, употребляя выражения, свойственные скорее базарной торговке, чем светской львице, барон успел одеться и спросил:

— Мистер Хаскелл ожидает меня в прихожей?

— Я проводила его в Зеленую гостиную, милорд, — сделав учтивый реверанс, с дрожью в голосе ответила служанка, испуганно косясь на свою хозяйку.

Дамиен решительно направился к лестнице и стал спускаться по ней. Актриса проворно

накинула халат и побежала следом. Без труда разыскав гостиную, барон вошел в нее и увидел расхаживающего из угла в угол Джорджа Хаскелла. Это был высокий обаятельный мужчина заурядной наружности и в очках в золотой оправе. Не лишенный чувства юмора, он в данный момент находился в мрачном расположении духа.

— Что стряслось, любезный Джордж? — спросил барон. — Какое неотложное дело привело тебя сюда?

Секретарь покосился на актрису, застывшую в дверях Зала и неохотно промямлил:

— Я бы предпочел поговорить с вашей светлостью наедине. Вопрос исключительно серьезный и срочный...

— Не буду вам мешать! — покраснев, воскликнула Элиза и, выйдя в коридор, плотно захлопнула за собой дверь.

— В чем дело? Не тяни! — сказал Дамиен.

— Боюсь, что у меня для вас печальное известие, милорд. С вашей сестрой случилось несчастье.

— С Оливией? — взволнованно воскликнул барон, почувствовав, как екнуло у него сердце.

Вопрос был чисто риторический, ведь у него была только одна сестра, на пятнадцать лет моложе его, которая жила в их родовом поместье.

— Что с ней? — спросил Дамиен, побледнев.

— Подробности этого несчастного случая мне не известны, — потупив взор, отвечал секретарь. — Видимо, управляющий писал записку в спешке. Вероятно, он был настолько взволнован случившимся, что счел нужным сообщить вам лишь самое главное, а именно, что мисс Синклер упала с лестницы и сильно ушиблась, отчего у нее отнялись ноги. Вызванный лекарь осмотрел пострадавшую и сказал, что у нее поврежден позвоночник, что чревато серьезными последствиями. Не исключено, что до конца своих дней бедняжка останется калекой.

Дамиен вытаращил на секретаря испуганные глаза.

— Это еще не все, ваша светлость, — продолжал чуть слышно Джордж. — Насколько я понял, беда стряслась, когда юная леди пыталась сбежать со своим возлюбленным...

— Что? Ты спятил? С какой стати моей сестре, этому воплощению скромности и целомудрия, бежать из отчего дома? Где была в это время гувернантка? Кто этот мерзавец, что заморочил Оливии голову? — вскричал разъяренный барон.

— В записке управляющего упомянуто имя лорда Ратерфорда, но я не уверен, что именно он повинен в случившемся.

Дамиен заскрежетал зубами: о похождениях упомянутого нахального юнца, лишь недавно получившего титул виконта, он был наслышан.

— Где записка?

— Я захватил ее на всякий случай с собой, ваша светлость, — с дрожью в голосе промолвил

секретарь и, достав из кармана сюртука помятый листок, сложенный вчетверо, трясущейся рукой протянул его барону. — Вот она, прочтите сами!

Дамиен развернул листок и пробежал текст, написанный неразборчивым почерком. Управляющий сообщил, что драма произошла в трактире «Четыре льва», неподалеку от поместья барона. Описав телесные повреждения, полученные Оливией, он высказал свои предположения об обстоятельствах этого несчастного случая:

«Мне больно сообщать вам эти ужасные подробности, милорд, но я вынужден констатировать, что ваша сестра вознамерилась бежать из дома. Однако господин, уговоривший ее на этот безрассудный поступок, в последний момент пошел на попятную, и в порыве отчаяния девушка попыталась покончить с собой, Лорд Ратерфорд тотчас же послал за врачом, но урон ей уже был нанесен — как здоровью, так и репутации. Я постараюсь как можно дольше держать случившееся в тайне, Однако рано или поздно она раскроется. Прошу вас, милорд, отдать мне соответствующие указания и посоветовать, как мне лучше вести себя в таких затруднительных обстоятельствах. Ваш покорный слуга Сидни Беллоуз».

Дамиен глубоко вздохнул и взъерошил пятерней шевелюру, Сам участник многочисленных скандалов, он держал ною сестру под строгим присмотром гувернантки и слуг. Но того, что Оливия сама станет виновницей свалившихся на нее напастей, он предвидеть не мог...

Барон почувствовал, что его охватывает ярость. Кем бы ни был совративший Оливию негодяй, ему не избежать отмщения. Дамиен был готов не задумываясь застрелить его, пронзить шпагой на дуэли, а еще лучше — без особых церемоний избить или задушить своими руками.

— Я взял на себя смелость подготовить для вашей светлости экипаж. Полагаю, вы пожелаете сейчас же отправиться в усадьбу.

— Да, разумеется, — рассеянно пробормотал Дамиен, все еще не оправившись от потрясения. Но, быстро придя в себя, он надел сюртук и накидку и направился к двери.

— Вы меня покидаете? — удивленно спросила Элиза, схватив его в прихожей за рукав.

— Извините, мадам, но я вынужден это сделать.

— А как же наш уговор?

Дамиен стиснул зубы, на скулах его заходили желваки.

— Простите, сейчас мне нужно идти.

— Я разочарована, — огорченно промолвила Элиза. — Ваш визит был таким коротким!

— Я вернусь, как только смогу! — воскликнул барон и, отвесив ей поклон, высвободил руку.

Моментально забыв о своей прекрасной любовнице, он последовал за секретарем к выходу и, сделав еще десяток шагов, очутился в объятиях холодной ночи. Промозглая мгла обострила его тревогу за сестру и жажду мщения.

Глава 1

Лондон, май 1810 года

Несмотря на поздний час, приватный игорный дом был полон гостей. Нарядно одетая

разношерстная публика в буфете с аппетитом поглощала горячие и холодные закуски, запивая их в изрядном количестве бургундским и шампанским. В гостиной звенел женский смех и звучали оживленные голоса светских сплетников и вертопрахов. Солидная публика — карточные шулера, манерные денди и чопорные аристократы — предпочитала тишину кабинетов, где шла азартная игра в кости и карты.

Укрывшись в нише в углу комнаты, Ванесса Уиндем наблюдала за сидящим за ломберным столом импозантным мужчиной, которого считала своим опасным противником. В настоящий момент он сосредоточенно играл в игру под названием «фараон» и, судя по самодовольному выражению его лица, весьма в этом преуспел. Ванесса закусил губу и, прищурившись, всмотрелась в него повнимательнее, стараясь не поддаваться эмоциям.

Прозвище Князь Порока закрепилось за ним не случайно. Выражение его пронизательных серых глаз могло бы многое сказать внимательному стороннему наблюдателю. Достаточно было лишь заглянуть в них, как по спине ползли мурашки. Ванессе стало не по себе, и она передернула плечами. Этот обаятельный высокий брюнет обладал особыми скрытыми чарами. Мускулистый и стройный, он был одет в изящный черный сюртук, сшитый на заказ, тщательно выбрит и причесан. И этот явно неординарный человек вознамерился разрушить семью Ванессы, обуреваемый жадой мести. Именно поэтому она и примчалась в Лондон, преисполненная решимости любой ценой предотвратить трагедию.

Но за бароном Синклером наблюдала не только Ванесса.

Неподалеку две молодые леди возбужденно перемывали ему косточки, то и дело посматривая в его сторону и нервно хихикая. Навострив уши, Ванесса услышала, как одна из них говорила другой:

— Похоже, Дамиен устроил сегодня настоящий переполох посреди игроков. Он, как обычно, постоянно выигрывает.

— Я не могу взять в толк, зачем ему это нужно! — воскликнула ее собеседница. — Он сказочно богат и не нуждается в дополнительных доходах.

Первая дама расхохоталась:

— Ах, перестань притворяться, что тебя это возмущает! Признайся лучше, что тебя задело его невнимание к твоей персоне на протяжении всего вечера. Я вижу тебя насквозь, моя дорогая! Стоило ему лишь кивнуть, и ты была бы у его ног.

Ванесса вновь обратила свой пристальный взгляд на этого одиозного господина, не дающего покоя многим находившимся в казино дамам. В его подчеркнута элегантно облике ощущалась неукротимая мужская сила, а мудрые пронизательные глаза могли покорить сердце любой особы женского пола.

Ванесса невольно поежилась, хотя в игорном доме не было холодно: множество свечей, горящих в хрустальных канделябрах, согревали обнаженные женские плечи. На Ванессе было шикарное атласное платье изумрудного цвета и с большим вырезом на груди. И хотя сшито оно было к предыдущему великосветскому сезону, она надеялась, что глубокое декольте не останется незамеченным любвеобильным бароном.

В аристократических кругах он прослыл Князем Порока, и слухи о его амурных похождениях давно не давали Ванессе покоя, поскольку она не была счастлива в браке. Вращаясь в одних великосветских кругах, они до сих пор не были друг другу представлены. И по мере того как

скандальная слава барона росла, давно перешагнув границы Лондона и достигнув континентальной Европы, Ванесса все сильнее проникалась желанием понять, почему перед этим человеком так легко раскрывают двери своих будуаров и объятия прекрасные леди.

Как же ей подчинить себе этого неукротимого донжуана? Как ей покорить этого дьявола во плоти, чья порочность повергла в трепет не одну светскую львицу?

Судьба не раз подвергала Ванессу тяжелым испытаниям, ей пришлось несладко в первом браке, из которого она вынесла неприятный осадок и презрение ко всякого рода извращенцам и развратникам. Женское чутье подсказывало ей, что лучше держаться подальше от порочного лорда Синклера. Тем не менее обстоятельства вынуждали ее набраться смелости и познакомиться с ним поближе в этот вечер.

— Вы берете прикуп, милорд? — медовым голосом спросила у Дамиена дама-крупье.

За ломберным столом воцарилась напряженная тишина.

На скучающем лице лорда Синклера не дрогнул ни один мускул, он молча кивнул и взял из колоды три карты. Ванесса, подавшись вперед, с замирающим сердцем ждала, когда он их раскроет: ведь на кону было целое состояние. И вот карты предъявлены — двойка, шестерка, дама червей. Крупье объявляет, что лорд Синклер выиграл двадцать тысяч фунтов стерлингов. Стоявший за спиной барона долговязый господин расхохотался и дружески шлепнул Дамиена ладонью по спине.

— У тебя дьявольское чутье, дружище! Может быть, раскроешь мне свой секрет?

— Никакого секрета нет, старина! — с ухмылкой ответил счастливчик. — Просто я всегда ставлю на даму, и мне непременно везет!

Лорд Синклер поднял голову от стола и уставился на Ванессу. Она замерла, охваченная трепетом. Его мистические серебристо-серые глаза пронзали ее насквозь и жгли ей сердце. По коже Ванессы пробежал мороз, а внизу живота вспыхнул пожар.

Опасаясь выдать свое волнение, она отвернулась и отхлебнула вина из хрустального бокала, чтобы слегка успокоить расшалившиеся нервы.

— Черт бы подрал этого Обри! — в сердцах пробормотала она, проклиная своего беспутного братца, легкомысленно проигравшего этому господину родовое поместье и тем самым поставившего ее перед угрозой разорения. — Ничего, с Божьей помощью я исправлю эту ошибку и сохраню наше родовое гнездо.

Она стала не спеша переходить от одного игрального стола к другому, исподтишка наблюдая за бароном Синклером и размышляя, как ей лучше с ним познакомиться. Торопиться в этом вопросе было нельзя, следовало сохранить достоинство. Любой ее неверный шаг мог насторожить опытного картежника, что поставило бы ее в проигрышное положение. Она и без того пошла на рискованный шаг, проникнув в клуб по членскому билету брата. И хотя лицо ее скрывала черная полумаска, достаточно ей было сделать один опрометчивый шаг, и ее узнали бы приятели ее покойного супруга. Кое-кого она уже заметила.

После томительных колебаний она решила дождаться подходящего момента и, как бы случайно обратив на себя внимание барона, заговорить с ним. Роль просительницы ее не прельщала, но в сложившейся ситуации ей не оставалось ничего другого, кроме как броситься ему в ноги и умолять пощадить их семью, взывая к остаткам его совести и крохам приличия,

сохранившимся в его черством сердце.

Шанс представился Ванессе лишь в третьем часу ночи, когда лорд Синклер вознамерился покинуть казино.

Ванесса сумела обогнать его, как бы ненароком задержалась в дверях и уронила на ковер платок. Разумеется, с ее стороны наивно было прибегать к столь избитой уловке, но она надеялась, что утомленный игрой Дамиен потеряет бдительность и проглотит наживку.

Как и подобает джентльмену, он наклонился и, подняв платочек, с вежливым поклоном протянул его ей, учтиво сказав:

— Кажется, он ваш, мадам!

При этом его пальцы коснулись ее руки, протянутой за оброненным предметом, а взгляд проник сквозь маску и накрепко приковал к себе Ванессу.

Она застыла на месте, раскрыв рот и вытаращив глаза. По губам барона блуждала улыбка, но взгляд оставался твердым. С таким опасным человеком не следовало расслабляться, о чем Ванесса лишний раз и напомнила себе.

Изобразив улыбку, она пробормотала слова благодарности и добавила, убирая руку:

— В последнее время я стала такой рассеянной!

Барон и бровью не повел, проглотив это банальное оправдание, и промолвил:

— Жаль, что я не имею удовольствия быть с вами знаком.

— Меня зовут Ванесса Уиндем, — последовал ответ. Барон испытующе посмотрел на нее, но промолчал, словно бы ее фамилия тоже ни о чем ему не говорила.

— Вы наверняка знали моего покойного супруга, сэра Роджера Уиндема, — добавила Ванесса.

— Ах да! Кажется, он посещал этот клуб.

Беспутного сэра Роджера застрелили на дуэли из-за какой-то оперной певички, с которой он крутил роман. Однако лорд Синклер либо притворился, что не слышал об этой скандальной истории, либо она его действительно не волновала. Во всяком случае, он проявил истинную галантность, тактично уклонившись от болезненного вопроса, и Ванесса взяла это на заметку.

— Могу ли я быть вам чем-то полезен, леди Уиндем? — мягко спросил барон, заметив, что Ванесса нерешительно топчется на месте. — Ведь вам от меня определенно что-то надо, не отпирайтесь! — Он впери в нее испытующий взгляд, продолжая обворожительно улыбаться. — Я видел, как вы на протяжении всего вечера пожирали меня глазами, прячась в нише. Согласитесь, трудно не почувствовать взгляда такой очаровательной леди!

Пораженная его пронизательностью, Ванесса густо покраснела. Только отъявленный наглец мог позволить себе комментировать интерес, проявленный к нему дамой.

— Откровенно говоря, — робко начала было она, но Дамиен перебил ее, воскликнув:

— Вот именно, мадам! Давайте поговорим откровенно. Зачем нам обманывать друг друга?

— Если так, милорд, то я признаюсь, что хотела поговорить с вами об одном чрезвычайно важном деле.

— Я весь внимание, мадам! Позвольте проводить вас до кареты!

— Это было бы очень любезно с вашей стороны.

Она направилась к выходу впереди него, но он догнал ее и пошел рядом, говоря на ходу:

— Признаться, вы заинтриговали меня, миледи! Я догадался, что вы не случайно наблюдаете за мной. Однако ваш интерес определенно не имел под собой никакой легкомысленной подоплеки. Мне показалось, что вы настроены весьма серьезно. Позвольте спросить, что именно вас тревожит?

— Дело в том, барон, что я сестра Обри Трента, лорда Ратерфорда, — остановившись, промолвила Ванесса.

Глаза Дамиена потемнели от гнева, лицо побледнело.

— И что же вам угодно? — спросил он, раздувая ноздри. — Вы желаете оплатить его карточный долг?

— Ну, не совсем так, — промямлила Ванесса.

— Выражайтесь яснее, пожалуйста!

Ванесса тяжело вздохнула. Карточный поединок имел место всего двое суток тому назад, и она еще не пришла в себя от потрясения, которое испытала, узнав о его исходе: Обри проиграл барону не только все свое личное состояние, но и родовое поместье, и дом в Лондоне.

Сама Ванесса не страшилась нависшей над ней угрозы провести остаток дней в нищете: она хлебнула в жизни немало горя. Но ей приходилось думать о матери и сестрах, оставленных беспутным братцем без средств к существованию. Они могли очутиться на улице без гроша в кармане. А это совсем не то же самое, что бегать от кредиторов.

— Я приехала к вам от имени своей семьи, милорд! — запинаясь, сказала Ванесса. — Я надеюсь, что вы войдете в наше положение и хотя бы частично простите Обри его карточный долг.

— Вы шутите? — прищурившись, спросил Дамиен.

— Нет, я говорю серьезно, — спокойно сказала Ванесса. — На моем попечении две младших сестры и больная мать.

— Не понимаю, почему меня должны волновать ваши семейные проблемы, леди Уиндем, — холодно обронил барон.

— Разумеется, милорд, это мое личное дело. Проблема в том, что, лишившись своего родового поместья, мои родственники утратят все средства к существованию.

— Это весьма печально, — спокойно произнес Дамиен.

Ванесса побледнела, шокированная такой черствостью, но предприняла еще одну попытку смягчить его сердце.

— Вы ведь знали, милорд, что мой брат скверно играет в карты, однако не отговорили его от соблазна выиграть у вас. И в итоге он просадил свое родовое поместье.

— Ему следовало быть более осмотрительным. Я не принуждал его рисковать, — холодно сказал барон.

— А разве вы не спровоцировали его на это, милорд? Признайтесь, что вы ловко раззадорили его, уязвив его самолюбие.

— Возможно, мадам. Среди карточных игроков это обычное дело, мы люди азартные. Но ваш брат вел себя чрезвычайно дерзко. Ему еще следует благодарить меня за то, что я не поддался желанию пристрелить его.

Кровь отхлынула от щек Ванессы: она знала, что барон, великолепно владеющий как пистолетом, так и шпагой, выиграл уже не одну дуэль.

— Что же вас остановило? — чуть слышно спросила она.

— Исключительно забота о репутации моей сестры, и того замаранной вашим братцем, — стиснув зубы, ответил Дамиен.

— Я не знаю подробностей печального происшествия с вашей сестрой, но слышала, что она серьезно пострадала, — сказала Ванесса.

— Пострадала? Да она стала калекой! — воскликнул барон.

— Мне искренне жаль, что так случилось.

— Неужели? — насмешливо спросил Дамиен, что было весьма цинично и жестоко с его стороны.

— Да, и мой брат тоже расстроен, — взяв себя в руки, продолжала Ванесса. — Он сожалеет о своем недостойном поведении и признает, что поступил жестоко с вашей сестрой. Впрочем, все это характерно для юности. И вы знаете это не хуже, чем я, милорд. Разве вы сами никогда не поступали так с людьми? Разве вы не допускали необдуманных поступков?

— Речь сейчас идет вовсе не обо мне, миледи, — сухо напомнил ей барон.

— Это верно, однако прошу вас еще раз обдумать мою просьбу. Мой брат еще так юн!

— Это очевидно. Мужчина не послал бы сестру просить за него, — язвительно заметил Дамиен.

Ей нечего было ему возразить, брат знал, что она намерена ехать к барону, однако не стал отговаривать ее от этой затеи.

— Милорд, неужели в вас не осталось ни капли милосердия? — воскликнула она, беря барона за рукав. — Помилосердствуйте!

По скулам Дамиена заходили желваки.

— Ваш брат не заслуживает снисхождения! — воскликнул он. — Он разрушил все, чем я дорожил! И теперь я отомщу ему той же монетой.

Эти слова, произнесенные холодным безжалостным тоном, означали окончательный приговор.

— Меня ждет карета, леди Уиндем, — добавил барон. — Лошади застоялись. — С этими словами он отступил и, резко повернувшись, удалился, провожаемый ее отчаянным взглядом.

Переступая порог своего лондонского дома, в котором обитали четыре поколения ее семьи, Ванесса с трудом сдерживала слезы. Она не позволяла себе плакать даже в самые тяжелые периоды своей жизни — после смерти мужа, а также в последовавшие за ней два трудных года. Поэтому она взяла себя в руки и не дала волю слезам и теперь.

Ощущая в сердце пустоту и боль, Ванесса поднялась по лестнице в гостиную. Несмотря на свое катастрофическое положение, ее братец все же приехал в Лондон к открытию светского сезона.

Обри нервно расхаживал по застланному ковром полу гостиной в ожидании возвращения сестры. Ванесса замерла у дверей зала, размышляя, как могло произойти, что ее любимый брат превратился в безрассудного вертопраха. Но ответ ей был уже известен: родители слишком баловали сына в детстве, потакали всем его капризам. Не приученный к строгой дисциплине и к ответственности за свои поступки, юноша совершал очень рискованные шаги, не задумываясь о последствиях. И вот теперь, переступив все мыслимые границы, он потерпел крах. Заметив Ванессу, Обри обернулся и спросил:

— Ну, ты разговаривала с ним?

Почти одного роста с сестрой, он отличался от нее более светлым оттенком каштановых волос и цветом глаз: они у него были темно-карие. Обычно они искрились весельем, однако сейчас в них сквозила тревога.

— Я виделась с лордом Синклером, брат, — входя в комнату, ответила Ванесса. — Но, узнав о нашем родстве, он наотрез отказался обсуждать что-либо со мной.

— Значит, мне конец, — понурился Обри, хрипло произнес.

И он был прав, как ни горько это было ей признавать. Ванессе нечем было его утешить. Им всем пришел конец. Она тяжело опустилась на голубой парчовый диванчик.

Обри плюхнулся на стул рядом с ней и, уронив голову на ладони, выдержал театральную паузу и робко спросил:

— Значит, он наотрез отказался обсуждать этот вопрос?

— До этого дело не дошло, — уныло ответила Ванесса. — Он дал мне понять, что не желает иметь со мной ничего общего.

— Чтоб ему пусто было! — воскликнул Обри.

Эта детская попытка переложить собственную вину на другого окончательно вывела из себя Ванессу, и она едко возразила, гневно глядя брату в глаза:

— А ты рассчитывал, что лорд Синклер вернет имение, которое ты ему не задумываясь продал, просто потому, что его попросит об этом прекрасная незнакомка?

— Он вознамерился меня уничтожить, — с горечью промолвил Обри.

— Как ты можешь винить его в этом после того, что ты сделал с его младшей сестрой?! Из-за

тебя она стала калекой! Она не сможет даже ходить самостоятельно. Или ты запомнил эту маленькую деталь? — язвительно спросила Ванесса.

— Нет! Я все помню! — Обри вцепился руками в волосы. — Ты думаешь, что я не сожалею о своем глупом поступке?

— Что подтолкнуло тебя на него?

— Сам не знаю, — развел руками юноша. — Я рассчитывал поправить свои финансовые дела, расплатиться с долгами. Наверное, это было не слишком умно. Сейчас я понимаю, что отчасти решился на это просто от скуки...

— Тебе надоела охота? Ты пресытился петушиными боями и боксерскими турнирами? — насмешливо спросила Ванесса. — И от скуки решил разрушить жизнь наивной девушки, лишит ее и доброго имени, и здоровья.

Лицо Обри исказилось от приступа душевной боли.

— Клянусь, я не думал, что все так трагически кончится!

— О чем же ты думал?

Юноша судорожно вздохнул.

— Я поспорил с приятелями, а потом мы случайно... Короче говоря, на балу, где была мисс Синклер, мы все были в приподнятом настроении. Честно говоря, мы были пьяны, поскольку перебрали бургундского за обедом. Так вот, увидев девушку, мы начали обсуждать, как увести ее от строгой гувернантки, и постепенно я так вошел в раж, что заключил пари на то, что заставлю мисс Синклер в меня влюбиться. Как ни странно, это оказалось очень простым делом, чего я и сам не ожидал... Оливия вела затворническую жизнь и была рада влюбиться.

— Значит, вы с ней стали тайно встречаться, и в конце концов ты заманил наивную мисс Синклер в придорожный трактир под предлогом того, что оттуда вы убежите, чтобы обвенчаться? На самом же деле у тебя и в мыслях не было жениться на ней? Не так ли?

— Зачем говорить о том, чего в любом случае не могло произойти! — вскричал Обри. — Хотел я того или нет, я не мог бы на ней жениться. Она богатая наследница, но в права наследования вступит только через три года. Если бы она осмелилась выйти замуж без благословения своего брата, он оставил бы ее без гроша!

Ванесса тяжело вздохнула: финансовое положение Обри виляло желать лучшего. Впрочем, бедствовала вся их семья. Отец не умел вести дела, и когда поместье пришло в упадок, он не придумал ничего лучшего, как выдать свою старшую дочь, Ванессу, за молодого баронета. Но тот за год мотал огромное состояние и вскоре погиб на бессмысленной, вздорной дуэли. Затем трагическое происшествие в охоте унесло жизнь отца Ванессы, и она уехала из Лондона в родовое поместье.

В течение двух лет она билась как рыба об лед, пытаясь наладить в усадьбе дела и убедить сестер и мать жить по средствам. Но больше других транжирил Обри, ему постоянно требовались деньги на игру в карты и кутежи. Все шло из рук вон плохо.

Теперь же их положение стало безвыходным.

— А что, если нам выдать за богатого жениха Шарлотту? — предложил Обри.

— Вздор! Об этом не может быть и речи! — воскликнула Ванесса. — Ей всего пятнадцать лет! А Фанни и того меньше, тринадцать. Пока я жива, я не допущу, чтобы мои сестры страдали из-за денег.

— И что ты предлагаешь?

Ванесса устало потерла пальцами виски.

— Может быть, просто оставим без внимания требования барона и будем жить в усадьбе, словно бы ничего не случилось? Не станет же он выселять нас с помощью судебных приставов! Это довольно-таки хлопотно.

— Я обязан вернуть Князю Порока карточный долг, это вопрос чести! Лучше я буду голодать, чем покрою позором свое имя! — вскричал Обри, побледнев как мел.

Ванесса гневно сверкнула глазами.

— Да как ты смеешь рассуждать о чести и соблюдении слова джентльмена после того, как бездумно лишил семью родового поместья, нашего единственного источника существования!

— Если я не отдам ему долг, мне придется пустить себе пулю в висок!

— Прекрати пороть чушь, Обри! Типун тебе на язык! Но брата понесло, и он уже не мог остановиться.

— Я, возможно, заслужил это. Когда она упала... — Он зажмурился. — Мне показалось, что это я ее убил.

Его мученическая гримаса не на шутку испугала Ванессу.

— Ни слова больше! — вскричала она и, порывисто вскочив с диванчика, рухнула перед братом на колени, не заботясь о своем дорогом наряде. Взяв его за руки, она почувствовала, что у него холодные пальцы.

— Мы не в силах что-либо исправить! Мы можем лишь бороться за наше будущее!

Обри кивнул.

— Пожалуйста, не убивайся так, сестричка! — сказал он. — У меня все равно не хватит духу покончить с собой. Ведь я по натуре ужасный трус.

— А что говорят врачи о состоянии здоровья мисс Синклер? — спросила Ванесса, пытаясь изменить тему разговора.

— Понятия не имею, — тяжело вздохнув, ответил Обри. — Меня к ней не допускают. Я пытался загладить свою вину и нанес визит лорду Синклеру, как только он вернулся в Лондон. И когда он пригласил меня в клуб, я подумал, что он простил меня и расслабился... Какой же я глупец!

Обри криво усмехнулся и, покачав головой, продолжал:

— Мне еще повезло, что он избрал такой способ отмщения, а не вызвал меня на дуэль. Я заслужил наказание. Если бы кто-то так же подло поступил с моей сестрой, я бы его убил.

У Ванессы отлегло от сердца. Все-таки Обри еще не законченный негодяй, просто он безвольный и самонадеянный юнец. Но при всех его недостатках и слабостях Ванесса любила его всем сердцем. Он поддерживал ее в пору ее неудачного замужества, подбадривал и веселил в тяжелую минуту. Да и в своем жестоком поступке в отношении сестры лорда Синклера он раскаялся.

— Мы найдем выход из положения, Обри! — сказала Ванесса. — Поверь, все обойдется. Я не допущу, чтобы моих сестер и мать вышвырнули на улицу умирать с голоду.

В глазах юноши засветилась надежда.

— Что ты задумала? По-моему, положение безвыходное.

— Пока еще не знаю, но все же попытаюсь убедить лорда Синклера проявить снисходительность.

— Он жаждет мести!

— Это так, — согласилась Ванесса, вспомнив, как потемнели от гнева глаза Дамиена, когда она попыталась воззвать к его милосердию. Перед ее мысленным взором возник образ этого элегантного, импозантного, но опасного мужчины. Несомненно, с лордом Синклером нельзя было не считаться!

— Он сущий дьявол, — пробормотала она. — Но я не сдамся без боя!

Глава 2

Дрожа от смутного предчувствия чего-то необыкновенного, Ванесса вышла из наемного экипажа, доставившего ее в фешенебельный район Лондона, и, надвинув на лоб капюшон мантильи, направилась к шикарному особняку Князя Порока. Утро выдалось ненастным, моросил дождь, а на душе у Ванессы скребли кошки. Случайные прохожие провожали ее косыми взглядами. Она поднялась по мраморной лестнице и постучала медным кольцом в массивную дубовую дверь. Ей открыл пожилой дворецкий. Взглянув на визитную карточку посетительницы, он сопроводил ее в Голубую приемную и попросил подождать, пока он выяснит, дома ли барон.

Обстановка приемной поражала своей нарочитой роскошью, как и подобает преддверию Ада — вратам царства Князя Порока. Ванессе претили безнравственные аристократы. А Дамиен Синклер был, несомненно, первостепенным развратником, раз он заслужил такое необычное прозвище. Поговаривали, что он возглавляет Лигу адских грешников, своеобразное братство обреченных на геенну огненную после своей физической кончины. Что ж, подумала Ванесса, этим богатым извращенцам и сумасбродам там самое подходящее место. И если бы не чрезвычайные обстоятельства, то ноги бы ее не было в этом вертепе.

В приемную пружинистой походкой вошел молодой человек в очках с золотой оправой и, учтиво поклонившись гостье, представился:

— Джордж Хаскелл, секретарь барона. Он поручил мне вас принять, леди Уиндем, и оказать вам возможное содействие.

— А что же сам барон? Разве его нет дома? — с наивной улыбкой спросила Ванесса. — Я бы хотела обсудить с ним одно важное и срочное дело.

— Он переодевается для делового визита, миледи, и просил его не беспокоить. Но раз вы настаиваете, я спрошу у него, не сможет ли он уделить вам немного времени, — сказал секретарь и удалился. Вернулся он довольно скоро, с огорченным лицом, и предложил Ванессе следовать за ним. Они поднялись на второй этаж и, пройдя по длинному широкому коридору, остановились у двойных дверей. Мистер Хаскелл распахнул их и, кивнув госте, поспешно ушел.

Ванесса вошла в просторную комнату, отделанную в мажорных и золотых тонах и обставленную мебелью из красного дерева, и замерла, увидев огромную неприбранную кровать.

— Подойдите ко мне, не бойтесь! — послышался насмешливый голос барона, и Князь Порока вышел из-за ширмы.

Обнаженный по пояс. Его мускулистый торс был под стать могучему греческому богу, что свидетельствовало о его регулярных занятиях гимнастикой. У Ванессы участился пульс, она густо покраснела. Несомненно, хозяин дома намеренно предстал перед ней в таком виде, желая смутить и ошеломить ее до начала разговора.

Дамиен надел сорочку и с улыбкой промолвил:

— Не сердитесь, миледи! Я не был готов вас принять, вы сами настояли на этой встрече.

Ванесса и не собиралась сердиться, в ее положении ей оставалось лишь смириться с его вызывающим бесстыдством и притвориться, что ничего необычного не произошло.

— С вашего позволения, я оденусь, миледи, — сказал Дамиен и, встав напротив большого зеркала, стал завязывать галстук. — Я ограничен во времени, поэтому попрошу вас коротко изложить суть вашей просьбы. Я бы не хотел опаздывать на примерку к портному, от которого я поеду в палату лордов на заседание. Согласитесь, в присутственном месте следует появляться вовремя и в приличном виде.

Барон явно упивался своим цинизмом, но на Ванессу это не оказывало никакого воздействия. Она отдавала себе отчет, что имеет дело с развратником и эгоистом, привыкшим одним своим видом вызывать страх и почтение у мужчин и сердцебиение у женщин. В его присутствии в них просыпались низменные инстинкты, его поразительные серые глаза, обрамленные длинными густыми ресницами, сводили прекрасных дам с ума.

Сглотнув подступивший ком, Ванесса с трудом промолвила:

— Я чрезвычайно признательна вам, ваша светлость, за то, что вы согласились уделить мне внимание.

— Вы не оставили мне выбора, миледи. Не впусти я вас в дом, вы бы разбили напротив него лагерь и взяли меня измором, — ответил Дамиен, улыбаясь в зеркало.

— Я не отниму у вас более десяти минут, барон!

— Что ж, я вас выслушаю. Но предупреждаю, что и за десять часов красноречивых убеждений вам не удастся уговорить меня изменить свое отношение к вашему брату. Пожалуйста, садитесь!

— Благодарю вас, я постою, — сказала Ванесса.

— Ваш брат знает, что вы здесь? — поинтересовался барон.

— Нет, я и не собираюсь ставить его об этом в известность, — ответила Ванесса. — Он придет в бешенство, если узнает, что я была у вас, тем более — в спальне.

— Он верит досужим домыслам о том, что я лишаю дам их добродетели? — насмешливо спросил Синклер. — Должен вас разочаровать: я не имею обыкновения набрасываться на незащищенных женщин. Впрочем, должен заметить, миледи, что, глядя на вас, я испытываю такой соблазн.

Ванесса судорожно вздохнула и выпалила:

— Вы угадали, барон: я пришла к вам по поводу долга моего брата!

— Оказывается, я не обделен интуицией, — ернически заметил Дамиен, любуясь изящным узлом галстука.

— Мне кажется, что вы не осознаете, в какое трудное положение мой брат поставит нашу семью, если выполнит свои обязательства перед вами, — продолжала Ванесса, стараясь сохранять спокойствие.

Лорд Синклер устало вздохнул.

— Интуиция подсказывает мне, что вы намерены это объяснить, — сказал он, криво усмехнувшись.

— Мои сестры и мать лишатся крова, им будет негде жить!

— Пусть ваш брат заложит имение, — резонно возразил барон.

— Но мы не сумеем выкупить его, милорд! Рано или поздно ростовщик отберет у нас наше родовое гнездо и засадит Обри в долговую тюрьму за неуплату процентов.

— Это печально, миледи, но какое мне дело до всех его проблем? — без обиняков спросил барон.

Ванесса нахмурилась и закусила губу: опровергнуть такой довод ей было нечем. Однако она все же воскликнула:

— Вы вправе мстить моему брату, но почему должна страдать его семья?

— Ему следовало проявить осмотрительность, миледи, ваши родственники оказались в сложном положении по его вине, не по моей! — парировал барон.

— Ой ли? Вы искусный карточный игрок, он был обречен на проигрыш. Вы заманили его в свои сети, в чем сами признались мне вчера ночью.

— Не стану скрывать, я хотел его разорить.

— Виновных в обмане наивных юношей следовало бы привлекать к суду! — с горечью воскликнула Ванесса.

— А за поругание чести доверчивой девицы и доведение до самоубийства — вешать без суда, — сухо возразил Синклер и, обернувшись, спросил: — Вы пришли, чтобы прочесть мне мораль?

— Нет, чтобы убедить вас быть благоразумным, — ответила она. — Обри сказал, что покончит с собой, если не найдет выхода из этой ситуации.

— Не буду лукавить, миледи, меня это не слишком огорчит.

— Но его смерть разобьет мое сердце!

Барон вперил в нее пытливый взгляд и, стиснув зубы, процедил:

— Ваш брат должен заплатить за свою легкомысленную жестокость. Пусть наберется мужества и лично явится ко мне. Я сообщу ему свои условия компенсации при встрече с ним с глаза на глаз.

— Какой смысл обсуждать условия выплаты его долга, если он не в состоянии оплатить даже счет своего портного? У него нет ни гроша!

— Как я вижу, его финансовые дела вас живо интересуют.

— На это существуют причины, ваша светлость: ведь управляю имением фактически я, а не Обри. Он лишен деловой жилки и слабо разбирается в счетоводстве.

— Так вы изучали бухгалтерию? — Барон изумленно вскинул брови.

— Да, поневоле пришлось. Все мои родственники — прирожденные моты. Но мы отвлеклись от главного вопроса. Вы решительно отказываетесь простить ему хотя бы часть долга?

— А что я получу взамен, миледи? — спросил, лукаво улыбнувшись, барон. — Готов выслушать ваши предложения. Может быть, мы договоримся.

Ванесса потупилась, не выдержав его многозначительного взгляда, щеки ее стали пунцовыми, как спелые яблоки. Барон залюбовался ее свежим лицом и шелковистыми золотистыми локонами. Сердце его уже готово было смягчиться, но он вовремя вспомнил, что перед ним стоит вовсе не наивная девица. Ей ведь хватило расчетливости и здравого смысла, чтобы выйти замуж не по любви, а ради богатства и дворянского титула. Правда, муж, оказавшийся вертопрахом и дебоширом, не оправдал надежд супруги и, промотав состояние, глупо погиб на дуэли. Не далеко ушел от него и ее пустоголовый братец. Кто знает, может быть, и сама она из того же теста и лишь притворяется несчастной вдовой?

Ванесса исподлобья взглянула на барона, он перехватил ее мимолетный взгляд и понял, что она к нему не равнодушна. Сообразив, что допустила промах, Ванесса негромко промолвила:

— Боюсь, что мне вам нечего предложить. Кончина мужа как подорвала мое материальное положение, что я попала в с тесненные обстоятельства. Ведь мне пришлось оплачивать нес его долговые обязательства. — Она вздохнула и развела руками.

— В таком случае, миледи, почему бы вам снова не выйти замуж?

Ванесса брезгливо поморщилась.

— Во-первых, я не имею таких намерений, барон! А во-вторых, у меня слишком мало времени, чтобы подобрать себе достойную партию.

— Вы действительно в тупике! Однако, миледи, такой иной даме, как вы, не составит труда завести себе бога-любовника. Или он у вас уже есть?

— Нет, лорд Синклер, на сей раз интуиция вас подвела, — сквозь зубы ответила Ванесса. — Любовника у меня нет.

— Однако вы умеете пользоваться своими дамскими прелестями, когда хотите чего-то добиться. Ведь то открытое платье, в котором вы были вчера в игорном доме, вы надели ради меня, не так ли?

Он окинул ее оценивающим взглядом.

Ванесса сделала успокаивающий вдох.

— Мне думается, что вы легко подыщете себе богатого покровителя. Для этого у вас есть все данные. Так воспользуйтесь же ими в своих интересах!

— Я не вертихвостка, милорд! — Ванесса обожгла Дамиена гневным взглядом, и он понял, что перегнул палку.

В спальне установилась напряженная тишина.

Дамиена обескуражил столь яростный отпор. Обычно ему достаточно было намекнуть очаровательной жертве, что он пленен ее восхитительными формами, чтобы та бросилась в его объятия. Ванесса, к ее чести, не пыталась использовать свои природные достоинства, как не пробовала разжалобить его слезами и мольбами. Сохраняя достоинство, она откровенно попросила его оставить ее семье хотя бы родовое поместье.

Такая прямолинейность и решительность просительницы импонировали барону. Однако быть излишне снисходительным ему не хотелось, Ванесса могла счесть это за мягкотелость. Похвальным было и ее желание защитить своего брата, пусть и не достойного этого. При иных обстоятельствах Дамиен мог бы вступить с этой женщиной в интеллектуальную пикировку и, возможно, втянул бы ее в игру в обольщение. Но, к величайшему его сожалению, ее братец бездумно разрушил жизнь его младшей сестры и заслуживал за это сурового наказания. Поэтому ни о каком флирте с Ванессой не могло быть и речи.

— Скажите честно, барон, разве вы не совершали поступков, о которых потом жалели? — воскликнула просительница. — Моего несчастного брата просто не приучили вовремя к самодисциплине, наш отец был для него плохим примером, и в результате Обри вырос, так и не поняв, что такое ответственность.

— Какая душеспипательная сказка! Я вот-вот расплачусь от умиления, — с сарказмом заметил Дамиен. — Ничего преподам ему хороший урок!

— Побойтесь Бога, милорд! Мой брат еще мальчишка!

— А разве моя сестра не наивная девица? За что же он так жестоко с ней обошелся? — прищуриив потемневшие глаза, возразил барон.

— Я не оправдываю его поведение, — миролюбиво согласилась Ванесса. — Оно достойно порицания. Но согласитесь, барон, что лучше употребить свою энергию на помощь несчастной девушке, а не на бессмысленную месть.

— Я не оставил свою сестру без внимания, — ответил Дамиен.

— Неужели? Тогда почему же вы уехали из деревни в Лондон? Не потому ли, что не можете

обойтись без наслаждений и развлечений? Вы же не остались сидеть у постели больной!

Дамиен раскрыл рот от изумления.

— Не понимаю, какое вам до этого дело, леди Уиндем! — придя в себя от потрясения, промолвил он. — К вашему сведению, в Лондон я приехал, только чтобы найти здесь компаньонку для моей сестры. Но сделать это весьма непросто, мне придется обратиться в бюро по трудоустройству, и самому беседовать с кандидатками на эту должность.

— Но прежде вы решили наведаться к портному! — язвительно заметила Ванесса, возмущенная лицемерием Даниема. Несомненно, он не собирался тратить время на уход за сестрой, предпочитая передать ее на попечение наемной птицы. — Только бессердечный человек способен доверить сестру-калеку чужому человеку!

— Послушайте, леди Уиндем! — бархатистым голосом сказал барон, кипя от возмущения, но не показывая его.

— С вашей стороны неразумно ссориться со мной!

Его предостережение остудило пыл Ванессы. Он был, несомненно, прав, с ее стороны было глупо его злить. Лорд Синклер пригвоздил ее к месту взглядом и приблизился. Она оцепенела, парализованная его мужской аурой. Барон подошел к Ванессе вплотную и тихо сказал:

— Вы забыли, что попали в спальню скандально известного развратника! Я ведь могу сделать с вами что угодно, и меня никто за это не осудит.

Сказано это было очень убедительно. И словно бы в подтверждение серьезности этой угрозы, Дамиен перевел свой взгляд на груди Ванессы. Соски ее отвердели, как будто он уже прикоснулся к ним. Она не могла ни пошевелиться, ни закричать. Он протянул руку к ложбине между ее грудей и провел по ней пальцем.

— Вы шокированы, леди Уиндем?

— Вовсе нет, с чего вы это взяли?

— Тогда почему же вы так учащенно задышали? И отчего покраснела ваша очаровательная кожа?

У нее перехватило дыхание, ей стало жарко. Собрав остатки воли, Ванесса вскинула подбородок и сказала, глядя в его стальные глаза:

— Я надеялась воззвать к вашему милосердию, милорд! Но теперь вижу, что ваше сердце очерствело.

Князь Порока холодно усмехнулся:

— При определенных обстоятельствах я могу быть милым и ласковым.

— Пока что у меня нет основания вам верить!

— Просто вы еще плохо знаете меня.

Он вновь окинул ее изучающим взглядом и добавил:

— К сожалению, мадам, я вынужден прервать наш милый разговор: меня ждут неотложные дела.

И он был прав, как ни горько ей было это осознавать! Ванесса была на грани отчаяния. Надежды ее померкли, но же она рискнула предпринять еще одну попытку и воскликнула:

— Вы спросили, милорд, что я могу дать вам в обмен на паше снисхождение? Что ж, я готова предложить вам услуги...

Дамиен почувствовал необъяснимое разочарование и раздражение. Суть всех ее хождений вокруг да около начала наконец-то вырисовываться! Притворщица сбросила маску несчастной скромницы и предстала перед ним во всем своем бесстыдном естестве! Хищно прищутив глаза и гневно раздувая ноздри, он обронил:

— Это интересно!

— Я готова стать сиделкой вашей сестры! — закончила фразу Ванесса.

— Сиделкой? — вскинул брови Дамиен.

— Да, и подружкой. Вам ведь она нужна, не так ли? Вы сами мне это сказали минуту назад. Я избавлю вас от лишних хлопот! Я смогу окружить несчастную мисс Синклер должной заботой! Как мне известно, бедняжка прикована к Постели и страдает от одиночества.

— У вас имеется опыт ухода за инвалидами?

— Да, это мне не внове. Моя матушка очень больна и не редко подолгу не встает с кровати. К тому же я вполне подхожу вашей сестре по своему общественному положению, ведь я сохранила дворянский титул своего покойного супруга. Вдобавок я дочь виконта. Вряд ли какая-либо гувернантка сможет со мной соперничать.

Ламиен нахмурился, обдумывая эти весомые доводы. Ванесса производила впечатление искреннего человека, способного на самопожертвование ради спасения семьи. Но как далеко она готова пойти? Это следовало верить!

— Вы смелая женщина, миледи, — наконец промолвил однако всякой решимости есть предел, не так ли? Вы уверены, что не пойдете на попятную, столкнувшись с суровой реальностью?

— Ради спасения своей семьи я ни перед чем не остановлюсь!

— Ой ли? — Дамиен лукаво усмехнулся. — В таком случае считайте, что вам повезло! Вы меня почти убедили. Я готов прибегнуть к вашим услугам, только в другом смысле. Я предлагаю вам стать моей любовницей. Если вы согласитесь, я прощу вашему брату все его долги.

На миг Ванесса утратила дар речи.

— Не волнуйтесь, миледи, я не собираюсь закабалить вас в рабство. Вы будете моей наложницей до тех пор, пока мы не наскучим друг другу. Полагаю, это произойдет уже осенью. Ну, так вы согласны провести со мной лето?

Барон насмешливо взглянул ей в глаза.

— Мне трудно поверить, что мужчина с вашей репутацией испытывает трудности с любовницами, — наконец ответила она.

Барон пожал плечами:

— В настоящий момент у меня ее нет. Можете этим воспользоваться. Выбор за вами. Я, кажется, ясно изложил свои условия.

Ванесса с трудом сдержалась, чтобы не влечь ему пощечину.

— Не много ли вы себе позволяете, барон?! — воскликнула она, сверкая глазами. — Или вы неудачно пошутили?

Барон ощупал ее масляным взглядом и цинично усмехнулся:

— Успокойтесь, миледи! Не стройте из себя оскорбленную невинность! Вы же многоопытная светская женщина, а не истеричная провинциалка, обуреваемая предрассудками. Вы знали, куда идете, когда принимали решение нанести мне визит. Так к чему эти неумелые сцены? Вы плохая актриса.

Он порывисто обнял ее одной рукой за талию и сжал ругой грудь. Ванесса судорожно вздохнула и, покраснев до корней волос, отшатнулась, вытаращив глаза. Барон улыбнулся и вкрадчиво спросил:

— Следует ли мне понимать это так, что вы отклоняете мое предложение?

— Я этого не говорила! — выдохнула она.

— Так что же вы хотите мне сказать?

— Я подумаю.

— Хорошо, миледи! Но думайте быстрее. А напоследок хочу вас предупредить: заключая со мной договор, помните, что вверяете себя дьяволу во плоти!

Глава 3

Их взгляды скрестились, словно шпаги, выбив искры.

— Вы полагаете, миледи, что цена слишком велика? — спросил Дамиен.

Ванесса судорожно проглотила подступивший ком. Принять его предложение означало загубить свою репутацию. По разве спасение семьи от разорения и верной гибели не стоит такой жертвы?

— И что же будет входить в мои обязанности? — спросила она, пытаясь выиграть время для обдумывания решения.

— Вы не догадываетесь, что должна делать любовница? — Барон вытаращил удивленные глаза.

— Вероятно, нам придется вступить в интимные отношения?

— В этом нет ничего сверхъестественного, миледи! Да, вам придется удовлетворять мои мужские потребности, — подтвердил с очевидным удовольствием барон. — Смею вас заверить, что ваши обязанности не будут чересчур обременительными. Но оговорюсь сразу: я оставляю за собой право посещать вас в постели в любое время. И вы должны будете любезно меня принимать.

— Боюсь, что я вас разочарую, барон. Я не наделена особыми талантами в этом плане, — ответила Ванесса.

— Это я пойму, лишь когда лягу на вас! — бесцеремонно заметил Дамиен.

— У меня нет опыта любовницы, я была близка только с мужем. И должна сказать, что эта сторона брака меня разочаровала. Не понимаю, что привлекательного находят мужчины в плотских забавах? — в сердцах воскликнула Ванесса.

— Не судите обо всех представителях мужского пола по неудачному опыту с вашим супругом, миледи. Если верить тем отзывам о нем, которые я слышал, ваш покойный муж был мужланом. А искусного любовника, как вы только что сказали, у вас не было. Не сочтите мои слова за нескромность, но я берусь изменить ваше мнение о мужчинах. Я обучу вас всему, что вам нужно знать. И, уверяю вас, вам понравится процесс постижения любовных премудростей.

Ванесса величественно подняла голову и возразила:

— Вы меня совершенно не знаете. Как же вы можете предполагать, что мне понравится, а что — нет?

— Дорогая моя, мне не требуется знать лично вас! Мне достаточно того, что я хорошо изучил женскую натуру и знаю толк в пиршествах плоти, — живо парировал Дамиен. — Не станете же вы утверждать, что устроены иначе, чем другие женщины! После первой же ночи, проведенной в моих объятиях, вы не сможете без меня жить!

— Теперь я убедилась, что вы сущий дьявол, барон! Самодовольный бес! И ваше место — в адском пекле.

— Вы правы, я погряз в грехах, — плотоядно облизнувшись, признался барон, рассматривая Ванессу с плохо скрытым подозрением. Ему не верилось, что она искренна в своем возмущении. Под маской обиженной добродетели могла скрываться расчетливая интриганка, изображающая из себя скромную вдову, чтобы набить себе цену. Однако, подумал барон, если в ее прекрасной головке действительно созрел коварный замысел, тогда ему следует отдать должное ее выдержке и актерскому мастерству. Так способна играть лишь искушенная профессионалка, но не наивная провинциалка. С каждой минутой Дамиен все сильнее возбуждался, чего с ним уже давно не случалось.

Она определенно стремилась разжечь в нем пожар истинной страсти! С чего бы еще ей манерничать и упираться? Да любая другая на ее месте ухватилась бы за такой шанс обеими руками! Какая любовница, пусть и самая прекрасная, стоит ста тысяч фунтов стерлингов? А она вдобавок спасает своего никчемного брата. Только дура отказалась бы от подобного предложения!

Однако Ванесса Уиндем не производила на барона впечатление недалекой женщины. Привыкнув за время супружества к слухам и сплетням о похождениях своего беспутного мужа она наверняка не оставалась у него в долгу и сполна использовала свои женские прелести, чтобы обзавестись полезными связями в высшем обществе. Равнодушие к физическому наслаждению в этом случае ей было на руку: она могла действовать расчетливо и хладнокровно. Как, например, сейчас. Этим скорее всего и объяснялось настороженное выражение ее глаз. Л может быть, она слишком высоко себя ценит и боится продешевить? Так или иначе, трудно поверить, что ранимость, сквозящая в ее темных глазах, искренна. Рассудив так, барон спросил на всякий случай:

— Уж не боитесь ли вы меня, леди Уиндем?

— Учитывая легенды вокруг вашего имени, с моей стороны было бы опрометчиво не испытывать страха. Ведь молва утверждает, что для вас не существует законов и правил! Ни одна дама не может чувствовать себя рядом с вами в безопасности.

— У вас нет оснований для излишних волнений, миледи.

— Приблизительно то же самое однажды сказал волк овечке.

Барон не сдержал улыбки: оказывается, у нее острый язычок! Не часто встретишь женщину, осмеливающуюся шутить, когда на кону ее состояние и репутация. Дамиен сел за палисандровый стол и, вынув из ящика колоду карт, протянул ее на ладони Ванессе, со словами:

— Позвольте не согласиться с вами, миледи! Я не волк, а игрок. И поэтому даю вам шанс попытать удачу в честном соревновании. Мы с вами вытянем по одной карте, и тот, у кого она окажется сильнее, станет победителем. Шансы и у вас, и у меня равные. Выиграете вы — я прощу долг вашему брату. Проиграете — станете моей любовницей на все лето. Согласны?

Ванесса зажмурилась и наморщила лоб, лихорадочно пытаясь принять решение. Однажды она уже продалась, но в тот раз эта сделка свершилась под завесой законного брака. Сейчас же она рисковала честью. Но насколько противно ей будет отдаваться этому мужчине? Вряд ли это доставит ей больше моральных и физических страданий, чем сожительство с мужем. К тому же о мужских достоинствах и умении барона ходят легенды, немало женщин мечтают очутиться в его постели! Так зачем же ставить себя выше других? С Божьей помощью все закончится благополучно! К тому же у нее есть шанс выиграть и вообще избежать обременительных обязательств. Если же она проиграет — ей конец!

Условия, выдвинутые бароном, были унижительны и жестоки. Он хотел заполучить в обмен на свое снисхождение ее чувства. Что ж, подумала Ванесса, ради спасения своей семьи от разорения можно заключить сделку даже с дьяволом!

— Вы не оставляете мне выбора, — глухо промолвила она.

— Я даю вам преимущество: перемешайте колоду сами и вытяните карту, — сказал барон, охваченный внезапным порывом благородства.

Ванесса неохотно приблизилась к нему и неумело перетасовала колоду.

— Тяните карту, голубка моя! — медовым голосом повторил Князь Порока, забирая у нее колоду и веером рассыпая ее по столу.

Ванесса протянула дрожащую руку к картам и, вытянув одну из них, перевернула. Валет червей! Сердце Ванессы затрепетало, наполнившись надеждой на победу. Лорд Синклер наморщил лоб и, подумав, поддел ногтем выбранную им карту. Ему выпал пиковый король. Ванесса побледнела: она проиграла.

Барон погладил ее по щеке и произнес:

— Ванесса, наш договор следует скрепить печатью. Пусть ею станет наш первый поцелуй.

Она посмотрела на его чувственный рот и замерла. Барон наклонился и коснулся губами ее

губ. По спине Ванессы побежали мурашки.

— Вас это не затруднило? — распрямляясь, спросил Дамиен.

Его серые глаза подернулись дымкой и словно бы потеплели.

— Кажется, нет, — чуть слышно пролепетала она. Барон протянул руку к вороту ее мантильи и, расстегнув его, будничным голосом спросил:

— Вам не жарко? Может быть, снимете верхнюю одежду? Вы специально так укутались, отправляясь ко мне?

— Мне не жарко, — ответила Ванесса.

— Но мне хочется на вас взглянуть, — настойчивым тоном сказал барон. — Раздевайтесь! Не бойтесь, я на вас не наброшусь, пока вы сами не попросите меня об этом.

Совершенно в этом не уверенная, Ванесса дрожащими пальцами расстегнула пуговицы мантильи. Барон помог ей снять ее и небрежно швырнул на стол.

— Признаться, ваше вчерашнее платье мне больше понравилось, — заметил он, скользнув взглядом по ее простенькому шерстяному коричневому платью. — А впрочем, оно чудесно сочетается с вашими карими глазами. Присядьте на диван, пожалуйста! — Он взял ее за руку и усадил рядом с собой с уверенностью мужчины, знающего наверняка, что он получит свое.

Ванесса села, выпрямив спину, и замерла в тревожном ожидании его дальнейших шагов.

Дамиен тоже не шевелился, прислушиваясь к внутреннему голосу. Ванесса пробудила в нем вождление, но торопиться ему не хотелось. Инстинкт подсказывал ему, что эта женщина трепещет от страха и неуверенности в себе. Несомненно, ее кто-то серьезно обидел, поэтому с ней нужно обращаться осторожно, исподволь пробуждая в ней естественные сексуальные чувства. Но когда они в ней проснутся, его долготерпение будет вознаграждено сторицей.

Барон понимал, что ему не следует отпускать Ванессу, не заложив первый камень в фундамент их будущих отношений. Если не заручиться ее доверием, не развеять ее скверные опасения, то, вернувшись домой, она вновь начнет терзаться сомнениями.

Сладкий запах ее ароматной таинственной розы щекотал барону ноздри, пробуждая томление в чреслах. Но усилием воли он сохранил самообладание и вкрадчиво спросил:

— Вы считаете меня порочным чудовищем?

— Я слишком плохо вас знаю, барон, чтобы делать такие предположения, — робко ответила она, зябко поеживаясь.

— Это верно, — с улыбкой сказал Дамиен. — Честно говоря, мне самому раньше не доводилось бывать в такой ситуации. Поэтому предлагаю для начала поцеловаться. Вы позволите мне вас поцеловать, Ванесса?

— Вы даруете мне право выбора, барон?

— Безусловно! Последнее слово за вами, миледи!

Ванесса пристально всмотрелась в его лицо, ища признаки лукавства, однако ни одного из них

не нашла. Почувствовав, что она не осмеливается сделать первый шаг, барон погладил ее по щеке и сказал:

— У вас чудесная кожа, настоящий шелк!

Взгляд его приковал ее к месту, а мощная волна его мужского обаяния пробудила в ней волнение. Дамиен провел кончиком пальца по ее пухлым губам и снова спросил:

— Так вы поцелуете меня, прекрасная Ванесса?

— Да, — прошептала она, чувствуя, что не в силах противиться его натиску.

Он нежно привлек ее к себе, продолжая завораживать своими дымчатыми глазами, обрамленными черными ресницами, и прижался к ее губам. Его язык проник ей в рот и окончательно пленил ее своим напором. Она обняла его плечи и впиалась пальцами в крепкие мускулы, жадно вдыхая аромат его напрягшегося мужского естества.

Его упругий язык стал исполнять эротический танец у нее во рту, а пальцы — поглаживать ее шею, подбородок, плечи и груди. Соски их набухли, обозначившись под тканью платья.

— Не бойся меня, мой ангел! — прошептал барон.

Убаюканная его проникновенным бархатистым голосом, она расслабилась.

Дамиен стал целовать ее шею и ложбину между грудями. Ванесса заерзала на диване, сжав колени. Голова барона склонялась все ниже, дыхание его становилось все горячее и учащенное. Он оттянул верхнюю кромку платья — и Ванесса с ужасом почувствовала, что в ней просыпается вожделение. Ей захотелось ощутить сосками его горячие влажные губы, позволить его языку дразнить соски. Ей стало стыдно за свои темные помыслы, и она еще плотнее сжала колени.

Язык барона коснулся ее соска, и Ванесса вздрогнула, словно пронзенная молнией. Внизу ее живота вспыхнуло пламя, по бедрам распространилось тепло. Барон стал сосать ее грудь, словно голодный младенец, и она охнула, закрыв глаза.

Бархатистый горячий язык барона продолжал творить чудеса. От его прикосновений соски ее груди набухли, словно розовые бутоны. Рот Дамиена наполнился сладким нектаром. Очарованная магией его волшебства, Ванесса изогнулась, легонько постанывая, и барон стал сосать ее грудь с большим вдохновением. С губ Ванессы сорвался сладострастный стон — отклик плоти на дьявольское наваждение. Барон оставил ее сосок в покое и стал лобызать ее уста. Пораженная происходящей с ней метаморфозой, она плотнее прильнула к нему грудями, словно бы желая вместить в себя как можно больше его энергии. При этом она тихонько подвывала, исподволь входя во вкус небывалого наслаждения.

Руки Ванессы все крепче обнимали плечи Дамиена, и неизвестно, во что бы вылилась эта сцена, если бы он вдруг не прервал сладкое лобзание, нарушив очарование момента.

Барон прижался лбом к ее горячему лбу и хрипло расхохотался, чем поверг Ванессу в недоумение и разочарование. Ей показалось, что он насмехается над ее искренностью и наивной нежностью, которых она и сама от себя не ожидала. Сделав глубокий вдох, Дамиен пробормотал:

— Я, кажется, забылся, миледи, не сердитесь!

Она изумленно уставилась на него, не осмеливаясь признаться, что совершенно не сердится и не прочь продолжить приятные ласки, вызвавшие в ней непривычные ощущения.

— Я думаю, что вы заблуждались относительно своих возможностей, моя прелестная леди, — продолжал барон. — Вам легко удалось разжечь во мне пожар страсти. Несомненно, вы станете превосходной ученицей.

Ванессе стало стыдно за свои низменные эмоции, ей подумалось, что только распутница может желать близости с таким циничным мужчиной.

Она попыталась овладеть своими чувствами и стала суетливо поправлять платье, стараясь не смотреть на барона. Он снисходительно улыбнулся и поправил ей корсаж.

Ванесса обожгла его стыдливым взглядом из-под опущенных ресниц, словно бы умоляя не судить ее строго за то, что она не устояла перед его чарами и не прервала поцелуй. Щечки ее стали пунцовыми при мысли, что, пожелай барон поступить с ней по своему усмотрению, она не смогла бы этому противиться.

Он, вероятно, почувствовал, что ей неловко, и, встав с дивана, сказал:

— Кстати, миледи, в конце недели я намерен отбыть в деревню к сестре. Не хотите ли вы составить мне компанию?

Не без усилий собравшись с мыслями, Ванесса спросила:

— А где я там буду жить?

Вопрос как бы заключал в себе лишнее свидетельство того, что она смирилась с ролью его любовницы, однако надеется, что он будет соблюдать правила хорошего тона и не афишировать их отношения.

— Я мог бы предоставить в ваше распоряжение дом, находящийся неподалеку от имения, — ответил с ухмылкой барон, прекрасно поняв ее намек. — Разумеется, у вас будет и карета для выездов, и все необходимое.

— Кажется, вы не до конца осознаете, барон, что меня заботит, — сказала Ванесса. — Мне бы не хотелось, чтобы о наших отношениях стало известно всему Лондону. Если вы поселите меня в отдельном доме и предоставите в мое распоряжение экипаж, все поймут, что я ваша новая любовница.

— Разумеется, — кивнул Дамиен, — так и случится. Но каков же выход? У вас имеются иные предложения? Я готов их выслушать!

— Я хочу, чтобы вы поняли, барон, что я пекусь не столько о своей репутации, сколько о добром имени своих сестер. Мне бы не хотелось, чтобы наши отношения стали причиной позора моей семьи.

— Вы желаете отказаться от моего предложения? — холодно спросил Дамиен, вперив в нее изучающий взгляд стальных глаз. — Что ж, еще не поздно!

— Вы неверно меня поняли, милорд! — воскликнула Ванесса, бледнея. — Я готова стать компаньонкой вашей сестры. Это станет благовидным объяснением моего присутствия в вашем имении. Я полагаю, что смогу быть ей полезна.

Барон нахмурился, усмотрев в ее словах рациональное зерно. Ему действительно требовалась компаньонка для Оливии, но он предполагал нанять вышколенную и строгую гувернантку с безупречной репутацией. Ванесса же не обладала опытом ухода за прикованной к постели больной и была светской женщиной.

— По-моему, вы не отдаете себе отчета в том, с какими трудностями вам придется столкнуться, — с сомнением произнес он. — Оливия не только парализована, но и охвачена отчаянием. Чтобы стать ее подругой, потребуется ангельское терпение. Готовы ли вы к самопожертвованию?

— Я понимаю вашу озабоченность, ваша светлость, — кротко потупившись, ответила Ванесса. — Но поверьте, лишения научили меня быть терпеливой. Мне доводилось ухаживать и за мамой, и за сестрами, когда они болели. Кроме того, мне бы хотелось загладить вину своего неразумного младшего брата.

Дамиен подошел к окну и уставился на широкую аллею парка. Оливия была единственным дорогим ему человеком во всем свете, но и ее он не уберег, легкомысленно понадеявшись на гувернантку и прислугу. И теперь он считал своим долгом искупить вину перед ней и сделать все возможное для ее скорейшего выздоровления.

Возможно, очаровательная леди Уиндем и права, решил он. Может быть, именно она поможет несчастной Оливии. Что же касается тревоги относительно репутации семьи, то она была вполне объяснима, и за это ее не следовало винить. Более того, именно желание сохранить свое доброе имя даже ценой огромной жертвы пробудило в нем симпатию к ней.

— Я полагаю, — пожевав губами, произнес он, — что мы должны подвергнуть вас испытанию. Поживите в моей усадьбе недельку-другую в качестве компаньонки моей сестры, а там решим, как нам лучше поступить.

Ванесса вздохнула с облегчением.

— Конечно, будет лучше, если вы скроете от Оливии ваше родство с ее обидчиком, — продолжал Дамиен. — Вряд ли ей будет приятно лишнее напоминание о нем.

— Разумеется, милорд! Не думаю, что ей известно, кто я такая. Обри говорил, что он не углублялся в подробности, рассказывая ей о своей семье. К тому же я ношу другую фамилию. Но существует опасность того, что мою тайну ей случайно раскроют ваши соседи.

— Это исключено, — заверил ее барон. — Оливия никого не принимает и не покидает усадьбу.

— Почему бы вам не представить меня ей как вдову, вынужденную искать заработок в силу временных финансовых затруднений?

Синклер обернулся и посмотрел на каминные часы.

— В агентство по трудоустройству я уже опоздал, — сказал он. — А ведь меня там ждут кандидатки на должность компаньонки.

— Вы же сказали, что спешите на встречу с портным! — нахмурившись, заметила Ванесса.

— Каюсь, я вам солгал, — с улыбкой признался Дамиен.

— И часто вы лукавите?

— Мне не хотелось разрушать сложившееся у вас мнение обо мне как о закоренелом развратнике.

Ванесса почувствовала, что ей пора откланяться, и встала, промолвив:

— Позвольте еще раз поблагодарить вас, барон, за вашу снисходительность. Не смею вас больше задерживать!

— Я велю лакею проводить вас.

— Благодарю, я сама найду выход, барон!

— Не лучше ли нам пренебречь титулами в общении? Впредь называйте меня просто Дамиеном.

— Как вам угодно, Дамиен!

— Приятно слышать от вас свое имя, — с лукавой улыбкой заметил барон, словно бы напоминая о том, что между ними случилось.

Ванесса встряхнула головой, отгоняя воспоминания о его жарком поцелуе и нежных ласках. Прежде она никогда не позволяла себе подобных вольностей и не ожидала, что так остроотреагирует на его лобзания. Покойный супруг так и не смог пробудить в ней ответного чувства, она оставалась безразличной к его грубым плотским утехам на протяжении всего брака. Свои супружеские обязанности она исполняла машинально и безучастно, скрывая неприязнь к мужу. Вот почему теперь, невольно вспомнив о том безрадостном времени, Ванесса утвердилась во мнении, что интимная близость с Князем Порока тоже не доставит ей радости, сколь бы ни преуспел он в искусстве разврата.

Она так погрузилась в эти размышления, что вздрогнула, когда Дамиен, неслышно приблизившись, сказал:

— Позволь мне помочь тебе одеться, Ванесса!

С большой неохотой она приняла его помощь. Застегнув пуговицы мантильи, барон положил руки ей на плечи и посмотрел в глаза. Она замерла. Его близость и пронзительный взгляд смущали ее, но повернуться и выйти из спальни она не осмеливалась.

Дамиен тихо промолвил:

— Поверь, я не хочу тебя обидеть, моя прелесть! Я лишь хочу обольстить тебя.

Ванесса густо покраснела, не видя различия между обольщением и нанесением обиды. От такого бесстыдного мужчины не приходилось ожидать ничего хорошего. Он просто растопчет ее достоинство и надругается над ней со всей бесцеремонностью отпетого развратника! Вот и сейчас, с тревогой подумала она, он наверняка потребует от нее поцелуя, а может быть, и чего-то большего. Но барон убрал руки с ее плеч, и она поспешно ушла.

Оставшись один, Дамиен подошел к окну. Вскоре Ванесса вышла из дома и стала спускаться по лестнице, на ходу надвигая на лицо капюшон. Кучер помог ей сесть в карсту и, заняв свое место, тронул лошадей. Проводив взглядом экипаж, Дамиен еще долго стоял возле окна, погруженный в раздумья.

Зачем он ввязался в эту затею? Какой бес в него вселился? Он не предполагал, что события примут такой оборот. Только любовницы ему сейчас и не хватало! Будто бы мало ему других забот! Надо же было связаться с сестрой обидчика Оливии, безмозглого юнца, которого он поклялся уничтожить.

Он дал ей возможность отвергнуть его предложение и не ожидал, что она его примет. Тем не менее согласие Ванессы мл выдвинутые им условия он воспринял с глубоким удовлетворением и с радостным предчувствием. Давненько он не испытывал такого волнения! Пожалуй, до нее еще ни одной женщине не удавалось так возбудить его. Он отведал ласк первых европейских красавиц, однако ни одна из них тронула струн его сердца так, как леди Уиндем. Она поразила его своим особым обаянием, удивительным сочетанием в ее натуре таких качеств, как смелость, ранимость и красота. И, что самое поразительное, ей удалось воспламенить в нем страсть, не прилагая к этому особых усилий!

Дамиен явственно ощутил на губах вкус ее сладких уст и волнующий запах молодого тела. Лишь только он обнял ее, как в его чреслах вспыхнуло вожделение. Он едва не потерял голову, опьяненный бурлившей в жилах кровью. В воображении барона возникла обнаженная Ванесса, бесстыдно возлежащая на кровати в соблазнительной позе...

Жар в чреслах напомнил Дамиену, что с огнем следует соблюдать осторожность. Он потрянул головой, отгоняя бесовское наваждение, и стиснул зубы, превозмогая томление внизу живота.

Однако неожиданное оживление его мужского естества навело барона на мысль, что все его сомнения имеют банальное объяснение: озабоченный происшествием с сестрой, он давно не развлекался с дамами. Длительное воздержание было ему внове, его последней любовницей была актриса по прозвищу Серебристая Лебедь. Да и ее он был вынужден срочно покинуть, торопясь в свое имение в Уорикшире.

Желая загладить свою вину перед Элизой Суонн, барон дал своему секретарю поручение отослать ей изумрудное ожерелье, чудесно сочетающееся с подаренным им ей ранее браслетом. К подарку он приложил записку, содержащую прозрачный намек на то, что ей следует поискать себе нового покровителя. С тех пор у Дамиена не возникало желания прикоснуться к женскому телу — до сегодняшнего утра...

Поймав себя на том, что его мыслями снова овладела прекрасная Ванесса Уиндем, барон резко отвернулся от окна и дернул за шнур звонка, вызывая секретаря.

Что в ней необычного, черт бы ее побрал?! Какого дьявола его воображение пленила именно она, при ее очевидном нежелании вступать с ним в интимную близость? Ведь она затрепетала от страха, очутившись в его объятиях!

И тем не менее Дамиен желал именно эту женщину и намеревался добиться своего. Столь странное желание не поддавалось рациональному объяснению. Более того, оно не было благородным, ведь поначалу он намеревался надругаться над сестрой обидчика Оливии, дать волю своей жажде мщения. Но стоило ему обнять и поцеловать Ванессу, как его отношение к ней изменилось.

Пронзенный, словно шпагой на дуэли, уколом совести, Дамиен болезненно поморщился и задался вопросом: а уместно ли в данной ситуации самобичевание? Разве он не проявил великодушие, уступив ее мольбе? Разве не сдержал он свою похоть в миг ослепления поцелуем? Ведь он мог бы овладеть ею, однако предпочел тонкое умозрительное удовольствие грубому плотскому. Что может быть приятнее, чем знать, что твой противник страдает от

стыда и позора? Ведь как бы ни тяготилась Ванесса ролью наложницы, она ею стала по вине своего беспутного брата! Ради спасения своего родового поместья леди превратилась в вульгарную содержанку! Это ли не победа?! Дамиен улыбнулся, вообразив, как она ползает на коленях у его ног, умоляя позволить ей удовлетворить его желание. Так поступали все его прежние любовницы, и Дамиен не видел оснований сомневаться в своем триумфе и на этот раз. Вот только почему эта женщина стала для него такой желанной?

Распалившаяся фантазия рисовала барону обнаженную Ванессу, шепчущую его имя во время соития; ее мелодичный голос звучал слаще райских мелодий; гибкий стан, изогнувшийся в сладострастной позе, манил Дамиена к себе, его чресла заняли, переполненные вождением. Он часто и отрывисто задышал, представив, как ложится рядом с ней на любовное ложе, преисполненный решимости и мужской, как наклоняется ближе к ее устам, произносящим его имя, и всматривается в ее лицо...

Дамиен встряхнул головой, отгоняя видение, и попытался хладнокровно обдумать свои дальнейшие действия.

Конечно, необычное соглашение, которое они заключили, повлечет за собой определенные неудобства. Разумеется, он вынужден будет хранить в тайне их уговор и не афишировать, что леди, проживающая в его имении на правах компаньонки его больной сестры, на самом деле его любовница. Пожалуй, обольщение этой дамы станет самым сложным из всех его амурных интриг. Но инстинкт подсказывал Дамиену, что все его усилия будут сполна вознаграждены.

Он усмехнулся, представив, насколько трудной будет осада крепости леди Уиндем. Но тем приятнее станет для него долгожданный прорыв ее упорной обороны! Тем слаще покажется ему победа над этой холодной миледи, носящей звучное имя Ванесса. Вне всяких сомнений, процесс обучения ее искусству обольщения доставит им обоим огромное удовольствие.

Глава 4

Убаюканная мерным покачиванием кареты на пружинных рессорах, Ванесса немного успокоилась и позволила себе расслабиться на обитых бархатом тугих подушках сиденья. Семичасовое путешествие в вынужденной близости к Дамиену Синклеру стало серьезным испытанием для ее нервов.

За все время поездки в северном от Лондона направлении они почти не разговаривали. Ванесса чувствовала, что барон не в духе, и не одолевала его расспросами об усадьбе. Уставившись в окно кареты, он погрузился в раздумья. Время от времени Ванесса разглядывала исподлобья его благородный суровый профиль, и тогда сердце ее замирало от смутных предчувствий. Снова и снова она задавалась вопросом, какой бес ее попутал заключить соглашение с этим воплощением дьявола? Она не сомневалась, что он использует ее не столько для удовлетворения своей неумной похоти, сколько как пешку в затеянной им мести за унижение и урон, причиненный его сестре ее братом.

Ванесса осознавала, что он имеет право на возмездие, нанесение ответного удара тому, кто соблазнил его сестру. Однако сделать из себя орудие мести, послушную марионетку Ванесса не могла ему позволить. Она дала себе слово, что барон горько пожалеет о том, что принудил ее расплачиваться за грехи ее брата.

Чем ближе подъезжали они к цели своего долгого путешествия, тем мрачнее становилось лицо барона. За окном сменялись обычные картины провинциальной Англии: хлебные поля чередовались с изумрудно-зелеными пастбищами, обнесенными вечнозелеными изгородями,

болотца и пруды — с лесками и рошицами. По проселку ломовые лошади тянули груженные мешками телеги, лениво брели гурты овец и стада коров.

Наконец Ванесса собралась с духом и промолвила:

— Коль скоро мне предстоит стать компаньонкой вашей сестры, барон, не расскажете ли вы мне хоть что-нибудь о ней?

Дамиен вздрогнул и спросил, недоуменно окинув ее взглядом своих серых глаз:

— А что, собственно говоря, вам хотелось бы узнать?

— Ну, каков склад ее характера, умна ли она, насколько серьезно больна, в общем, все, что поможет нам найти общий язык, — пояснила Ванесса.

— В настоящий момент она калека, — с горечью ответил Дамиен. — У нее отсутствует чувствительность в нижней половине тела, она не покидает спальню и даже не пытается воспользоваться инвалидным креслом, которое я соорудил для нее. Что же касается ее характера и привычек... — Барон улыбнулся, и голос его потеплел. — Она была славным ребенком и стала чудной девушкой, доброй и неиспорченной. Мне трудно понять, как мог ваш брат так с ней поступить. Подозреваю, что она замкнулась в себе и зла на весь свет, столь жестоко обошедшийся с ней. — Он снова нахмурился.

У Ванессы перехватило дыхание, когда она услышала эти слова. Она поняла, что составила о нем предвзятое впечатление, поторопилась зачислить его в закоренелые эгоисты. Теперь она уже не считала, что он думает исключительно о своем удовольствии.

Дамиен потер подушечками пальцев виски и добавил, поморщившись, словно от мигрени:

— Отчасти я виновен в ее нынешних страданиях. Я должен был окружить ее большей заботой и лучше охранять от проходимцев и негодяев. Наши родители погибли в результате трагического дорожного происшествия, когда Оливии было десять лет. Поэтому воспитывать ее пришлось мне. Но я совершенно не представлял себе, как обращаться с наивной девочкой! Я позаботился, чтобы она получила должное образование, нанял ей педагогов и гувернантку, но сам уделял ей мало внимания, поскольку жил в городе и навещал ее редко.

— Ей уже исполнилось семнадцать лет? — спросила Ванесса.

— Восемнадцать, но она еще не выходила в свет. Я запретил вывозить ее в Лондон на светский сезон, полагая, что она не созрела для этого. Теперь я понимаю, что совершил глупость. Оливия устала от скуки в деревне и поэтому с легкостью позволила обмануть себя первому же попавшемуся ей прощелыге. Я имею в виду вашего братца. Он вскружил ей голову своим напыщенным видом и красивыми небылицами, и она решила, что влюблена в этого пижона.

Ванесса вздрогнула при этих резких словах, но промолчала, понимая, что барон прав.

— Врачи говорят, что нам остается молить Бога сотворить чудо, — продолжал, помолчав, Дамиен. — С большим трудом я разыскал в Оксфордшире одного лекаря, который полагает, что шанс на выздоровление у нее есть. Он не исключает, что ее позвоночник не сломан, а только ушиблен, и со временем она поправится. Но для этого ей придется упорно лечиться. Я решил ухватиться за эту возможность и сделать все, что от меня зависит, для ее исцеления. Я, вероятно, кажусь вам наивным? Ведь все другие врачи настроены скептически.

— Иногда разумнее следовать своему чутью, а не советам знатоков, — заметила Ванесса, видя искреннюю душевную боль в его дымчатых глазах. — А каково настроение Оливии? Ее вдохновило оптимистическое заключение вашего знакомого эскулапа?

— К сожалению, им не удалось прийти к взаимопониманию, — огорченно ответил барон, разводя руками.

— Отчего же? — Ванесса удивленно вскинула брови. — Неужели этот лекарь вызвал у Оливии антипатию?

— Дело вовсе не в том, какие они испытывают чувства друг к другу, миледи. Моя бедная сестра не хочет бороться за свое выздоровление, она махнула на себя рукой — вот в чем беда! Она упала духом и полагает, что жизнь ее непоправимо разрушена. Возможно, она права...

— И виной всему ее неудачная попытка сбежать с возлюбленным, закончившаяся трагедией?

— Именно так, — подтвердил, сжав зубы, барон. — Теперь ее репутация замарана, а шансы выйти замуж равны нулю.

— Но она остается богатой наследницей!

— Да, однако за ней всегда будет тянуться шлейф этого скандала, хотя я и предпринял все меры, чтобы воспрепятствовать распространению грязных сплетен. Я пустил слух, что Оливия прибыла в этот трактир для встречи со своим кузеном, следовавшим проездом через Олсестер, и там с ней случайно произошло несчастье. — Барон заскрежетал зубами, вспомнив о трагедии, постигшей его сестру. — Я также разыскал двух юных негодяев, заключивших пари с вашим беспутным братцем, и взял с них слово, что они будут держать язык за зубами. Однако это не остановило распространение досужих домыслов.

Ванесса сочувственно кивнула, благоразумно воздержавшись от замечаний. Но любой другой на ее месте не преминул бы отметить, что, когда скандал пытается замять такой известный бузотер, как Князь Порока, он вспыхивает с удвоенной силой, как огонь, в который плеснули масла. Да и методы увещевания, к которым он прибег, разыскав дружков виновника происшествия, вряд ли были разумными. Скорее всего он хорошенько припугнул этих молодых повес физической расправой, а потом помчался на поиски Обри, с тем чтобы разорить его.

Мало кто из благоразумных людей дерзнул бы обидеть мстительного Князя Порока, однако даже ему было не дано заставить мир замолчать.

— Но сильнее всего я корю себя за то, что не учел, насколько опасна для Оливии ее бессердечная и надменная гувернантка, безмерно гордая своей притворной стыдливостью. Эта старая стерва довела бедную девушку до отчаяния своими упреками в безнравственности. Оливия всерьез начала подумывать о сведении счетов с жизнью, утратившей для нее смысл. Надеюсь, теперь вы понимаете, почему я так озабочен заменой этой ханжи женщиной, способной на сострадание и дружбу?

— Да, разумеется, — ответила Ванесса, — я вам сочувствую и постараюсь сделать все, чтобы стать ей подругой.

Дамиен удовлетворенно кивнул и снова уставился в окно. Спустя четверть часа экипаж свернул с тракта на проселочную дорогу, обсаженную вязами, и вскоре остановился.

— Вот мы и приехали, — рассеянно сказал барон.

Ванесса посмотрела в окно и ахнула, пораженная красотой окружавшего усадьбу парка. В середине его сверкало на солнце небольшое озерцо. Развесистые каштаны и буки величественно покачивали своими верхушками, словно бы приветствуя гостью. На лужайке пасся красный олень. От монументального дома, построенного из железняка золотистого цвета, спешили к экипажу конюхи и лакеи.

Лорд Синклер помог Ванессе выбраться из полумрака кареты на свет Божий, и она с удовольствием вдохнула свежий теплый воздух, насыщенный ароматом роз.

— Вы, должно быть, утомились, леди Уиндем, — промолвил он достаточно громко, чтобы его могли слышать слуги. — Я распоряджусь, чтобы ваш багаж отнесли в вашу комнату.

— Благодарю вас, милорд! Я бы с удовольствием привела себя в порядок после путешествия, а потом, надеюсь, вы представите меня вашей сестре. Мы бы могли вместе выпить чаю.

— Если вам удастся уговорить Оливию выпить с нами чаю, я буду считать, что вам сопутствует удача. Она ест меньше, чем воробей, и не слушается ни меня, ни лекаря, — нахмутив лоб, сказал Дамиен. — Позвольте мне сопроводить вас в дом.

Они поднялись по мраморной лестнице и вошли в холл, где их встретил высокий краснощекий управляющий, которого барон представил гостье как Беллоуза. Тот, в свою очередь, представил ей величавого дворецкого Крофта и дородную экономку миссис Несбит, которая сделала реверанс и с любезной улыбкой промолвила:

— Добро пожаловать в усадьбу Палисандровая Роща, миледи!

— Ужин у нас подают в восемь, — сказал Дамиен. — Миссис Несбит проводит вас в вашу комнату. А когда вы приведете себя в порядок, я представлю вас сестре.

Предоставленная в распоряжение Ванессы спальня показалась ей излишне роскошной, однако, поразмыслив, она пришла к выводу, что расшитые золотом портьеры и шелковая стенная обивка вполне уместны в будуаре герцогини и любовницы барона.

Помещение было огромным, с большой кроватью с пологом, мраморным камином, обитым плюшем шезлонгом и двумя резными стульями с подлокотниками. На маленьком столике сверкали два хрустальных графина с коньяком и портвейном, а на другом столе, между высокими окнами, красовалась серебряная ваза с выгравированными на ней розами.

— Это подарок королевы Елизаветы первому барону Синклеру, — пояснила экономка, перехватив заинтересованный взгляд гостьи. — В честь его комната именуется Кубковой. Я вижу, что эта вещь вам понравилась, миледи.

Ванесса кивнула и подошла к окну. Ее взору открылся вид на прекрасный парк, тенистые аллеи которого сулили приятную прохладу во время прогулок в жаркий летний день. Но больше всего понравились ей прекрасные розы, цветущие повсюду. Неслышно приблизившаяся к ней миссис Несбит негромко промолвила:

— Его светлость славится своим искусством выращивания этих чудесных цветов. К нам нередко наведываются ботаники и художники, чтобы взглянуть на творения его рук и зарисовать их.

— Я удивлена, — призналась Ванесса. — Вот уж не думала, что Дамиен Синклер увлекается разведением роз!

— В семье Синклер их разводят со времен крестоносцев, миледи, — сказала экономка. — Его светлость вывел немало новых сортов.

— Теперь я понимаю, почему роза изображена на его фамильном гербе! — воскликнула Ванесса, вспомнив герб, который она видела на дверце кареты.

— С вашего позволения, миледи, я принесу вам теплой воды для умывания и разожгу огонь в камине. Вечером в доме прохладно, — сказала экономка. — Будете пить чай здесь или в гостиной?

— Я бы хотела прежде всего познакомиться с мисс Оливией, — ответила Ванесса.

— Я вижу, вы прибыли без служанки, миледи. Я пришлю к вам горничную, она поможет вам переодеться к ужину.

— Буду вам очень признательна!

Когда экономка ушла, Ванесса подошла к окну и нахмурилась: вот уже в который раз выяснилось, что Дамиен Синклер обладает тайными способностями. Ее смущало, что она не понимает, радоваться ей в связи с этим или огорчаться.

Когда Ванесса умылась и переоделась, экономка повела ее во флигель, где находились спальные покои Оливии. Шторы на окнах были задернуты, в комнате царил полумрак. Дамиен сидел у кровати больной. Но при появлении гостя встал и сказал:

— Леди Уиндем, позвольте представить вам мою сестру. Ванесса приблизилась к кровати, на которой лежала изможденная девушка, и промолвила:

— Я рада с вами познакомиться.

Оливия обернулась, но ее бледное лицо оставалось безучастным. Скользнув по незнакомке безразличным взглядом, Миа отвернулась, так и не произнеся ни слова.

— Вы не могли бы оставить нас на минуту одних, барон? — спросила Ванесса.

— Как вам угодно, — ответил он, нахмурившись, и вышел. Ванесса присела на стул и дружелюбно сказала:

— Мне кажется, что мы быстрее найдем общий язык в отсутствие вашего брата. Он вас угнетает своим строгим обликом. Я угадала?

— Многие люди тоже так считают, — бесцветным голосом ответила девушка, не оборачиваясь.

— А. вы нет? Впрочем, вы знаете его с детства...

— Послушайте, леди Уиндем, — перебила ее Оливия. — Я понимаю, что Дамиен привез вас сюда из добрых побуждений, но ни сиделка, ни компаньонка мне не нужны.

— Возможно, — легко согласилась Ванесса. — Пожалуй, окажись я на вашем месте, я бы тоже не захотела ни с кем знакомиться и общаться. Но мне почему-то кажется, Оливия, что мы с вами непременно подружимся.

— Не хочу показаться невежливой, леди Уиндем, но я не люблю навязчивых людей. Мне не нужна подруга. Я не нуждаюсь ни в чьем обществе.

— В таком случае я могла бы просто иногда проведывать вас. Я пробуду в усадьбе довольно долго и буду рада поболтать с вами или почитать вам книгу. Согласитесь, что невыносимо все время быть одной! — возразила Ванесса. — Можете считать меня своей сестрой.

— У меня никогда не было сестры.

— А у меня их две, и обе младшие. Знаете, вы чем-то мне напоминаете мою сестренку Фанни. Она тоже брюнетка. Вот только я не могу разобрать в темноте, какого цвета ваши глаза. Тоже серые, как у брата?

— Нет, голубые, — неохотно ответила Оливия.

— Я вам завидую! Мне тоже хотелось бы иметь голубые глаза! — воскликнула Ванесса. — Но у меня они карие, как у лошади. Из-за этого мой брат в детстве дразнил меня ослицей. Кстати, у меня для вас есть подарок. — Она наклонилась и протянула девушке книгу в дорогом кожаном переплете и с золотым обрезом. Книга стоила очень дорого, но Ванессе хотелось хоть чем-то порадовать прикованную к постели девушку. — Можно зажечь лампу, чтобы вы прочли название?

— Да, пожалуйста!

Ванесса зажгла светильник, и Оливия, взглянув на титул книги, охнула от восхищения: ей давно хотелось иметь томик сонетов Уильяма Шекспира.

— Спасибо, леди Уиндем!

— Называйте меня просто Ванессой.

— Хорошо. Благодарю вас, Ванесса!

— Вы любите Шекспира?

— Обожаю! Это чудесный подарок!

— Я с удовольствием почитаю вам вслух, когда у вас будет лирическое настроение, — предложила Ванесса.

Оливия внимательно посмотрела на нее и заметила:

— А вы очень настырны!

— Вы правы, — с улыбкой призналась Ванесса. — Не зря же в детстве меня прозвали упрямой ослицей.

Оливия улыбнулась, впервые за долгое время, и спросила:

— Где вы достали это чудесное издание?

— В книжной лавке Хэтчарда в Лондоне. Если хотите, я отведу вас туда, когда вы в следующий раз поедете в Лондон.

— Я сомневаюсь, что когда-нибудь снова туда выберусь!

— Отчего же? Ваш брат собирается вывезти вас в Лондон на следующий светский сезон, —

сказала Ванесса, прибегнув к спасительной лжи, чтобы поднять у собеседницы настроение. Она была уверена, что Дамиен не осудит, а даже похвалит ее за находчивость.

Оливия удивленно взглянула на нее и с упреком воскликнула:

— Разве это возможно? Ведь я не в состоянии не только танцевать, но даже ходить!

Ванесса взяла ее за руку и наставительно промолвила:

— Я не могу судить, насколько велики ваши страдания, но знаю наверняка, что не надо сторониться людей, желающих вам помочь.

— Разве Дамиен не рассказывал вам, что со мной произошло?

— Он сказал, что вас постигло несчастье, которого вы не заслуживаете.

— По-моему, он сердится на меня за мое неразумное поведение!

— Вовсе нет! Скорее, он корит себя за то, что не уберег вас. Барон вас обожает и готов ради вас на все, — заверила ее Ванесса.

— Вы заблуждаетесь! Он совершенно не уделял мне внимания, пока не случилось это несчастье, — дрожащим голосом возразила Оливия. — Я всегда страдала от одиночества.

— Он сожалеет и об этом. Но вы вовсе не одиноки, смею вас заверить! Слуги души в вас не чают. Да и подруги у вас тоже наверняка есть, не так ли?

— Поначалу они навещали меня, но потом я их всех отвадила. Мне не хочется, чтобы они видели меня такой, — со слезами на глазах призналась девушка.

— Я вас понимаю, — сочувственно кивнула Ванесса. — Окажись я в вашем положении, я тоже бы так поступила. Ведь бороться за счастье так трудно! Гораздо легче смириться со своей участью, покориться судьбе-злодейке, внушив себе, что тебе не суждено вернуться к нормальной жизни. Вот только поступать так нечестно.

— Нечестно? — Оливия недоуменно вскинула брови.

— Да, нечестно по отношению к вашему брату! Вы, наверное, и не догадываетесь, как он убивается, укоряя себя за то, что позволил этой беде случиться.

— Но он ни в чем не виноват!

— В этом вам не удастся его убедить, — сказала Ванесса. — Пока он не перестанет считать, что не может вам помочь, он будет мучиться и страдать.

На лице Оливии отобразилось смятение.

— Я не хочу, чтобы брат страдал из-за меня, — промолвила она после непродолжительного раздумья.

— Тогда вам нужно согласиться на лечение, которое предлагает вам нанятый им врач. Даже если вы почувствуете незначительное облегчение, барон воспрянет духом, убедившись, что ваше положение не безнадежно. Да и вам процедуры наверняка пойдут на пользу! Я вижу, вы устали, вам нужно отдохнуть. Не стану вас утомлять, пойду. Если хотите, я потушу лампу.

— Нет! — воскликнула Оливия. — Пожалуйста, не надо! Мне хочется почитать сонеты.

Ванесса облегченно вздохнула: дело сдвинулось с мертвой точки. Теперь Оливии будет о чем поразмышлять, кроме своего нынешнего позорного и безрадостного положения. Потребуется приложить еще немало усилий, чтобы воодушевить ее на долгую и трудную борьбу с недугом, вселить в нее веру в свое полное выздоровление.

Спустя несколько часов в комнату, отведенную госте, вошла служанка, посланная экономкой. С ее помощью Ванесса переоделась в голубое шелковое платье с высоким корсажем, скромное, но элегантное. Еще не свыкнувшись со своей ролью любовницы барона, она сочла, что такой наряд вполне уместен.

Спустившись в гостиную, расположенную на первом этаже, она почувствовала волнение. День угасал, и вступающая в свои права ночь напоминала ей, что приближается момент, когда ей придется выполнять свои амурные обязательства.

Дамиена она застала стоящим, словно величавая статуя, в распахнутых створчатых дверях. Одетый в строгий темно-синий сюртук, он задумчиво смотрел на вековые вязы, окрашенные закатом в багрец и пурпур, и наслаждался магическим ароматом роз. Его невозмутимое лицо свидетельствовало, что он далек от любовных фантазий, а горделивая осанка придавала его облику особое обаяние решительного мужчины.

Влекомая неведомой силой, Ванесса приблизилась к нему и встала с ним рядом. Почувствовав ее присутствие, барон напрягся и, обернувшись, спросил:

— Вы любите розы?

Удивленная этим вопросом, она ответила:

— Да, очень! У вас такой чудесный сад! Вы, как я слышала, немало способствовали его воскрешению.

— Это так, — кивнул Дамиен. — В юности я посвящал этим растениям все свое свободное от учебы время и оживил и парк, и розарий, запущенные моими предками. Им было недосуг заниматься кустарниками и деревьями, они полагали, что садоводство — удел простолюдинов.

Барон усмехнулся, и Ванесса, покосившись на его точеный профиль, отметила, что циничная улыбка в сочетании с белоснежным льняным галстуком придает его благородному лицу особое очарование. Сердце ее затрепетало, как случалось с ней всегда, когда она находилась рядом с Дамиеном. Но мысли барона, очевидно, были заняты в этот момент чем-то другим.

С наигранным хладнокровием он спросил:

— Ну и каково же ваше первое впечатление о моей сестре, миледи?

— Вы оказались правы, барон: Оливия близка к отчаянию. Она подавлена и встревожена как своей физической ущербностью, так и отсутствием надежды на лучшее будущее. Однако мне кажется, что для нее еще не все потеряно.

Дамиен перевел взгляд на розовые клумбы.

— Оливия любила гулять по аллее и любоваться цветами. Теперь она отказывается даже приблизиться к розарию.

— Вы принимаете ее беду слишком близко к сердцу, — заметила Ванесса. — Все не так страшно, как вам кажется.

— Лучше бы я стал калекой! — с горечью ответил барон.

Ванесса отвернулась, до глубины души потрясенная его готовностью к самопожертвованию. Ей страшно было даже представить инвалидом этого сильного и жизнелюбивого мужчину, привыкшего подчинять себе обстоятельства и изменять их по своему усмотрению.

Дамиен встряхнул головой, отгоняя неприятные мысли, и с любезной улыбкой произнес:

— Извините, Ванесса, я, кажется, забыл о своих обязанностях вас развлекать. Впредь обязуюсь быть радушным хозяином и не огорчать вас. Позвольте мне проводить вас в столовую.

Смущенная его взглядом, задержавшимся на вырезе ее платья, она поежилась от охватившего ее жара и, взяв Дамиена под руку, прошла с ним в малую столовую. Ее пальцы, сжимавшие гладкую ткань сюртука, слегка подрагивали, необыкновенный жар в теле не унимался. Возбуждение ее усилилось, когда она увидела, что стол из красного дерева, посередине которого стоял серебряный канделябр с зажженными свечами, сервирован только на две персоны. Она села по правую руку от барона, он занял свое место, и лакей подал им суп из черепахи с трюфелями и копченую лососину со спаржей. Эти великолепные блюда прекрасно сочетались с мадерой. Затем последовали не менее аппетитные шедевры кулинарного искусства: телячье рагу, жаркое из оленины, отварная зеленая фасоль, цветная капуста, обжаренная в сухарях, и поросенок под мятным соусом. Но Ванесса едва притронулась к этим изысканным кушаньям, внезапно лишившись аппетита.

Барон старательно изображал радушного хозяина и ублажал ее забавными рассказами о своих славных предках. Ванесса в ответ мычала нечто невразумительное и кивала, вяло ковыряясь в закуске вилкой. Когда же подали десерт — сдобные ватрушки, ананасовый крем и миндаль, обжаренный с сахаром и корицей, нервы ее натянулись до предела.

— Вам не нравится угощение, миледи? — спросил Дамиен. — Мой повар заслуживает наказания?

— Нет, отнюдь... — пролепетала Ванесса. — Все очень вкусно.

— В таком случае почему вы так мало ели?

Ванесса сглотнула подступивший ком и чуть слышно спросила, уходя от ответа:

— Быть может, милорд, вы желаете остаться наедине с бокалом портвейна?

Дамиен сделал лакею знак наполнить вином хрустальные бокалы и отпустил его. Ванесса впала в паническое состояние, заподозрив, что барон намерен поговорить с ней о ее амурных обязанностях. Набравшись смелости, она взглянула ему в глаза и спросила, указывая пальцем на свой наполненный до краев бокал:

— Вы специально так усердно потчуете меня вином? Надеетесь добиться таким образом от меня большей покладистости в будуаре?

Дамиен пристально посмотрел на нее и промолвил:

— Уверяю вас, мой ангел, что мне не потребуется прибегать к вину, когда наступит время для

нашего уединения в спальне. По правде говоря, я бы предпочел, чтобы вы были в этот момент способны руководить своими поступками. Амурным забавам лучше предаваться на трезвую голову!

Его слова переполнили чашу ее терпения.

— Я вижу, что вам нравится надо мной насмеяться! — в сердцах воскликнула она.

Дамиен встал из-за стола, и она вздрогнула. Но он подошел к шнуру звонка и, дернув за него, вызвал дворецкого Крофта. Тот явился незамедлительно и отвесил барону почтительный поклон. Дамиен занял свое место за столом и сказал:

— Пригласите сюда миссис Несбит, пожалуйста!

— Сию минуту, ваша светлость! — ответил дворецкий.

Внезапно ощутив сухость во рту, Ванесса сделала глоток портвейна. Зачем барону понадобилась экономка? Что он задумал? Какой новый дьявольский план родился в его голове?

Прибывшая вскоре миссис Несбит выглядела не менее заинтригованной, чем гостья.

— Вы звали меня, милорд? — спросила она.

— Ключ от Кубковой комнаты у вас? По-моему, он должен быть на одном кольце вместе с другими ключами, которые вы всегда носите с собой.

— Так оно и есть. — Экономка извлекла из кармана шлафрока большую связку ключей.

— Дайте мне ключ от спальни леди Уиндем.

Экономка нашла нужный ключ и отдала его хозяину.

— Дубликат этого ключа имеется? — спросил он.

— Нет, ваша светлость.

— Благодарю вас, миссис Несбит, вы свободны.

Когда они с Ванессой остались в столовой одни, Дамиен протянул ей ключ и промолвил:

— Если вам станет от этого спокойнее, мой ангел, возьмите его и держите при себе.

Это было сказано вполне серьезно.

— Повторяю, Ванесса, вам не нужно меня бояться. Я никогда не принуждал женщин к интимной близости и не намерен делать это впредь. Берите же ключ!

Ванесса протянула руку и, взяв ключ, прошептала:

— Благодарю вас, барон!

Дамиен улыбнулся и погладил ее по щеке. По спине у Ванессы побежали мурашки, она замерла, парализованная его нежным прикосновением и пронзительным многообещающим взглядом. Ключ, зажатый в ее кулачке, хранил тепло его ладони. Барон хрипло сказал:

— Я самый обыкновенный мужчина, а не страшное чудовище. Со временем вы это поймете. А теперь ступайте спать!

Он взял со стола наполненный бокал и сделал большой глоток.

— Спать? — удивленно переспросила Ванесса, подумав, что она ослышалась. Ей не верилось, что дьявол может быть не только ласковым, но и великодушным. На протяжении всего ужина она с трепетом ожидала совершенно иного финала!

Прочитав недоумение и немой вопрос в ее глазах, барон с усмешкой повторил:

— Да, ступайте к себе, миледи. Сегодня вы будете спать одна. Я не стану вам навязываться, подожду, пока вы сами пригласите меня разделить с вами ложе.

Ванесса с огромным трудом встала, преодолев дрожь в ногах, и поспешила покинуть зал, пока Дамиен не передумал.

— Желаю вам приятных сновидений! — крикнул ей вдогонку он и разразился демоническим хохотом.

Едва ли не бегом Ванесса влетела в опочивальню и заперлась на ключ. Тут силы покинули ее, и она, тяжело дыша, привалилась к двери спиной. Грудь ее вздымалась, колени тряслись, ключ, зажатый в руке, жег ладонь, в голове вертелся вопрос: как долго Дамиен будет проявлять к ней снисходительность? Когда же он вынудит ее исполнить свои обязанности?

Переведя дух, она положила ключ в туалетный столик и стала расхаживать по комнате, пытаясь собраться с мыслями. Ни спать, ни читать ей не хотелось, хотя аккуратно застеленная кровать со взбитыми подушками и манила ее к себе. Она подошла к окну и, отдернув штору,пустила в спальню серебристый лунный свет. За окном темнел уснувший парк, на опустевших аллеях не было ни души.

Она отошла от окна и потушила лампу.

Комната погрузилась в мистический полумрак, пронизываемый тусклым лунным светом. Ванесса переоделась в ночную рубашку и подумала, что рано или поздно ей придется надевать на ночь negligee.

Постель оказалась теплой и мягкой, и вскоре Ванесса уснула. Ей приснился Князь Порока, он обнимал ее и страстно целовал, его жаркое дыхание пахло розами. Она млела в его объятиях, тело ее таяло, словно теплый мед... Внезапно она проснулась и почувствовала, что вся горит, а сердце норовит выскочить из груди. В камине тихонько потрескивали уголья, распространяя по спальне жар. На освещенной лунным светом подушке рядом с Ванессой что-то лежало. Она робко протянула руку к таинственному предмету и поняла, что это цветок розы с бархатистыми лепестками. Все еще не уверенная, что она проснулась, Ванесса подняла взгляд и увидела Дамиена Синклера. Глаза его светились таинственным серебристым светом.

Глава 5

Барон был одет в темно-синий парчовый халат, в руке он держал крохотную рюмочку.

— Не желаете ли глоточек коньяку, мой ангел? — бархатным голосом спросил он.

Ванесса поняла, что это не сон.

— Что вам угодно, милорд? — взвизгнула она, прижав к груди шелковое покрывало.

— Как это ни странно, мне стало скучно, — пожав плечами, ответил Дамиен. — С тех пор как с моей сестрой случилась беда, меня часто мучит бессонница. Не желаете ли посидеть у камина в шезлонге и немного поболтать?

Ванесса обмоталась покрывалом и, встав с кровати, опасно приблизилась к камину.

— Как вы сюда проникли? Значит, у вас есть второй ключ?

— Нет, ключ есть только у вас!

— Тогда как же вы здесь очутились?

— Через тайный ход, миледи. Его распорядился построить один из моих предков, надеясь таким образом спастись от сподручников кровавого Кромвеля в случае их внезапного набега. Отец же пользовался этим секретным ходом, чтобы тайно посещать любовниц. Одна из стальных панелей отходит в сторону, — пояснил Дамиен, кивнув на дальний угол спальни.

— Зачем же было устраивать этот эффектный спектакль с ключом? — воскликнула Ванесса, оскорбленная его обманом. — Вы просто в очередной раз посмеялись надо мной, барон. Вы же обещали не входить в мою спальню, пока я сама вас не приглашу!

— А вы обрадовались, что укрылись от меня за запертыми дубовыми дверьми, миледи? — Барон сардонически расхохотался. — Святая наивность! Вы забыли, что заключили договор с дьяволом. Впрочем, я вас успокою: раз я дал слово не претендовать на ваше ложе, то сдержу его. Расслабьтесь, Ванесса, не нужно меня бояться. Иногда мне становится скучно и одиноко и хочется пошутить.

Она вытаращила глаза, проклиная себя за глупость. Как могла она забыть, что оказалась в чертогах сатаны! Разве проникать неведомым путем в спальню своей доверчивой гостьи ночью и гипнотизировать ее взглядом — это не дьявольские замашки? Но он не на ту нарвался! Ванесса преодолела страх и воскликнула:

— Вам не запугать меня! Я вас не боюсь!

— Успокойтесь, миледи! Зачем скрежетать зубами и сверкать глазками? Если позволите, я докажу вам, что преисполнен лучших намерений, — миролюбиво сказал барон, кривя рот в усмешке. — Но вы, по-моему, упорно не хотите мне верить.

— И не без оснований, милорд!

— Что ж, я попытаюсь вас переубедить!

Ванесса переступила с одной босой ноги на другую, не решаясь попросить его немедленно выйти вон.

Барон скользнул по ней изучающим взглядом и повторил:

— Не бойтесь, я не собираюсь вас сегодня обольщать! Присаживайтесь поудобнее возле камина, мне хочется с вами побеседовать. Ведь я пришел, чтобы вас поблагодарить.

— За что? — в очередной раз изумленно воскликнула Ванесса.

— Я навестил после ужина Оливию. Она согласилась лечиться у доктора Андерхилла.

— Рада это слышать, — сказала Ванесса.

— Как вам удалось сломить ее упрямство? — спросил Дамиен.

— Очень просто! Я сыграла на ее чувстве долга перед семьей: напомнила ей, что своим отказом лечиться она повергает вас в отчаяние. Полагаю, что Оливия согласилась воспользоваться услугами врача больше ради вас, чем себя самой. Должна вам сказать, барон, что она не винит вас в своих злоключениях.

— Возможно. Но она наверняка злится на меня за то, что я пренебрегал ею все эти годы. И как я ни старался загладить свою вину перед ней за месяцы, минувшие после случившегося с ней несчастья, мне так и не удалось растопить лед отчуждения. — Дамиен горестно покачал головой и, тяжело вздохнув, продолжил: — Вы же сумели всего за несколько минут преобразить ее! Я был потрясен, застав сестру за чтением Шекспира! За все время, пока она лежала в постели после своего неудачного падения с лестницы в трактире, она впервые взяла в руки книгу. Поэтому я приношу вам свою искреннюю благодарность, миледи.

— Это только начало, — заметила Ванесса. — Ей предстоит трудная и долгая борьба с недугом.

— Это правда, — кивнул барон и, залпом опустошив рюмку, спросил: — Откуда вам известно, что Оливия не равнодушна к поэзии?

— От моего брата, — ответила она.

Дамиен стиснул зубы, однако воздержался от проклятий в адрес ее беспутного родственничка и, натянуто улыбнувшись, сказал, указывая рукой на шезлонг:

— Присаживайтесь, миледи! У вас озябнут ноги. Согрейте их у камина.

Смущенная его напоминанием о ее голых ногах, Ванесса села напротив него, почему-то вспомнив, что в последний раз испытывала схожее волнение, когда сидела с бароном на диванчике. Пытаясь отогнать воспоминания о его жарких поцелуях и волнующих ласках, она поджала ноги и плотнее укуталась в покрывало.

В спальне воцарилось молчание. Барон наполнил рюмку коньяком из хрустального графинчика, с удовольствием выпил и, крякнув, устался на потрескивающие в камине уголья. Его глаза подернулись мечтательной дымкой. Казалось, он забыл о существовании Ванессы, перенесясь в мыслях в неведомую даль. Отблески пламени придавали суровость его лицу, фигура в полумраке казалась грозной. Все это не могло не наполнить Ванессу тревожным предчувствием. Искренен ли был барон в своих заверениях не принуждать ее к выполнению взятых на себя амурных обязательств или нет, они продолжали ее угнетать. И ей не оставалось ничего другого, как утешаться мыслью, что она страдает во спасение своей семьи и родового поместья. Ведь не согласись она стать любовницей Князя Порока, ее бедные родственники очутились бы на улице без средств к существованию. Что ж, сказала себе Ванесса, она выполнит свои обязательства. Но вот только почему барон не торопится завести с ней разговор? Не в силах терпеть его надменное молчание, она с вызовом спросила:

— Ну и о чем же вы хотели поговорить со мной, барон?

— Поговорить? — Дамиен удивленно вскинул брови. — Право, я с большим удовольствием послушал бы вас! Ведь я так мало о вас знаю! — Он вновь налил себе коньяку и облизнул губы.

— Что именно вас интересует? — косясь на рюмку в его руке, спросила Ванесса.

Барон пожал плечами:

— Все! Например, довольно странно, почему мы с вами не познакомились раньше. Вы ведь жили в Лондоне, не так ли? Однако на балах я вас не встречал. Иначе я бы обратил на вас внимание.

Ванесса невольно улыбнулась:

— Я была слишком молода и скромна, чтобы привлечь к себе внимание вашей светлости. Однако я вас прекрасно помню. С вашим именем всегда был связан громкий скандал. Однажды, например, в высшем обществе Лондона целую неделю обсуждали сцену, которую вам устроила разгневанная любовница в клубе на Сент-Джеймс-стрит, застав вас там в компании девицы легкого поведения.

Барон презрительно ухмыльнулся:

— Прошу вас впредь не напоминать мне об этом, миледи! Мне это неприятно. Вам и самой вряд ли доставит удовольствие упоминание о скандалах, связанных с именем вашего покойного мужа. Не секрет, что сэр Роджер прослыл жуиром, мотом и дуэлянтом.

— Я бы не хотела развивать эту тему, — поморщившись, сказала Ванесса. — Даже воспоминания о нем мне противны.

— Почему же вы согласились стать его женой? Ванесса отвела взгляд и неохотно ответила после долгого молчания:

— Исключительно ради своей семьи, разумеется! Брак с ним казался моим родителям выгодной партией, отец настаивал на нем. Дело в том, что он в ту пору был в стесненных финансовых обстоятельствах, а Роджер только что вступил в права наследства и сорил деньгами.

— Вы хотите сказать, что ваш отец даже не спросил вашего мнения по столь важному вопросу?

Ванесса взглянула ему в глаза и воскликнула:

— Барон, вы готовы на любые жертвы ради своей сестры! Точно так же пожертвовала собой и я ради своей семьи. Неужели это трудно понять?

— Кроме сэра Роджера, вам никто не предлагал руку и сердце? — спросил Дамиен.

— Видите ли, барон, в ту пору Роджер еще вел себя достойно и не кутил напропалую. — Ванесса вздохнула. — Лучше поговорим о чем-нибудь другом! Мне неприятно вспоминать то тяжелое время.

— Хорошо. Только вначале заключим соглашение: вы не упоминаете в моем присутствии своего брата, а я не вспоминаю о вашем покойном супруге. Договорились?

Дамиен опустошил рюмку, словно бы закрепляя этим их уговор, и непринужденно спросил:

— Значит, став вдовой, вы вернулись в родовое поместье?

— Да, и столкнулась там с ужасающим запустением. Наши дела пришли в печальное

состояние, — с грустью сказала Ванесса.

Избранная бароном тема оказалась не лучше предыдущей. Она пробудила в ней воспоминания о той горькой поре, когда она, потрясенная внезапной смертью мужа, была вынуждена бежать от его кредиторов в деревню, где обнаружила не менее тяжелую ситуацию.

— Я была в отчаянии. Нужно было выплатить карточные долги покойного супруга, оплатить векселя его любовниц и вдобавок привести имение в порядок. Мой отец скоростижно скончался, и семья возлагала все свои надежды только на меня.

— Ваш отец погиб в результате несчастного случая?

— Да, он разбился, упав с лошади на охоте. Откуда вам это известно?

— После трагического происшествия с моей сестрой я провел расследование и многое разузнал о вашей семье. С вашей матушкой ведь тоже случилась беда, не так ли?

— Да, — кивнула Ванесса. — Вскоре после гибели отца она слегла и до сих пор не оправилась от потрясения. Она очень любила папу.

Барон помолчал, глядя в пустую рюмку, пожевал губами и, окинув задумчивым взглядом спальню, спросил:

— Вам удобно сидеть в шезлонге?

— Да, вполне, — ответила Ванесса. — Хотя должна признаться, что я с большим удовольствием продолжала бы спать, а не болтала с вами о малоприятных вещах, милорд!

— У вас острый язычок, миледи! ~ заметил барон.

— Не стану скрывать, милорд, я не в восторге от этого ночного бдения. И вообще, хочу вам сказать, что я не обучена искусству флирта и обольщения. Мне никогда прежде не доводилось выступать в роли любовницы.

— Вы напрасно сердитесь, миледи! — с улыбкой сказал Дамиен. — Я не хотел вас унижить. Прямота даже украшает молодых дам, свидетельствуя об их горячем темпераменте.

— Я вижу, у вас в этом большой опыт, барон. Любопытно, скольких юных дев вы покорили? Скольким дамам вскружили головы? Скольким любовницам разбили сердца?

Дамиен довольно рассмеялся.

— Похоже, что наш разговор принимает опасный оборот. Хозяин из меня никудышный, я не умею занимать гостей приятной беседой. Давайте поговорим о чем-нибудь другом. Скажите, любите ли вы читать?

— Очень, — серьезно ответила Ванесса. — Чтение — мое любимое времяпрепровождение.

— В таком случае моя библиотека в вашем распоряжении. Можете приходить туда в любое время.

— Благодарю вас, барон. Я не премину воспользоваться вашим любезным разрешением, — ответила Ванесса.

— Вы также любите верховые прогулки, если я не ошибаюсь.

— Да, люблю, — кивнула Ванесса.

— В таком случае моя конюшня тоже к вашим услугам. Лошади, на которых, бывало, ездила целыми днями верхом Оливия, застоялись, — сказал Дамиен, сверкнув глазами.

— Быть может, наступит день, когда она вновь оседлает своего любимого коня! — воскликнула Ванесса. — Я вижу, что вы неплохо развлекаетесь здесь: читаете, совершаете верховые прогулки.

— Да, я не отказываю себе в удовольствиях ни в Лондоне, ни в провинции, — подтвердил Дамиен.

— О ваших развлечениях уже сложили легенды, барон!

— Неужели? И какие же сейчас ходят обо мне сплетни?

— Говорят, вы учредили общество грешных вольнодумцев, члены которого — законченные распутники и извращенцы.

— Вы преувеличиваете мои заслуги, я всего лишь один из учредителей этого клуба.

— Но это правда, что на своих собраниях вы устраиваете оргии и предаетесь разврату?

— Очередное преувеличение, миледи! Мы лишь продолжаем дело наших знаменитых предшественников — основателей первого общества порочных вольнодумцев в стародавние времена.

— Но и вы, как утверждает молва, не уступаете своим предшественникам в порочности, милорд!

— Это всего лишь домыслы, уверяю вас, миледи!

— Нет дыма без огня, барон!

— Послушайте, любезная леди, мы ведь с вами условились, что вы будете называть меня по имени, — заметил, желая направить разговор в иное русло, Дамиен.

Ванесса пропустила его реплику мимо ушей и спросила. — Это правда, что за членство в вашем клубе нужно зашатать десять тысяч фунтов?

— Да, — ответил Дамиен.

— Видимо, это удовольствие того стоит, — сказала Ванесса. — А дамы могут вступить в ваш клуб?

— В настоящее время — нет. Но для вас я мог бы выхлопотать гостевой билет.

— Благодарю вас, милорд, но в этом нет необходимости. Я не стремлюсь оказаться в обществе повес.

— Вы упорно не желаете думать обо мне иначе, как о неисправимом распутнике? — спросил Дамиен. — Вам не приходило в голову, что я, возможно, не такой уж и плохой?

— Нет, барон, — призналась Ванесса. — Мне трудно даже допустить это.

— Плохо вы меня знаете, дорогая! Но у нас будет возможность получше узнать друг друга, — промолвил барон. — Я надеюсь, это доставит нам обоим удовольствие.

— Не тешьте себя мыслью, что удовольствие будет взаимным, милорд, — дерзко заметила Ванесса, почувствовав насмешливые нотки в его голосе. — Не каждая женщина стремится стать зачарованной Князем Порока.

— Вы повергаете меня в отчаяние! — воскликнул барон.

— Сомневаюсь. — Ванесса скептически усмехнулась: — Ваш бодрый тон и быстрота, с которой вы приводите свои контр доводы, говорят об обратном.

Чувственные губы барона растянулись в плотоядной улыбке. В его искрящихся глазах читалось недвусмысленное предложение. Ванесса поняла, что она не сможет перед ним устоять. Вот к чему привел ее безобидный на первый взгляд обмен колкостями! Ей не следовало вести себя так самонадеянно. Несомненно, этот легендарный повеса заманивал ее и свои сети и, конечно же, преуспел в этом. Противостоять его чарам ей оказалось не по силам.

Ванесса приготовилась к неминуемой расплате за свою неосмотрительность. Но Дамиен, к ее удивлению, встал и сказал, пронзив ее взглядом:

— Оказывается, вы хитры, как лисица! Вам палец в рот не клади! Чувствую, что мне придется с вами изрядно повозиться! Я мог бы продолжать этот милый спор, но не стану этого делать. Мне пора спать, я оставляю вас одну... Ведь вы не намерены предложить мне остаться до утра?

Ванесса промолчала, отведя взгляд.

— Что ж, прекрасно! Было приятно с вами побеседовать, моя дорогая. Надеюсь, что это взаимно.

К своему стыду, Ванесса была с ним согласна.

— Если не возражаете, я буду навещать вас, когда на меня нападет бессонница.

— Вы хотите сказать, что у меня есть право выбора?

— Разумеется! Осмелюсь предположить, однако, что и вы будете рады поболтать со мной часок-другой, поскольку Палисандровая Роща — весьма безлюдное место, к моему сожалению.

На прощание Дамиен коснулся ладонью ее щеки и, резко повернувшись на каблуках, пошел в дальний угол спальни. С замирающим сердцем Ванесса смотрела, как он отодвигает одну из панелей и исчезает в тайном проходе, словно призрак, проходящий сквозь стену. Панель встала на место, издав легкий щелчок, и Ванесса осталась одна в залитой лунным светом комнате. Ей стало жутко.

Сделав судорожный вдох, она встала и подошла к стене. Никаких выступов или углублений в ее обшивке она не обнаружила. Разочарованная, она повернулась и прислонилась к панели спиной, все еще пребывая во власти колдовских чар Дамиена Синклера, нанесшего ей внезапный визит среди ночи. Он определенно затеял с ней игру. Но, к своему удивлению, Ванесса обнаружила, что эта забава избалованного аристократа пришлась ей по вкусу. Однако, подумала тотчас же она, встряхнув головой, не пора ли ей взять себя в руки и прислушаться к

голосу рассудка? Ведь, поддавшись чувствам, она может зайти чересчур далеко и погубить себя!

Барон претендовал на установление с ней доверительных отношений, а они, как понимала Ванесса, могли перерасти во взаимную симпатию и привязанность, что было для нее нежелательно. Тем не менее ей трудно было не проникнуться сочувствием к человеку, столь же одинокому, как и она сама.

Взгляд ее случайно упал на красную розу, лежащую на белой подушке. Она пересекла комнату и поднесла бархатистый цветок к лицу, желая насладиться его тонким ароматом. Он моментально опьянил ее, и она затрепетала, как розовый лепесток. Скажи ей кто-нибудь всего несколько дней тому назад, что можно без предупреждения вторгнуться в опочивальню одиозного Князя Порока и покинуть ее без ущерба для себя, она бы расхохоталась, не поверив, что такое возможно. Однако все это с ней случилось, как ни странно. Более того, барон не осквернил ее, даже побывав ночью в ее спальне, хотя и остался бессердечным дьяволом, которому она продала душу. Так почему же до сих пор он не покусился на ее тело? Отчего ограничился легким прикосновением к ее щеке, исчезая в сумраке ночи?

Все это вселило в сердце Ванессы смутнение, однако она отдавала себе отчет в том, что барон чрезвычайно опасен. При всей своей очаровательной внешности и редком обаянии, он обладал удивительной способностью пробуждать в женщине животные инстинкты и подчинять ее своей воле. И Ванесса чувствовала, что не сможет отразить его натиск.

Оставалось одно — не терять голову и молить небо помочь ей в неравной борьбе с искусителем. Впрочем, подумала она, все это не более чем самообман. Дамиен не скрывал своих намерений и был уверен, что соблазнит ее и заставит наслаждаться своим грехопадением. Сердце подсказывало Ванессе, что все так и будет, если она утратит благоразумие.

Она спала крепко и без сновидений, а проснулась позже, чем обычно, когда яркое солнце уже залило светом спальню. Обуреваемая странными предчувствиями, Ванесса встала, оделась и спустилась к завтраку.

В столовой ее ожидал лакей, на сервировочном столике были расставлены блюда со сказочными горячими и холодными закусками, как-то: тушеные почки, ветчина, яйца, лепешки и пирожки с джемом. Отсутствие барона не огорчило Ванессу, ей хотелось позавтракать одной.

Но едва она села за стол, как в столовую вошел дворецкий Крофт. Он сказал, что лорд Синклер уже давно позавтракал и уединился в кабинете со своим управляющим.

— Я пришел сообщить вам, миледи, что вы можете совершить верховую прогулку, если пожелаете, — добавил Крофт.

— Благодарю вас, я, возможно, воспользуюсь этим любезным предложением, — ответила Ванесса. — Но сначала я бы хотела проведать Оливию.

Позавтракав, она направилась в покои больной, где застала девушку лежащей на кровати. Однако штора на окне была слегка отдернута, и в комнату проникал дневной свет. При появлении Ванессы лицо Оливии просветлело, что тоже показалось гостю хорошим предзнаменованием.

— Мне пришло в голову ознакомиться сегодня с вашими розариями, — бодро сказала Ванесса. — Но мне понадобится сопровождающий. К сожалению, ваш брат занят с управляющим. Может быть, вы согласитесь стать моим гидом?

— Вы хотите, чтобы я показала вам сад? — настороженно спросила Оливия.

— А почему бы и нет? Я слышала, что вы большая любительница роз и вообще растений. Лакей поможет вам спуститься в сад, а по дорожкам вы могли бы, уже с моей помощью, передвигаться в кресле на колесах.

Оливия поморщилась.

— Мне неприятно садиться в инвалидное кресло! В нем я чувствую себя беспомощной. Впрочем, это, наверное, девичья блажь, — сказала она и тяжело вздохнула.

— Я вовсе не считаю вас капризным ребенком, — сказала Ванесса. ~ На вашем месте любой испытывал бы схожее чувство. Но согласитесь, Оливия, что это кресло порой может оказаться весьма полезным! Оно дает вам свободу действий.

— Пожалуй, вы правы, — оживилась девушка. — Хорошо, если хотите, я покажу вам сад.

— Советую вам надеть капор. Солнце уже припекает, хотя сегодня только первое июня.

— Как? — изумленно воскликнула Оливия. — Сейчас уже лето? Выходит, я пролежала в постели лучшие весенние денечки!

Она позвонила в колокольчик, и на зов прибежали сразу три служанки. С их помощью Оливия переделалась в легкое белое платье из швейцарского муслина и короткий красный бархатный жакет, поверх которого она накинула на плечи плотную шаль, чтобы не простудиться, если подует прохладный ветерок или заморосит дождь.

Наблюдать за ее нетерпеливыми сборами в первое после долгого перерыва путешествие было просто умирительно. Когда лакей выкатил ее в кресле-каталке в сад, Оливия блаженно улыбнулась и, хлопая от яркого солнечного света глазами, замерла, наслаждаясь живительным воздухом и теплом лета.

— Я безумно соскучилась по всему этому, — тяжело вздохнув, произнесла она, оглядываясь на Ванессу, стоящую у нее за спиной.

— Отныне ничто не помешает вам совершать прогулки ежедневно, — заметила Ванесса.

— Но ведь вам вряд ли понадобится провожатый каждый день, — скептически сказала Оливия.

— Это так, однако мне потребуется собеседница, — возразила Ванесса, трогая кресло-каталку с места.

— Вы на редкость упрямы, леди Уиндем! — рассмеявшись, воскликнула девушка.

— Я вас об этом предупреждала, — сказала Ванесса. — И, пожалуйста, обращайтесь ко мне по имени.

Они неспешно продвигались в глубь сада по дорожкам, любуясь цветами и обсуждая преимущества различных сортов роз, коих вокруг было великое множество. Оливия проявила глубокие познания в этом предмете, оказалось, что она хорошо знает особенности почти каждого кустика.

По аллеям и тропинкам озабоченно сновали, с лопатами, мотыгами и садовыми ножницами в руках, садовники. Ботаники сидели на скамейках, что-то записывая и зарисовывая в свои

тетради. А в укромном уголке устроился с кистями и мольбертом художник-пейзажист.

Ванесса старалась избегать встреч с посторонними и часто останавливалась, давая Оливии возможность отдохнуть. Во время одного из перерывов она промолвила:

— Я даже не представляла себе, насколько сложно выращивать розы.

— Это так, — кивнула Оливия. — Дамиен возродил наш сад, слава о нем достигла самого Наполеона. Несколько лет назад императрица Жозефина приобрела у нас для своего розария по кусту каждого сорта. Адмиралтейство выдало капитану судна, которое должно было доставить растения во Францию, охранную грамоту. И ценный груз был получен заказчиком, несмотря на блокаду французских портов.

Вглядевшись в ее лицо, Ванесса сказала:

— Мне кажется, вы утомились. Давайте вернемся в дом! Для первого раза вы погуляли достаточно.

Оливия не стала спорить, глаза у нее закрывались, ее клонило в сон.

— Какая же я, однако, стала слабая, — с горечью заметила она. — Мы с вами гуляем не более часа, а я уже хочу лечь в постель. Даже прогулки в кресле меня утомляют.

— Ваш брат сказал, что вы согласились показаться доктору. Возможно, его рекомендации пойдут вам на пользу, — сказала Ванесса, желая ее успокоить.

— Вряд ли! — воскликнула Оливия. — Просто мне надоело выслушивать нотации Дамиена. Он постоянно докучает мне своими дурацкими советами шевелиться в кровати, будто бы это превратит меня из калеки в здорового человека! Я жду не дожусь, когда он вернется в Лондон и оставит меня в покое. Вы не представляете, какой он настырный!

— Он желает вам добра, — возразила Ванесса.

— Я для него всего лишь обременительный груз, он хочет переложить заботу обо мне на чужие плечи, — сказала Оливия.

В этот момент на дорожке вдруг появился сам лорд Синклер.

— Легок на помине! — в сердцах воскликнула Оливия. Приблизившись к сестре, Дамиен внимательно посмотрел на нее и, наклонившись, поцеловал в лоб.

— Я рад, что ты решилась на прогулку! — улынувшись, сказал он. — Днем сюда приедет доктор Андерхилл, чтобы осмотреть тебя и назначить лечение.

— Вряд ли оно мне поможет, — с сомнением сказала Оливия. — Все эти консультации — пустые хлопоты. Я никогда не встану на ноги.

— Было бы лучше, если бы ты отбросила сомнения и доверилась специалисту, — сказал Дамиен. — Чем скорее ты начнешь лечиться, тем быстрее поправишься.

Дамиен заменил Ванессу и сам не только докатил сестру до дверей дома, но и отнес на руках в спальню. Однако все его старания не помешали Ванессе заметить, что между ним и Оливией пробежала черная кошка. Очевидно, легче было найти способ излечить бедняжку, чем устранить возникшее между братом и сестрой отчуждение.

— Не вижу оснований считать ее недуг неизлечимым, — уверенно заявил доктор Андерхилл, осмотрев Оливию спустя несколько часов. — Я так и скажу барону!

Ванесса, присутствовавшая при осмотре больной, последовала за врачом в коридор, где их поджидал лорд Синклер.

— Я не обнаружил признаков перелома позвоночника, — сообщил ему доктор Андерхилл. — Но кровоподтеки на спине указывают на серьезные травмы в области таза. Мне доводилось сталкиваться с подобными случаями. Пострадавшие выздоравливали и обретали способность ходить.

— Вы полагаете, что Оливия не безнадежна? — сохраняя спокойствие, уточнил барон. — Она будет ходить?

— Да, безусловно. Если, конечно, она выполнит мои указания и пройдет курс лечения, — подтвердил врач.

Дамиен закрыл глаза и облегченно вздохнул, радуясь услышанному, как человек, узнавший об отмене вынесенного ему смертного приговора.

— А какое лечение вы ей назначите, доктор? — с дрожью в голосе спросил он.

— Во-первых, гимнастику, с постепенным увеличением физической нагрузки. Ей категорически противопоказано лежать без движений. Юные дамы склонны внушать себе и окружающим, что они инвалиды. Врачи порой идут у них на поводу и прописывают им покой и постельный режим. На самом же деле им полезнее больше бывать на свежем воздухе и делать физические упражнения. Если все время валяться в постели, то непременно превратишься в калеку!

Ванесса не смогла сдержать улыбку: она была полностью согласна с врачом.

— Помимо упражнений, ей пойдут на пользу теплые ванны, массажи и положительные эмоции, короче говоря, все, что стимулирует нервную систему и мускулы и предотвращает преждевременное одряхление, — добавил доктор Андерхилл.

— И как долго продлится лечение? — спросил Дамиен.

— Полагаю, что не пройдет и нескольких месяцев, как у нее восстановится чувствительность в нижних конечностях. Если это произойдет, мы будем знать, что движемся верным курсом, — ответил врач.

— А если нет? Доктор нахмурил брови.

— Тогда я вынужден буду признать, что потерпел поражение в борьбе с болезнью. Впрочем, на полное излечение могут уйти годы: ведь поврежден позвоночник! Полагаю, нужно нанять для больной хорошую массажистку, это ускорит ее выздоровление.

— Я могу прислать к вам опытную сестру милосердия. Она пользуется моей матушкой. Говорят, что у нее золотые руки.

— Великолепно! — обрадованно сказал врач. — Через три недельки я вновь осмотрю Оливию. А пока выпишу для нее рецепт лекарства. Дайте мне перо и бумагу, барон!

— Сейчас вам все принесут, — сказал Дамиен. — Мне бы хотелось проведать сестру. Это возможно?

— Как вам угодно, милорд!

Барон вошел в комнату сестры и, наклонившись над ней, спросил:

— Ты слышала, что сказал доктор?

— Да! — радостно подтвердила Оливия.

У стоявшей рядом с дверьми Ванессы от волнения перехватило горло. Дай-то Бог, подумала она, чтобы предсказания врача сбылись!

Глава 6

Проснувшись, она обнаружила на своей подушке новую розу и, постепенно возвращаясь из мира сновидений в реальность, погладила кончиками пальцев бархатистые лепестки цветка. Сегодня он был не кроваво-красного, как вчера, а серебристого цвета, с коралловыми вкраплениями. Впрочем, подумала Ванесса, такой эффект мог создать и проникающий в окно лунный свет.

— Этот сорт называется «Шропширская красавица», — произнес хорошо знакомый ей мужской голос.

Ванесса почувствовала, как заколотилось в груди сердце, и подняла голову, чтобы взглянуть в темный угол спальни, где вальяжно расположился в кресле Дамиен.

Он был одет с элегантной небрежностью, в простую рубаху и штаны, совсем как обыкновенный сквайр, однако врожденная грациозность аристократа выдавала его благородное происхождение. Ворот рубахи был распахнут, и на фоне белой батистовой ткани курчавые темные волосы на загорелой груди выглядели особенно привлекательно, подчеркивая мужественность его миловидного лица.

Ванесса невольно залюбовалась этим симпатичным и обаятельным мужчиной, нарушив тем самым данную себе клятву оставаться равнодушной к нему. Но как она могла совладать с собой, когда кровь закипала у нее в жилах, а душа ликовала в предчувствии нового ночного разговора с глазу на глаз. Барон сдержал слово и нанес ей очередной тайный визит, и она искренне радовалась этому, хотя и понимала, что это безумие.

Живо вскочив с кровати, Ванесса накинула на плечи шаль и, сунув ноги в шлепанцы, села напротив Дамиена возле камина, где тихо потрескивали горящие поленья, наполняя комнату уютным теплом.

Дамиен приветствовал ее мягкой обворожительной улыбкой, и Ванесса допустила еще одну ошибку: боясь выдать свои эмоции, она склонила голову и понюхала розу. Пьянящий аромат цветка задурманил ей голову, и она едва не утратила самообладание.

Напуганная собственным поведением, Ванесса побледнела, чувствуя, что неудержимо и стремительно скатывается в омут безрассудства. Ведь только распутница способна откликнуться на первый же зов опасного и властного развратника. Но его чары уже покорили ее, и сопротивляться им для нее было столь же трудно, как пытаться не дышать.

Поэтому она старалась компенсировать свое бесстыдство тем, что избегала смотреть ему в глаза. Едва дыша, она промолвила:

— Я осмотрела панель, закрывающую потайной ход, но сдвинуть ее так и не смогла.

— Если хотите, я покажу вам, как это делается, — ответил барон.

— И куда же ведет этот потайной ход?

— В мою спальню, разумеется.

Ванесса собралась с духом и взглянула ему в глаза: в них плясали насмешливые искорки.

— Однако я не заметила на панели замка, — сказала она.

— Так оно и есть. Но пусть это вас не тревожит! Я не стану принуждать вас ложиться со мной в кровать.

— Вам придется долго ждать, пока я сделаю это добровольно, — заметила Ванесса, чувствуя, что пульс ее вновь участился.

Дамиен обезоружил ее одной своей обаятельной улыбкой.

— Не забывайте, мой ангел, что ожидание усиливает приятные ощущения любовников от их первой интимной близости.

— А кто еще знает о существовании этого хода? — спросила Ванесса, судорожно втянув трепетными ноздрями воздух.

— Надеюсь, никто, кроме меня. Я обнаружил его, будучи ребенком. Мой папаша имел обыкновение приглашать в имение молодых дам — жен знатных вельмож. Он был немало удивлен, когда я случайно застал его с одной из них в весьма пикантной ситуации.

— Отец служил для вас примером? Вы стремились ему подражать?

— Бог миловал! Он был негодяй высшей пробы и первостепенный развратник, так что не мог служить примером для юноши, воспитанного на возвышенных романтических идеалах. Тот случай на многое открыл мне глаза, я лишился иллюзий...

Дамиен сделал изрядный глоток коньяка и отрешенно уставился на пляшущие в камине языки пламени.

— Он обладал особым даром соблазнять женщин, любовниц у него было множество. В конце концов одна из них так вскружила ему голову, что он отверг не только всех других, но и мою мать, — с горечью добавил он.

— А вы, оказывается, не такой, каким я вас представляла! — сказала Ванесса.

— В самом деле? Поясните! — восторженно воскликнул барон.

Ванесса задумчиво пожевала губами, подбирая слова для своих неожиданных мыслей. Князь Порока поразительным образом переменялся, очутившись в своем имении. Здесь он совершенно не соответствовал своей репутации распутника, закрепившейся за ним в столице. Дамиен проявлял искреннюю заботу как о своей сестре, так и о госте, был с ней вежлив и

обходителен.

— Вы стали совершенно другим, непохожим на неумного вертопраха, каким прослыли в высшем свете Лондона, — сказала наконец она.

— Я не устраиваю оргий в собственном доме и не склонен к извращениям, миледи, — сухо заметил барон. — А с замужними дамами я вообще не завожу романов.

— Мне приятно это слышать! — воскликнула Ванесса.

Дамиен усмехнулся.

— Вы в самом деле меня удивили. Например, своим увлечением — выращиванием роз. Миссис Несбит сказала, что вы спасли розарии от гибели.

— Верно, однако я увлекался садоводством в юные годы. Теперь я почти не уделяю цветам внимания, за ними ухаживают опытные цветоводы и садовники.

— У вас прекрасная библиотека, — продолжала перечислять достоинства барона Ванесса. — Она в полном порядке. Я была там вчера и нашла множество редких и любопытных изданий. Выбор книг поражает своим богатством и разнообразием.

— Это так, миледи. Однако похвал за отменный порядок в библиотеке скорее заслуживает не ее владелец, а его секретарь. Он потратил немало времени, систематизируя книги и заноса их в каталог. Вы, кажется, с ним знакомы. Его зовут Джордж Хаскелл, вы с ним виделись в моем лондонском доме.

— Да, припоминаю, — сказала Ванесса.

— Так вот, бедняга Джордж пишет для меня великолепные речи и жутко страдает от того, что я не произношу их на заседаниях в палате лордов. При его незаурядном уме и энциклопедических знаниях он был бы куда более счастлив, если бы работал у другого хозяина. Меня он считает прожигателем жизни и неудачником.

— Неудачником? — Ванесса удивленно вскинула брови.

— Представьте, что да! — усмехнулся барон, пожав плечами. — Я, например, ненавижу протирать штаны в парламенте. А он упрекает меня за то, что я манкирую своими общественными обязанностями. Сам редкий эрудит и фанатичный книголюб, Джордж лелеет надежду» что я образумлюсь и всерьез займусь политической деятельностью.

— Значит, все книги по философии и политике в вашей библиотеке зачитал до дыр ваш секретарь?

— Отнюдь, я тоже заядлый книголюб: без чтения в деревне легко зачахнуть от тоски, миледи!

Барон тяжело вздохнул и, махнув рукой, осушил рюмку.

— А вы знакомы с трудом Мэри Уоллстоункрафт «В защиту прав женщины»? — прищурившись, спросила Ванесса, страшно гордившаяся тем, что протудировала книгу, посвященную ущемлению женских прав и считающуюся в аристократических кругах едва ли не подстрекательством к крушению основ семьи и общества. — Я обнаружила, что разделяю многие воззрения автора на институт брака, особенно те, которые опровергают «священные

права» мужей! — с пафосом добавила она и в ожидании ответа горделиво вскинула подбородок.

Дамиен невозмутимо наполнил отменным французским коньяком свою рюмку и лишь после этого ответил:

— Несомненно, отдельные мысли этой ученой дамы вполне разумны, в частности — касающиеся дискриминации женщин в обществе. Но в большинстве своем ее суждения лишены здравого смысла. А вы, миледи, тоже на поверку оказались не такой, какой я вас себе представлял. Вы наивнее и порядочнее, чем обычно бывают бойкие молодые вдовушки.

— Из чего, любопытно узнать, вы это заключили? — спросила Ванесса, покраснев.

— Хотя бы из вашей манеры кокетничать с мужчинами, — ответил Дамиен, скользнув по ней масляным взглядом.

— Я позволяю себе это далеко не со всеми представителями сильного пола! — надменно ответила Ванесса.

— Значит, для меня вы сделали исключение? — удивился барон.

— Вы сами дали мне для этого повод! — парировала Ванесса.

— Возможно. Придется исправить это упущение, — многозначительно произнес Дамиен. — Я знаю одно надежное средство.

В комнате повисла тишина. Дамиен молча выпил коньяк, облизнул губы и спросил:

— Вы всегда заплетаете волосы в косу, ложась спать?

— Как правило, да. А почему вас это интересует? — настороженно спросила Ванесса.

— Мне бы хотелось полюбоваться вашими чудесными волосами в распущенном виде. А еще лучше — разметавшимися в беспорядке по подушке, — сказал Дамиен.

Ванесса поджала губы, не сочтя нужным отвечать на провокационную реплику. Но ее щеки покраснели, что не осталось незамеченным бароном. Лицо барона давно стало пунцовым под воздействием коньяка и жара, исходившего от камина. Его волновало то обстоятельство, что Ванесса не соответствует его прежним представлениям о ней как о вдове скандалиста и развратника. Несомненно, слухи, окружавшие ее имя, не имели под собой основания. Ванесса абсолютно не походила ни на своего покойного похотливого супруга, ни на беспутного братца. Барона обескураживало, что она не была в отличие от большинства дам благородного происхождения, эгоистичной и эгоцентричной, а потому и не спешила предаться с ним утонченному разврату в угоду своей жажде удовольствия. Ванесса была слеплена из другого теста, и разобраться в ее противоречивой натуре оказалось совсем не просто.

Дамиена приятно удивила и обрадовала метаморфоза, случившаяся с его сестрой благодаря благотворному влиянию Ванессы. Даже если она только изображала заботливую и добрую подругу, то делала это мастерски, за что заслуживала поощрения.

Поразил барона и пронизательный ум гостя. Все его прежние любовницы не блистали интеллектом и не являлись приятными собеседницами. Красавица, наделенная неординарными умственными способностями, могла внести в его скучное существование

приятное разнообразие. Обрадованный открывающимися перед ним новыми горизонтами, он не спешил приступить к физическому сближению с Ванессой, предпочитая сначала докопаться до глубин ее души. Порой Дамиен ловил себя на том, что он не уверен, стоит ли ему выполнять условия их сделки и превращать Ванессу в свою наложницу. Это выглядело забавно и нелепо, однако его грызли сомнения.

Он решил обольстить эту прекрасную женщину, поддавшись минутному порыву. Ее нарочитая холодность и подчеркнутая неприязнь к мужчинам возбудили его, как брошенная перчатка — заядлого дуэлянта. Барон был уверен, что легко выиграет эту дуэль с заинтриговавшей его очаровательной притворщицей. Однако за несколько последних дней он узнал Ванессу получше, и его суждения о ней и соответственно намерения изменились.

Не оставляя надежды победить в состязании умов, барон уже не хотел довольствоваться вынужденной физической капитуляцией Ванессы. Он поставил перед собой новую, более заманчивую цель: разжечь в ней огонь страсти.

И лучшим способом выполнения этой сложной задачи было, как ему подсказывало чутье, ждать, пока Ванесса расслабится и проникнется к нему расположением.

Предвкушая неминуемое падение этой твердыни, Дамиен упивался рисующимися в его воображении картинами соращения этой недотроги, мысленно перебирал различные способы овладения ею, представляя ее себе в самых обольстительных позах. Однако он помнил, что ему не следует злоупотреблять ее гостеприимством, и поэтому с явной неохотой встал и промолвил:

— Я вас покидаю, моя дорогая! Вам пора спать. Надеюсь, что вы позволите мне еще раз навестить вас, Ванесса пожала плечами, скрыв изумление в глазах под опущенными ресницами, и сказала:

— По-моему, вы вольны сами решать, когда приходить ко мне, барон. В конце концов, это ваш дом. Но не воображайте, что я буду с замирающим сердцем ожидать вашего ночного визита.

Дамиен насмешливо усмехнулся и ответил на это:

— Наступит день, когда я услышу от вас иные слова!

Он наклонился и коснулся пальцем ее щеки, нежной, как персик, желая приучить ее к своим прикосновениям. Ванесса вздрогнула и замерла, вперила в него изумленный взгляд. Дамиен самодовольно улыбнулся, радуясь этой маленькой победе, и молча удалился, утешаясь мыслью, что главная награда у него впереди.

План Дамиена успешно осуществлялся. С каждым новым днем пребывания Ванессы в его доме они проводили вместе все больше времени. Порой барон присоединялся к гостье и своей сестре, когда они отправлялись на послеобеденную прогулку, и с удовольствием беседовал с ними в тени развесистых деревьев.

Целительница, о которой говорила Ванесса, вскоре прибыла в усадьбу из Кента и приступила к лечению Оливии. В связи с этим у Ванессы появилось больше свободного времени, и она стала выезжать на верховые прогулки. Каждая экскурсия по поместью барона открывала ей новые красоты этого края. Вместе с конюхом она побывала в соседней деревне Олсестер, где купила в подарок Оливии несколько забавных безделиц, за что больная была ей чрезвычайно признательна. Но больше всего Ванессу радовали редкие верховые прогулки с Дамиеном.

Имея свободный доступ к его библиотеке, Ванесса быстро освоилась в ней и проводила изрядную часть своего досуга за чтением. Она могла часами сидеть в кресле возле окна, выходящего в розовый сад, и листать страницы фолиантов в кожаных переплетах. В письмах к родным она редко упоминала лорда Синклера, создавая у матушки и сестер впечатление, что ее наняли в качестве сиделки больной сестры барона. Истинную же причину ее нахождения в его усадьбе знал один Обри.

Перед тем как уехать туда, Ванесса не на шутку разругалась с братом. Обри попытался было указывать ей, в каких рамках ей нужно держаться с бароном. Но она в резких выражениях поставила его на место, напомнив, что речь идет о спасении проигранного им в карты родового поместья, и тут уже не до кривляний и церемоний — годятся любые средства. В заключение она без обиняков заявила брату, что, раз другого выхода из созданной им трудной ситуации нет, она пойдет на самопожертвование.

Все остальные ее родственники, однако, были уверены, что Ванесса взяла на себя роль сестры-сиделки, что не считалось предосудительным.

На обман дорогих ей людей Ванесса пошла скрепя сердце, под гнетом обстоятельств. Еще больше душевных сил потребовалось ей, чтобы скрыть от Оливии свое родство с Обри. Она не осмеливалась даже представить себе, как отреагировала бы несчастная девушка, если бы правда выплыла наружу. Но как бы ни тяготил Ванессу грех обмана, она не сомневалась, что поступает правильно. Утешением ей стал искренний радостный отклик больной на предложенную ей дружбу.

Уход за Оливией не был Ванессе в тягость, ей доставляло удовольствие помогать девушке преодолевать недуг. И по мере того как росла и крепла надежда на ее исцеление, теплели и отношения между Оливией и Дамиеном.

Барон предлагал сестре съездить полечиться минеральными водами в Бате — естественно, он готов был ее туда сопроводить. Но Оливия наотрез отказалась, и не столько по причине неудобств, связанных с путешествием в экипаже, сколько не желая предавать огласке свою инвалидность. Тогда Дамиен выдвинул новую идею — соорудить специальный лечебный бассейн для сестры в усадьбе, и тотчас же начал проводить ее в жизнь: каждое утро он что-то мастерил в оранжерее, где раньше выводил новые сорта роз.

Неожиданно для себя Ванесса обнаружила, что его отсутствие волнует ее не меньше, чем присутствие. Он стал стержнем всех ее мыслей и героем ее снов. Ни ночью, ни днем ей не удавалось забыть о нем.

Дамиен оказался гораздо более разносторонней личностью, чем думала Ванесса поначалу. Постепенно она стала понимать, как он превратился в легендарного Князя Порока.

Однажды утром они случайно встретились на конюшне, и барон предложил ей отправиться вместе на верховую прогулку. Она с радостью согласилась, и они поскакали галопом по аллеям парка. На обратном пути, когда они ехали трусцой, давая скакунам отдохнуть, Ванесса окинула восторженным взглядом живописный ландшафт и, с наслаждением вдохнув свежий утренний воздух, воскликнула:

— Какая красота! Я бы никуда отсюда не уезжала, будь на то моя воля.

— А вот я уезжаю отсюда при любой okazji, — с печалью в голосе сказал Дамиен, придерживая коня. — Дело в том, что в детстве у меня возникла антипатия к этим местам. Слишком уж много неприятных воспоминаний с ними связано!

Барон спешился и задумчиво уставился на сверкающую на солнце поверхность озера над холмом. Ванесса терпеливо ждала продолжения его рассказа. Наконец он негромко промолвил:

— Мои родители часто ссорились, а я от этого очень страдал. Отец, потерявший голову от бесконечных амурных интриг, стал требовать у матери развода. Она его возненавидела.

— Но ведь бракоразводный процесс — затея сложная и долгая! — заметила Ванесса. — Он не опасался его проиграть?

— Видите ли, миледи, законы Англии уравнивают права сторон. Мать тоже изменяла отцу, как и он ей, поэтому у него имелись шансы выиграть это дело. Но мать происходила из богатой и влиятельной семьи, способной оградить ее от нападков беспутного супруга. Чувствуя себя достаточно защищенной своими знатными родственниками, мать осмелела и стала менять любовников как перчатки. Из ненависти к своему неверному мужу и жажды мести, как я полагаю. Но один из ее любовников столь же коварно обошелся с ней самой: он с презрением отверг ее ради другой, которая оказалась моложе и богаче матери. После этого жизнь в нашем доме превратилась в ад. — Дамиен облизнул пересохшие губы, тяжело вздохнул и продолжал: — К счастью, я в ту пору учился в университете и редко здесь бывал, а позже, закончив учебу, обосновался в Лондоне. Отец тоже перебрался туда, мать же осталась в усадьбе. Жить под одной крышей им стало невмоготу. — Он нервно хохотнул: — По иронии судьбы мои родители погибли вместе, в результате дорожного происшествия, когда они возвращались в одной карете с бала, который давал принц-регент. Честно говоря, я не слишком расстроился в связи с их смертью, как ни жестоко это звучит.

Он обернулся, и Ванесса заметила боль в его серых глазах. Дамиен передернул плечами и, протянув к Ванессе руки, помог ей слезть с коня. Она поправила платье и спросила:

— Именно в то время вы и стали попечителем своей сестры?

— Вы угадали, — ответил Дамиен, наклоняясь, чтобы сорвать травинку. — Тогда мне казалось, что я полностью выполняю все свои обязанности перед Оливией. И только после того как она попала в беду, я понял, что уделял ей слишком мало внимания. Она, разумеется, пользовалась всеми возможными благами — роскошью, положением в обществе, услугами преподавателей. Но чувствовала себя при этом одинокой, чего до сих пор не может мне простить. Мое пренебрежение ею действительно непростительно, я понимаю это и не виню сестру за ее неприязнь ко мне. Единственное мое оправдание — это моя полная неспособность к роли воспитателя юной леди.

— Почему бы вам не поговорить с ней по душам? — спросила Ванесса.

— А что, по-вашему, мне следует ей сказать?

— Хотя бы дайте понять, что вы ей сочувствуете. Объясните ей, что вы сожалеете о своем поведении, поделитесь своими мыслями. Возможно, ей не приходило в голову, что далеко не все от вас зависит и не все вам под силу!

— И вы полагаете, что после этого она меня простит? — с иронической улыбкой спросил Дамиен.

— Я в этом не сомневаюсь! — воскликнула Ванесса. — Она вас совершенно не знает, хотя вы и единственный родной ей человек во всем свете. Ей очень одиноко, она угнетена своим нынешним положением и нуждается в вас даже больше, чем прежде, когда жила под

присмотром строгой и бездушной гувернантки, неспособной понять ее чувства. Вы когда-нибудь спрашивали, о чем она мечтает, чего хочет от жизни?

— К чему вы клоните? — насторожился барон.

— Ну как бы вам это лучше объяснить? Вот, к примеру, недавно Оливия посетовала на неравноправие полов. Дескать, молодым мужчинам дозволено выезжать в свет в поисках приключений и развлечений, а девушкам положено сидеть дома и ждать, пока их выдадут замуж. Вы сами говорили, что в вашем доме не было ни минуты покоя и что ваша жизнь напоминала поле боя. У вас имелась возможность перебраться в Лондон, а у Оливии — нет. Разве это справедливо?

Барон скептически насупил брови и хмыкнул: мол, так уж устроен мир! Но по выражению его глаз было понятно, что слова Ванессы заставили его серьезно задуматься. Остаток пути они проделали молча.

Ночью Дамиен вновь посетил Ванессу; как всегда, в одной руке он держал цветок розы, а в другой — бокал с коньком. Он зажег свечу и, усевшись в кресло у камина, сделал первый глоток. Ванесса понюхала розу и сказала:

— Если так пойдет и дальше, барон, в вашем саду не останется цветов!

— Думаю, что такая опасность моему саду не грозит, роз в нем предостаточно, — возразил Дамиен с подкупающей улыбкой.

Несомненно, во многом благодаря ей, подумала Ванесса, ему и удастся легко покорять сердца дам.

— Скажите, почему вас прозвали Князем Порока? — спросила она.

— Полагаю, за мои опрометчивые поступки в юности. Тогда, вырвавшись из-под родительской опеки на свободу, я закурил удила и, подобно своему беспутному папаше, кинулся в омут разврата. Вскоре весь Лондон уже судачил о моих похождениях. Но молодая кровь бурлила в моих жилах, затмевая рассудок, и я продолжал вести жизнь повесы, наплевав на мнение света. Позже, когда мне наскучило предаваться безумству в одиночку, я создал Лигу адских грешников. Но со временем и эта затея перестала меня забавлять, — с горечью произнес Дамиен.

Ванесса пытливо посмотрела на него и вдруг поняла, что он поражен тем же недугом, что и ее братец, — скукой, обусловленной избытком возможностей и отсутствием увлечения серьезным делом. В свое время ее супруг пытался обрести смысл существования в азартных играх и пьянстве, но быстро сгорел на этом поприще.

— Я ненавижу Лондон, — сказала Ванесса. — С этим городом, полным соблазнов, у меня связаны тягостные воспоминания. До сих пор меня бросает в дрожь, когда я вспоминаю день гибели моего мужа. Известие о ней мне принес его друг, а потом доставили бездыханное тело Роджера. Я впала в протрацию, выручил меня брат. Он разобрался с делами покойного, рассчитался с его кредиторами... Ах, простите меня, ради Бога, барон! Я забыла о нашем уговоре! — воскликнула, спохватившись, она.

Дамиен сделал вид, что не заметил оплошности собеседницы, и спросил, прищурился глазами:

— Неужели с Лондоном у вас связаны только скверные ассоциации?

— Нет, конечно. Но я мало выезжала в свет, больше сидела дома одна, пока мой супруг развлекался и пьянствовал.

— Я готов побиться об заклад, что смогу показать вам и приятные стороны этого города! — сказал Дамиен.

— Боюсь, барон, что я недостаточно порочна, чтобы войти на равных в круг ваших близких знакомых, — возразила Ванесса. — Я прослышу белой вороной.

— Вам никогда не хотелось позволить себе маленькую аморальную шалость? — вскинув бровь, с недоверием спросил барон.

— Наверное, мы с вами по-разному понимаем мораль, милорд. Что вы подразумеваете под словом «шалость»? Признаюсь, порой меня подмывает отбросить условности и дать волю своим эмоциям. Помнится, когда однажды на балу во дворце герцогиня Салфордская позволила себе едкое замечание в мой адрес, я чуть было не плеснула ей в лицо пуншем из своего бокала.

— Это был бы действительно аморальный поступок! — промолвил Дамиен с улыбкой падшего ангела. — А вы, оказывается, шалунья!

У Ванессы екнуло сердце, она покраснела и потупилась.

— Не понимаю, почему я раскрываю вам свои маленькие тайны? — сказала она.

— Возможно, потому, что я не поучаю и не осуждаю вас!

Ванесса вздрогнула, пораженная справедливостью такого объяснения. Дамиен действительно никогда не навязывал ей свои суждения и был приятным собеседником.

— Вы тоже порой вызываете меня на откровенность, — добавил барон. — Порой полезно облегчить душу, так что не корите себя за излишнюю доверчивость. Я вам не враг.

Однако Ванессе не верилось, что их доверительные беседы в уютной обстановке обусловлены невинным желанием барона поплакаться кому-то в жилетку. У нее исподволь складывалось впечатление, что он умело выпытывает у нее все заветные секреты, чтобы легче было подобрать ключик к ее сердцу и заманить в постель.

Но хотя рассудок и напоминал ей о необходимости быть начеку, Ванесса потеряла волю к сопротивлению и все больше запутывалась в сетях, раскинутых опытным ловцом женских душ. Стоило ему лишь улыбнуться своей обворожительной улыбкой или ласково на нее взглянуть, как она утрачивала осторожность и начинала таять. Одно лишь его легкое прикосновение бросало ее в жар. И тем не менее полностью расслабиться в его присутствии ей не удавалось.

Возможно, виной этой странной взвинченности был страх перед финалом полных рандеву. И хотя хозяин усадьбы и проявлял пока поразительное терпение, не требуя от нее даже поцелуя, Ванесса не сомневалась, что такое положение вещей не будет продолжаться вечно. Рано или поздно барон потребует, чтобы она стала его настоящей любовницей.

Однажды, в начале третьей недели ее пребывания в усадьбе Палисандровая Роща, их очередной откровенный разговор обрел чересчур личный характер. Они сидели, как обычно, возле горящего камина при зажженных свечах. Дамиен вперил в нее пристальный, тяжелый взгляд из-под полуопущенных ресниц и спросил густым бархатным баритоном:

— У вас давно никого не было?

Она могла бы притвориться, что не поняла вопроса, либо отказаться отвечать. Но тогда их доверительные полночные беседы потеряли бы всякий смысл. И поэтому Ванесса честно ответила, отбросив опасения:

— Уже два года.

— Неужели?

Она отвела взгляд и с дрожью в голосе сказала:

— Я же говорила, что неопытна в интимных утехах! Вы напрасно мне не поверили. Я знала только одного мужчину — своего супруга.

— И близость с ним не доставила вам радости, — тихо подсказал ей барон.

— Да, мои супружеские обязанности были мне в тягость, — чуть слышно сказала она, густо покраснев.

— Позвольте мне предположить, милая Ванесса, — вкрадчиво продолжил Князь Порока, — что виной тому — его эгоизм. Он не удосуживался возбудить вас в должной мере, а норовил поскорее получить удовольствие сам, не принимая во внимание ни ваше настроение, ни ваши желания. Вы молча терпели все это, закусив от обиды губу, и оставались на всем протяжении соития напряженной и неподвижной, не ожидая от него ничего, кроме боли и унижения.

В очередной раз пораженная его проницательностью, Ванесса потупилась и прошептала:

— Я исполняла свой долг, но муж постоянно причинял мне боль, заставляя удовлетворять его прихоти...

— Поверьте, Ванесса, я никогда не причиню вам боль! — сказал Дамиен.

Она медленно подняла голову и, взглянув ему в глаза, поняла, что Дамиен Синклер не обманывает ее. Значит, не зря она делилась с ним сокровенными тайнами, женское чутье не подвело ее! Возможно, она и совершила опрометчивый поступок, раскрыв перед ним свой самый интимный секрет, но ей совершенно не было стыдно. Более того, она почувствовала облегчение.

Дамиен пронзил ее взглядом и промолвил:

— Физическая близость с мужчиной должна доставлять женщине не боль и огорчение, а радость и удовольствие.

— Муж упрекал меня в бесчувственности и холодности. А я порой не выдерживала того, что он делал со мной, и постепенно одно лишь его прикосновение стало вызывать во мне отвращение, — сказала Ванесса, сглотнув подступивший ком.

— Какой же он глупец! — в сердцах воскликнул Дамиен, яростно сверкнув глазами. — Ванесса! Поверь мне, что все твои страхи перед соитием вызваны первым неудачным опытом и последовавшим за ним разочарованием. Пусть ты и не избалована ласками и не можешь похвастаться умением ублажать мужчину, однако я уверен, что по своей натуре ты не бесчувственна и не равнодушна к плотским утехам. В тебе дремлет необыкновенная страсть и

чувственная натура. Пришло время выпустить твой внутренний огонь наружу, моя милая!

На глазах у Ванессы навернулись слезы. Она не находила слов, чтобы выразить Дамиену свою признательность за такие слова. Ведь долгие годы она упрекала себя за свою холодность к мужу, винила себя в том, что не сумела удовлетворить его и тем самым подтолкнула в постель любовницы. Будь она с ним поласковее и понежнее, он, возможно, и не погряз бы в азартных играх, пьянстве и разврате, а умерил бы свой пыл и избежал бесславной смерти на дуэли.

Предположение, высказанное Дамиеном, было подобно бальзаму, излитому на рану, и, тронутая им до глубины души, она спросила:

— Так вы считаете меня чувственной женщиной?

Она все еще не могла заставить себя перейти с Дамиеном на ты, хотя он и сделал первый шаг ей навстречу, приглашая окончательно отбросить условности.

Он посмотрел на нее своими серыми глазами, полными ласки и нежности, и ответил:

— Разумеется! И готов это доказать, если ты мне доверишься.

Она раскрыла рот, но ничего не ответила.

Дамиен встал и, поставив бокал на столик, спросил:

— Ты хочешь, чтобы я объяснил тебе, что значит чувствовать себя желанной?

Он наклонился и, взяв ее под мышки, поставил на ноги. Она застыла, глядя в его лучистые глаза. Тело ее внезапно наполнилось приятным теплом. Дамиен прошептал:

— Я хочу тебя, мой ангел! Хочу тебя так страстно, что ты не можешь себе этого представить.

— Но, Дамиен... — выдохнула Ванесса, чувствуя, что не устоит на ногах, вдруг ставших ватными.

— Тише! Молчи! И не бойся меня. Я не стану торопить тебя. Для начала просто дотронься до меня! — Он погладил ее по щеке.

Ванесса охнула и затрепетала.

Дамиен взял ее за руку и, прижав ее ладонь к своей небритой щеке, пристально взглянул в глаза.

Ванесса зажмурилась, не выдержав его взгляда, и томно повела плечами, чувствуя, как от его ладони распространяется по ее телу жар. Она уже не раз испытывала сходное ощущение, когда во сне гладила его мужественный колючий подбородок и любовалась суровыми чертами привлекательного лица. Внутренний жар достиг ее сокровенных мест, и плоть начала плавиться, словно воск.

Она открыла глаза и вопросительно взглянула на Дамиена, готовая на все, но не осмеливаясь сказать ему об этом.

Он нежно поцеловал кончики ее пальцев и хрипло произнес:

— Нет, моя прелесть, ты не созрела! В твою постель я лягу, когда ты сама попросишь меня об

этом. Сейчас же я тебя покину. Желаю приятных сновидений.

Эти слова еще долго звучали в ее ушах после его ухода. Она вздрагивала и стонала, ворочаясь в постели, от сладостно-тревожного томления, и улыбалась во сне, вспоминая прикосновения его губ к ее пальцам.

Глава 7

Отправляясь в поместье Палисандровая Роща, Ванесса и не помышляла, чем обернется ее пребывание там. Разумеется, она не считала, что все будет легко и просто. Но и не предполагала, что ей предстоит пережить настоящую бурю эмоций. Не прошло и месяца со дня ее прибытия в усадьбу, а брат и сестра Синклер уже умудрились пленить ее рассудок и чувства.

Больше всего Ванессу пугало вожделение, проснувшееся в ней под влиянием обаяния Дамиена. Это новое ощущение лишало ее покоя и повергало в смятение. Она боялась, что всерьез увлечется бароном в мало подходящее для этого время. Ведь он только играл в обольщение, а в душе вынашивал свой коварный план отмщения, в котором ей была уготована роль жертвы.

Истерзанная сомнениями, Ванесса жаждала развязки подобно тому, как узник, приговоренный к смерти, с нетерпением ждет отсроченной казни. Томительное ожидание угнетало ее сильнее, чем страх перед неминуемой экзекуцией. Совокупление с мужчиной ассоциировалось у нее с болью и отвращением. И стоило зыбкому сумраку ночи смениться ясным светом дня, как ее снова охватило недоверие к заверениям Дамиена, что она по своей натуре не бесчувственная, а страстная женщина.

После мучительных раздумий она пришла к выводу, что разумнее ускорить исполнение заключенной ими постыдной сделки. Ибо чем раньше он узнает о ней всю правду, тем быстрее перестанет ее мучить, разочаровавшись в ее возможностях и отчаявшись добиться от нее желанного результата. И тогда, думала Ванесса, он скорее всего велит ей убраться восвояси.

Но если не принимать во внимание душевные терзания Ванессы в связи с ее новыми смутными желаниями, то нельзя не признать, что условия ее жизни в усадьбе оказались значительно лучше, чем она осмеливалась предполагать. Она чувствовала себя довольно неловко от того, что ей не требовалось постоянно думать, как свести концы с концами. На протяжении двух последних лет ей приходилось экономить буквально на всем и отказывать себе даже в маленьких радостях. Однако Дамиен определенно не считался с расходами, когда речь шла об излечении Оливии. И стоило Ванессе высказать предположение, что на больную окажет благотворное воздействие приезд в усадьбу портнихи и модистки, как барон тотчас же их пригласил.

Оливия наотрез отказывалась покидать усадьбу, но Ванесса убеждала ее, что нужно заботиться о своей внешности.

— Зачем мне новые наряды? — упрямо возражала Оливия. — Куда я в них поеду? Я не собираюсь выезжать на балы!

— Допустим, что в ближайшее время вы и не поедете в Лондон, — соглашалась Ванесса. — Однако вам не помещает принарядиться, отправляясь на прогулку. Моя сестра Фанни говорит, что ничто так не поднимает ей настроение, как новая шляпка или шаль. Вам определенно понадобится новый костюм для купания в бассейне, который соорудает для вас в оранжерее

Дамиен.

Приезд модистки, прихватившей с собой богатый ассортимент модных товаров, действительно поднял Оливии настроение, и она купила две понравившиеся ей вещицы.

— Несомненно, столичные шляпки наряднее и элегантнее тех, что продаются в местных лавках, — сказала она Ванессе, когда они остались одни.

— Не обязательно, хотя цены в Лондоне, безусловно, несравненно выше, — ответила Ванесса.

— Должно быть, вам хорошо жилось в Лондоне!

— Честно говоря, мне не нравится жить в городе.

— В самом деле? Странно! Там так много возможностей для развлечения и всяческих зрелищ! А сколько там библиотек, книжных лавок, музеев и театров!

— Определенные преимущества в городской жизни, конечно же, есть. Но мне лично претит ее суета и бесконечная круговерть балов, раутов и званых обедов.

Ванесса еще раз полюбовалась шляпкой лимонного цвета, которую выбрала Оливия, и с легкой грустью вспомнила свои ощущения в ее возрасте. В пик светского сезона она, случалось, получала до полудюжины приглашений на балы и страшно волновалась, готовясь к ним. Но с годами ее все меньше возбуждал мишурный блеск высшего лондонского общества с его непременными сплетнями, притворством, интригами и завистью. А когда ее супруга засосала опасная трясина разврата, званые вечера стали для Ванессы настоящей пыткой. Ей стоило огромных усилий изображать улыбку и терпеть косые взгляды и шушуканье у себя за спиной, но она стойчески переносила все оскорбительные намеки и реплики в связи с очередной безобразной выходкой мужа.

Но разочаровывать наивную Оливию ей не хотелось, и она непринужденно сказала:

— На балах, конечно же, весело, однако с годами к ним так привыкаешь, что они кажутся одинаковыми. Но каждая состоятельная юная леди должна хотя бы раз в жизни испытать, что такое лондонский светский сезон.

— Вряд ли мне это удастся, — с дрожью в голосе промолвила Оливия. — Миссис Дженкинс, моя бывшая сиделка, говорила, что мне повезло: мол, отправься я на тот свет после падения, гореть мне за свои грехи в адском огне. Выходит, мне следует благодарить Бога за то, что он оставил меня, пусть и калекой, в живых, и вымалывать у него прощение. Согласитесь, что тут уже не до развлечений.

— Вы этого не заслуживаете, все это вздор! — в сердцах воскликнула Ванесса.

— Я в этом не уверена, — сказала девушка. — Я наказана за глупость и порочность.

— Разве можно корить себя за то, что вы влюбились! Ваша ошибка лишь в том, что вы доверились негодяю и обманщику.

— Да, это была моя роковая ошибка, — тяжело вздохнув, согласилась Оливия.

Ванесса покосилась на нее и, положив шляпку в коробку, присела на край кровати.

— А что говорит о моем опрометчивом поступке мой брат? — чуть слышно спросила Оливия со

слезами на глазах.

— Он считает, что вы стали жертвой дурацкого пари и что к бегству из дома вас склонил мерзавец, недостойный вашего мизинца, — сказала Ванесса, желая помочь бедняжке излить скопившиеся у нее в душе обиды. — Хочу заметить, однако, что не вы первая оказались в такой ситуации.

— Он действительно подло обманул меня! — гневно сверкнув глазами, воскликнула Оливия. — Я была уверена, что он женится на мне, я поверила его красивым словам о любви.

По щекам ее покатались слезы, взор затуманился и стал мечтательным.

— Он казался мне таким галантным и обаятельным. Он читал мне стихи... Все было так романтично! До той ужасной ночи...

— А что произошло в ту ночь? — тихо просила Ванесса. Она слышала версию этой истории в толковании Обри, а также, в общих чертах, ее пересказ Дамиеном, который судил о случившемся со слов очевидцев и слуг. Но ей хотелось узнать подробности этого происшествия.

— Мы с ним решили бежать в Шотландию, в деревушку под названием Гретна-Грин, — чуть слышно произнесла Оливия, — и там обвенчаться. Вы наверняка знаете, что брачные законы там мягче, чем у нас в Англии. Я жутко нервничала, пока добиралась пешком до таверны в Олсестере, где мы с ним условились встретиться, чтобы отправиться в дальний путь в дилижансе, не привлекая к себе внимания. Едва лишь я увидела его, как тотчас же догадалась, что меня ожидает подвох. Он, как мне показалось, был мне вовсе не рад. Он провел меня в комнату, где нас ждали двое его товарищей. Они были пьяны и постоянно смеялись. Мне это не понравилось, я сказала, что хочу уйти. Но Обри вдруг заявил, что он передумал ехать со мной в Шотландию венчаться. Его приятели начали еще громче смеяться и говорить, что он честно выиграл пари.

В этом месте своего повествования Оливия запнулась, густо покраснев, и на некоторое время умолкла, чтобы немного успокоиться. Ванесса терпеливо ждала продолжения рассказа, стараясь ничем не выдать охватившего ее волнения.

— Они упомянули огромную сумму — тысячу фунтов стерлингов! — наконец произнесла Оливия. — Честно говоря, до меня не сразу дошло, о чем они говорят. У меня, должно быть, в тот момент был идиотский вид со всеми моими коробками и чемоданами. Потом один из приятелей Обри нахально объяснил мне, что все это шутка, розыгрыш, а не настоящий побег. А другой его дружок предложил мне стать его любовницей. Обри возмутился и потребовал, чтобы он передо мной немедленно извинился. Но я не могла больше терпеть этого глумления и выбежала из номера вон. — Оливия судорожно вздохнула. — Кажется, я обо что-то споткнулась на лестничной площадке, не удержалась и полетела кувыркком по ступенькам. Потом я провалилась в темноту и очнулась уже в этой комнате, не в силах пошевелиться. Мне сказали, что я сильно ушиблась... И с тех пор я больше не видела Обри!

Оливия разрыдалась. На глазах у Ванессы тоже навернулись слезы. Ей очень хотелось рассказать бедняжке, что барон запретил Обри даже приближаться к ней после того трагического случая. Однако интуиция подсказывала Ванессе, что говорить этого не следует, чтобы не испортить налаживающиеся с Оливией добрые и доверительные отношения. Узнай сейчас девушка, что она — сестра ее обидчика, ее хрупкий организм не выдержал бы нового потрясения, и все старания Дамиена и Ванессы пошли бы насмарку, не говоря уже о том, что

их дружбе настал бы конец.

Рассказ Оливии привел Ванессу в ярость. Поступок брата ей показался ужасным, жестоким и подлым, он свидетельствовал о его незрелости и преступной бесчувственности. Только безответственный избалованный негодяй мог так подло поступить с наивной девушкой. Обри растоптал ее, как нежный бутон, превратил в калеку и смешал с грязью ее репутацию.

— Теперь вы понимаете, что мне лучше не появляться в приличном обществе, — упавшим голосом заключила свое печальное повествование Оливия. — Я стала затворницей.

Ванесса пожала ее руку и промолвила:

— Не надо отчаиваться, Оливия! Все не так мрачно, как вам кажется, и не все для вас потеряно. Поверьте мне, вам удастся преодолеть все трудности. Когда я была в вашем возрасте, мне тоже пришлось хлебнуть лиха со своим беспутным мужем. Он прокутил все свое состояние и залез в долги. И после его нелепой гибели на дуэли мне пришлось расплачиваться с его кредиторами. А сколько грязных слухов ходило вокруг его амурных приключений! Его и убили-то из-за любовницы, известной актрисы...

— Я вам сочувствую, Ванесса! — искренне сказала Оливия.

— Так вот, в ту ужасную пору бесконечных скандалов вокруг моего супруга я тоже думала, что не вынесу всего этого, — продолжала Ванесса. — Однако я в конце концов решила не падать духом и, гордо вскинув голову, прошла через все испытания, уготовленные мне судьбой. Трудности и невзгоды закалили меня, научили верить в свои силы и не раскисать. Уверяю вас, моя милая, что и ваша скандальная история скоро забудется. Так что не унывайте и продолжайте жить как ни в чем не бывало. И тогда вам улыбнется удача.

— Вы полагаете, что мне не следует жить затворницей? — пытливо заглядывая ей в глаза, спросила Оливия.

— Разумеется, моя милая! Вас, безусловно, можно понять, слушать о себе сплетни никому не приятно. Но если вы будете сторониться и тех, кто искренне хочет вам помочь, то сами от этого же и пострадаете, — наставительно заметила Ванесса.

— Мой брат Дамиен говорит, что любит меня и хочет мне помочь, — сказала Оливия. — А как вам кажется, он не лукавит?

— Нет, конечно! Он души в вас не чаёт, — с улыбкой ответила Ванесса.

— Он уверяет меня, что сожалеет о своем прежнем равнодушии ко мне, что впредь будет меня холить и лелеять, — добавила Оливия.

— А вы дадите ему для этого шанс? — спросила Ванесса.

— Конечно, дам, — с дрожью в голосе ответила девушка, обтирая тыльной стороной ладони глаза. — Ведь я не столько сердилась на него, сколько была подавлена своим вынужденным затворничеством и вымещала на нем свое отчаяние и раздражение.

— Теперь, когда вы все поняли, нужно изменить свое отношение и к нему, и к окружающему вас миру.

— Однако мои возможности теперь так ограничены! Я даже одеться не могу без помощи

служанок, а в сад меня выносит на руках лакей. А вот прежде я ежедневно выезжала на верховые прогулки в любую погоду, будь то дождь или снег.

— Но вы можете выезжать в карете! Не говоря уже о том, что вам давно пора проведать своих любимых лошадей. Конюх сказал мне, что они по вас соскучились.

— А чем еще я могла бы, на ваш взгляд, заняться?

— Музыкой! Барон сказал, что вы прекрасно играете на фортепьяно. Пальцы у вас не сломаны, можете начинать практиковаться, пусть и без педалей.

— Я к тому же неплохо пою, — не без гордости добавила Оливия, воспрянув духом.

— Миссис Несбит как-то сказала, что у вас ангельский голосок, — не поскупилась на лишний комплимент Ванесса.

Девушка покраснела от смущения.

— Я хотела бы вас послушать, — сказала Ванесса.

— Я рада, что вы не забываете навещать меня, — пожимая ей руку на прощание, сказала Оливия.

— Наши встречи всегда доставляют мне удовольствие, — с улыбкой ответила Ванесса, ничуть не покривив душой.

В тот же вечер Оливия предприняла первую попытку восстановить согласие в доме.

В ожидании ужина Ванесса и Дамиен беседовали в гостиной, когда туда вошел дворецкий и, прокашлявшись, объявил:

— Милорд! Мисс Оливия выразила пожелание присоединиться к вам и леди Уиндем за столом.

В комнату въехала на кресле-каталке сама Оливия, сопровождаемая лакеем. Дамиен вскочил с диванчика, ошарашенный ее неожиданной просьбой и внезапным появлением.

— Ванесса посоветовала мне не сидеть в четырех стенах, — упреждая его вопрос, сказала Оливия. — Вот я и решила начать новую жизнь сегодня же, не откладывая это в долгий ящик. По-моему, ты шокирован, братец!

Дамиен просиял и ответил:

— Я буду лишь рад вновь испытать такой приятный шок, дорогая сестра! Крофт, будь любезен, принеси бутылку шампанского! Такое событие надо отпраздновать.

Как ни ошеломлен был барон неожиданным поступком своей сестры, он отметил, что с ее появлением в столовой воцарилось истинно семейное радушие. Раньше, в мрачную пору совместного существования в усадьбе Палисандровая Роща супругов Синклер, общая трапеза напоминала пытку. Ледяное молчание во время приема пищи изредка нарушалось язвительными репликами кого-то из родителей. В такие моменты Оливия смертельно бледнела, а у Дамиена кусок застревал в горле. Сегодня же все трое собравшихся за столом держались непринужденно и обменивались улыбками и шутками.

После ужина они перешли в музыкальную гостиную, где стоял рояль, подаренный Дамиеном

сестре ко дню ее шестнадцатилетия. Ванесса села за инструмент. Оливия запела. Дамиен внимал их чудесному исполнению и радовался, что пригласил Ванессу в имение. Это было, несомненно, озарение, думал он, любуясь ею из-под полуопущенных век. Вряд ли ему удалось бы найти другую такую чудесную подругу для своей больной сестры. Ведь требуется незаурядная смекалка, чтобы за столь короткий срок очаровать Оливию и пробудить в ней интерес к жизни! Сколько ни пытался он сделать это сам, от его усилий не было проку. Старания Ванессы заслуживали наивысшей похвалы. Уже давно барон не проводил так славно вечер дома, и сердце его наполнялось сладким томлением в предчувствии ночного рандеву с Ванессой.

Под предлогом заботы о хрупком здоровье сестры он проводил ее в опочивальню, а сам поспешил вернуться к своей очаровательной гостье. Ванесса негромко наигрывала сентиментальную мелодию, устремив мечтательный взгляд в темный сад за окном. Вид у нее был настолько умиротворенный, что Дамиен решил воспользоваться подходящей ситуацией и ринуться на штурм ее заветного редута.

На столь решительный шаг его подталкивало не только изголодавшееся мужское естество, но и желание поскорее начать обучать Ванессу искусству сладострастия. Чутье подсказывало ему, что пора отпереть ее волшебный ларец и выпустить на волю темперамент, истомившийся в оковах блаженного неведения. Несомненно, было ошибкой принять за лицемерную развратницу эту скромную женщину с сердцем непорочного ангела. Только готовность к самопожертвованию толкнула ее на сделку с совестью. У барона не возникало сомнений, что на роль содержанки Ванесса согласилась только ради спасения своей семьи от разорения, для чего ей потребовалось все ее мужество.

Отвращение к физической близости с мужчиной возникло у нее лишь по вине ее грубого и бесцеремонного супруга, в конце концов поплатившегося за свое небрежение к хрупкой женской натуре. И барон искренне хотел ей помочь излечиться от чуждой ее натуре холодности, исправить этот досадный недостаток и научить ее радоваться вместе с ним, используя дарованные природой возможности.

— Я безмерно благодарен тебе за твою доброту к Оливии! — сказал он, наполняя вином бокалы.

— Она так мила, что ее нельзя не полюбить! — ответила с улыбкой Ванесса.

— Значит, тебе не в тягость забота о ней?

— Нет, разумеется!

— Следовательно, ты не жалеешь, что приехала сюда?

— Нет, конечно!

Дамиену почудилось, что это сказано не совсем уверенно, так, словно бы в ее ответе подразумевалось кое-что еще, а именно слово «пока»: пока не требуется выполнять и другие условия договора — вот что не осмелилась она сказать.

— Давай выйдем в сад! — предложил Дамиен. — Я хочу тебе кое-что показать.

— Не поздновато ли для прогулок? — с опаской спросила Ванесса.

— Уж не боишься ли ты, что я овладею тобой силой, без твоего на то согласия? —

непринужденно парировал барон. — Уверю тебя, что у меня и в мыслях нет ничего подобного. Мне хочется показать тебе бассейн, сооруженный для Оливии, тебе будет удобнее рассмотреть его, пока там нет рабочих.

Ванесса с сомнением взглянула на темное окно, затем — на свое шелковое платье с короткими пышными рукавчиками и квадратным вырезом на груди, открывающим нежную кожу, и промолвила:

— В таком случае я бы хотела накинуть на плечи шаль.

— В этом нет особой нужды, в оранжерее тепло.

— Что ж, если так, тогда пошли!

Дамиен согрел ее теплым взглядом и, взяв под руку, вывел через створчатые двери в сад. На нее пахло ночной свежестью. Полная луна и сверкающие на черном бархате небосклона звезды освещали окрестности мистическим серебристым светом.

Охваченная приятным волнением, Ванесса прижалась к барону плечом, словно бы ища защиты от затаившихся в темных кустах призраков.

— Что-то ты вдруг сникла и притихла? — спросил барон.

— Я размышляю, мудро ли поступила, согласившись на эту полночную прогулку, — ответила Ванесса. — Здесь жутковато.

— Ничего не бойся! Тебе ничего не грозит. До оранжереи рукой подать! Или ты боишься меня? — спросил Дамиен.

— Меня пугают ваши общеизвестные гедонистические наклонности, — сказала она.

— Как ты можешь так говорить после наших ночных встреч в твоей спальне! Если я до сих пор не навязывался тебе, когда мы оставались одни, то вряд ли я позволю себе какую-нибудь вольность в общедоступном месте.

— От вас всего можно ожидать, Дамиен!

. — Прискорбно, что ты столь низкого обо мне мнения, — покачав головой, промолвил барон. — Я вел себя как агнец. Ванесса подавила нервный смешок, решив не поддаваться на провокацию и не переубеждать его, дабы не подтолкнуть на более смелые поступки. Однако затеянная им пикировка забавляла ее, и она промолвила с легкой иронией в голосе:

— Мне кажется, что это одна из ваших уловок, милорд, с помощью которой вы надеетесь очаровать меня. Хочу вас заверить, что вам это не удастся. Вам лучше попрактиковаться в искусстве обольщения с какой-нибудь другой, более податливой дамой.

— Бог мой! — воскликнул Дамиен. — Где же мне взять такую в столь поздний час! Придется довольствоваться тобой, моя прелесть.

— Вряд ли я смогу удовлетворить ваши непомерные аппетиты, барон. По-моему, одной дамы вам маловато.

— Ты недооцениваешь свои возможности, моя прелесть!

— Зато вы переоцениваете себя!

Дамиен вскинул бровь и, окинув ее самодовольным взглядом, спросил:

— Ты хочешь унижить меня? Я могу и обидеться!

— Как обидеть вас так, чтобы вы прекратили меня помогать? — воскликнула Ванесса, трепеща от сладостно-тревожного предчувствия. Барон молча увлек ее за собой по темной аллее.

— Вот мы и пришли, — спустя короткое время произнес он, отпирая ключом дверь какого-то сооружения.

На Ванессу пахло теплом и сыростью. Дамиен вошел в помещение и, чиркнув серной спичкой, зажег лампу. В неверном свете колеблющегося пламени его лицо обрело злодейское выражение, отчего показалось Ванессе еще более привлекательным. Наверное, именно так и выглядит Люцифер, подумала она, морщась от острого запаха серы, и робко шагнула через порог. Барон запер дверь изнутри на задвижку. Ванесса похолодела.

— Я не хочу, чтобы нас беспокоили, — непринужденно сказал Дамиен и, взяв ее за руку, подвел к верстаку, на котором были разложены различные инструменты. Он взял увесистый отрезок трубы и протянул его Ванессе со словами: — Это тебе для самообороны, на случай, если я начну тебя помогать.

Глаза его лукаво блестели. Ванесса повертела трубу в руках и положила на верстак, с усмешкой заметив:

— От нее столько же проку, сколько от ключа от моей спальни. Если вам чего-то захочется, вы ни перед чем не остановитесь. Так что не пытайтесь притупить мою бдительность, я все равно останусь начеку!

— В таком случае прошу следовать за мной! — сказал Дамиен и повел ее по проходу между горшками с розами и орхидеями к зарослям лимонных и апельсиновых деревьев.

Пропитанный их ароматом воздух дурманил Ванессе голову, от обилия разнообразных цветов у нее рябило в глазах. Наконец они достигли площадки, огороженной китайскими шелковыми ширмами, и Ванесса догадалась, что здесь и находится бассейн. Она не ошиблась: зайдя за ширму, она увидела небольшую купальню, облицованную плиткой и наполненную чистой водой.

— Работы не завершены, осталось проложить еще несколько труб, — сказал Дамиен. — Но в целом бассейн готов. Как видишь, здесь имеются поручни и пологий спуск для инвалидного кресла, а также скат, по которому Оливия самостоятельно либо с помощью служанки сможет легко погружаться в подогретую воду. Ну и что ты обо всем этом скажешь, моя прелесть?

— Весьма впечатляющее сооружение, барон! — ответила Ванесса. — Я приятно поражена.

— Как видишь, порочные вольнодумцы порой способны и на созидательные поступки, — с лукавой улыбкой заметил Дамиен.

— Именно это меня и удивило, милорд! Я думала, что ваши фантазии ограничиваются творческими изысками в будуарах. Аристократам не свойствен интерес к практической деятельности. Вы же, как оказалось, являетесь редким исключением из правила, —

промолвила Ванесса.

— Раз уж ты столь высоко оценила мои скромные таланты, позволь мне показать тебе еще одно мое достижение. Прошу сюда! — Дамиен взмахнул рукой, предлагая Ванессе войти в небольшую кабинку. — Это раздевалка, — сказал он, когда они вошли в помещение, отделанное дубовыми панелями.

— Как видишь, здесь есть все необходимое для купания и отдыха — скамейки, простыни, полотенца, халаты. Не желаешь ли искупаться? Вода теплая, ты не озябнешь!

— Искупаться? Ночью? — Ванесса удивленно вытаращила глаза.

— Это самое подходящее время для водных процедур, мой ангел! — с очаровательной улыбкой ответил он. — Если купание доставит тебе удовольствие, ты сможешь с чистой душой убедить Оливию последовать твоему примеру.

Ванесса почувствовала, что не в силах устоять перед его доводом и бесстыдным взглядом. Не дожидаясь ответа, Дамиен сел на скамейку и, сняв туфли и чулки, закатал выше колен штанины. Ванесса замерла, ожидая, что он сделает дальше. Барон усмехнулся и промолвил, угадав ее мысли:

— Не волнуйся, я останусь в панталонах. — Он сел на бортик бассейна, спустил ноги в воду и, поболтав ими, воскликнул: — Какое блаженство! Присоединяйся, моя прелесть! Что же ты медлишь?

Ванесса собрала остатки воли в кулак и осталась стоять на прежнем месте как вкопанная.

— Ну сделай милость, сними туфельки! Доставь мне такое удовольствие, — бархатным голосом произнес барон.

Ванесса даже не шелохнулась. Дамиен огорченно покачал головой:

— Хочешь знать, в чем твоя главная беда? Ты чересчур подавлена и зажата. Так ты никогда не выпустишь на волю дремлющую в тебе чувственность. Или тебе нравится быть холодной?

Ванесса вздрогнула, задетая за живое его словами. Роджер, ее покойный супруг, тоже упрекал ее в холодности. И слышать подобные упреки от Дамиен ей было неприятно. Она горделиво вскинула подбородок в знак того, что ей безразлично, что он думает о ней как о женщине. Разве она не говорила ему откровенно, что он разочаруется в ней? Его ласки ей не нужны, все мужчины ей в равной степени безразличны, и менять свое отношение к ним она не намерена. Если же она и подчинится его воле, то исключительно выполняя условия их постыдной сделки!

Рассудив таким образом, Ванесса сняла туфли и чулки и, сев рядом с бароном на бортик бассейна, спустила голые ноги в воду. В дьявольских глазах Дамиена вспыхнуло самодовольство. Чувствуя себя порочной девицей, Ванесса подтянула на несколько дюймов подол юбки и заерзала на бортике.

— Тебе пора начать доверять мне, — промолвил Дамиен.

— Как можно верить волку? — возразила она. Барон прижал руку к груди и напыщенно воскликнул:

— Ах, прекрасная колдунья! Ты поразила меня в самое сердце!

— Попросите доктора Андерхилла вас перевязать! — с усмешкой ответила Ванесса.

Дамиен хрипло хохотнул.

— Не могу понять, почему ты постоянно норовишь уколоть меня своими замечаниями? Ведь я ни разу еще не посягнул на твою добродетель.

— Пусть так, но я уверена, что это только уловка, — ответила Ванесса. — Вы играете со мной как кошка с мышкой.

— Я поцеловал тебя всего один раз, и еще до того, как узнал тебя, — сказал барон.

— На вашем месте я бы не стала утверждать, что вы достаточно хорошо меня знаете!

— Ты заблуждаешься, Ванесса! За минувший месяц я хорошо тебя изучил. Ты добра и великодушна, твой ум вызывает у меня восхищение. Но к сожалению, ты боишься мужчин.

Ванесса закусила губу и потупилась, сожалея, что раскрыла ему свои сокровенные тайны.

— Тебе не следует всю жизнь носить в сердце неприязнь к нам из опасения, что кто-то из нас тебя снова обидит! — сказал Дамиен вполне серьезно.

Ванесса сжала сцепленные пальцы. Слова Дамиена затронули самое болезненное место в ее истерзанной душе. Ей не хотелось всю жизнь бояться мужчин, испытывать к ним неприязнь и уклоняться от их ласк, но темное прошлое угнетало ее, воспоминания о своем неудачном супружестве терзали ее сердце. И она распрощалась с надеждой избавиться от страхов, смирилась с участью одинокой вдовы, обреченной до конца своих дней замаливать грехи.

— Я избавлю тебя от страха, Ванесса! — прошептал Дамиен, угадав ее мысли. — Доверься мне, и ты станешь другим человеком.

— Вы надеетесь, что я поверю в ваш альтруизм? — гневно воскликнула она, взбешенная таким бесстыдным ханжеством. — Думаете, я настолько наивна, что не понимаю, чего вы добиваетесь?

— А я и не скрываю, что хочу в награду за свои труды заслужить твое расположение и разделить с тобой ложе, Ванесса! — ответил барон, скользнув по ней масляным взглядом.

— Если так, вам давно следовало бы потребовать от меня исполнения условий нашего договора! — с вызовом воскликнула она, устав ходить вокруг да около сути разговора. — Или вы нарочно оттягиваете этот момент, получая удовольствие от утонченной пытки?

— Как могло такое прийти тебе в голову! — с деланным возмущением воскликнул Дамиен, с трудом сдерживая улыбку.

— Я не слышала ответа на свой вопрос! — сказала Ванесса, твердо решив не дать ему заморочить ей голову.

— Ты еще не готова к этому, — серьезно ответил барон. Ванесса изумленно вытаращила глаза.

— Как вы это определяете?

— У меня большой опыт в амурных делах, моя дорогая. Тебе ведь неприятны даже мои прикосновения. О каком выполнении условий нашего договора может идти речь? Нет, мужская

интуиция подсказывает мне, что ты пока не созрела для серьезного шага!

Он внимательно посмотрел на ошарашенную Ванессу и, погладив ее по щеке, добавил, расплывшись в дьявольской улыбке:

— Впрочем, определенный прогресс уже есть: ты не вздрогнула от моего прикосновения. Это дает мне повод надеяться, что когда-нибудь ты наконец-то сдашься. Предупреждаю, что я не намерен принуждать тебя к этому!

Он коснулся пальцем ее губ. У Ванессы перехватило дух, нервы ее натянулись, как струны рояля. Игра в кошки-мышки ей надоела, она решила, что пора положить ей конец.

— Раз уж вы собрались меня соблазнить, барон, не лучше ли вам перейти к делу? — спросила она, глядя ему в глаза.

— Я лишь хотел показать тебе бассейн для Оливии и узнать твое мнение о нем, — ответил Дамиен. — Но если ты так ставишь вопрос, тогда... — Он наклонился и согрел своим горячим дыханием ее щеку. Ванесса замерла в ожидании поцелуя. Но Дамиен лишь провел пальцем по ее ключице и прошептал: — Ты само очарование!

Бархатный тембр его голоса бросил Ванессу в дрожь, она почувствовала, что цепенеет, поддавшись чарам Дамиена Синклера, этого опасного соблазнителя, владеющего дьявольскими секретами.

Его палец тем временем продолжал медленно скользить по ее коже. Ванесса закрыла глаза, борясь с просыпающимся в ней сладостным томлением и с ужасом осознавая, что не способна сопротивляться этому искусителю.

К своему удивлению, она услышала легкий всплеск и, открыв глаза, увидела, что барон стоит по колени в воде. Взгляд Ванессы скользнул выше — и глаза у нее полезли на лоб: под тонким сукном панталон отчетливо обозначилось его возбужденное мужское естество.

— Рад видеть, что ты не оставила без внимания свидетельство моего искреннего восхищения твоей красотой, — промолвил барон усмехаясь.

Ванесса покраснела и отвела взгляд. Дамиен протянул руку и пальцем приподнял ее подбородок. Их взгляды встретились, и ее бросило в жар от нежности и вожделения, которые угадывались в его серых глазах.

— Ты согласишься мне, моя прелесть? — тихо спросил он.

Она облизнула пересохшие губы, глядя на него, словно кролик на удава.

— Позволь мне поцеловать тебя, мой ангел! Я прерву поцелуй, как только ты этого пожелаешь.

Ванесса ощутила неукротимое желание почувствовать губами его нежные и прекрасные губы, прижаться грудями к его мощной груди. Не дожидаясь, пока она стряхнет с себя его чары, Дамиен осторожно провел пальцем по ее шее, глядя ей в глаза и шепча:

— Ты моя очаровательная сирена! Позволь мне тебя поцеловать!

Он склонил голову и запечатал ее уста жарким поцелуем.

Она охнула и затрепетала.

Он сжал ладонями ее лицо, и сопротивление ее оказалось сломленным. Его язык, горячий и напористый, проник ей в рот. Ванесса обмякла, более не владея собой.

Этот страстный поцелуй, преисполненный чувственности и нежности, длился бесконечно долго. Наконец Дамиен отстранился и, переведя дух, бархатистым голосом произнес:

— Твои уста слаще старого вина, мой ангел! Он наклонился и поцеловал ее за ухом.

Ванесса охнула, ощутив жар внизу живота, и покраснела, сообразив, что это вождление..

— Ты готова сдать, мой ангел! Тебе хорошо и приятно, не так ли? — вкрадчиво спросил барон, сверля ее пытливым взглядом.

Ванессе хотелось ответить ему: «Да, мне хорошо и приятно», — но слова застряли у нее в горле, а щеки и плечи стали пунцовыми от стыда.

Дамиен встал вплотную к ней. Ванесса взглянула ему в глаза и поняла, что вот сейчас это и случится. Он раздвинул коленом ее ноги. Она затаила дыхание. Дамиен медленно опустил ее в воду и усадил на свое бедро, упершись ступней в бортик. Ванесса не шелохнулась, а плотнее прижалась низом живота, превращающимся в расплавленный воск, к его ноге. Дамиен обхватил руками ее осиную талию и стал тереть ее низом живота о свое бедро, приговаривая при этом:

— Не надо стесняться своих чувств, мой ангел!

Из уст Ванессы вырвался сладострастный стон. Барон сжал ее бедра и принялся тереть ее огненным подбрюшьем о свое бедро еще сильнее, целуя ее лицо, плечи и шею.

Неведомое темное чувство охватило Ванессу, такого блаженства она еще никогда не испытывала.

— Дамиен! — воскликнула она тонким срывающимся голоском.

— Тише, мой ангел! Молчи и наслаждайся! — ответил он.

Ванесса ахнула и начала поводить бедрами, непроизвольно норовя обострить свои необыкновенные ощущения в промежности. Тело ее горело, внизу живота возникла и стала нарастать сладостная боль. Утратив стыд и самоконтроль, она запрыгала на бедре барона, как лихая наездница на жеребце. Дамиен обрадовался такой прыти и впился губами в ее рот. Все завертелось у Ванессы перед глазами. Она обхватила руками плечи барона и стала тереться о него торчащими сосками груди, отчаянно пытаясь утихомирить пробудившегося в ней голодного зверя вождления. Сердце ее билось в сумасшедшем темпе, она вцепилась пальцами в мускулистые руки Дамиена и заскулила, чувствуя, что сейчас с ней произойдет нечто невероятное, такое, к чему она давно страстно стремилась, хотя никогда раньше и не испытывала ничего подобного.

— Еще немного, радость моя! Еще чуть-чуть! — ободрял ее Дамиен, плотнее прижимая к своему бедру.

И наконец Ванесса содрогнулась, сотрясенная нежданным оргазмом, и взвизгнула от изумления и испуга перед этим божественным ощущением, пронзившим ее, словно небесный огонь. Перед глазами ее вспыхнули искры и поплыли разноцветные круги. Вновь и вновь она вздрагивала от мощных ударов разразившейся внутри ее бури, пока, обессилив, не повисла у

Дамиена на шее, дрожа и всхлипывая от испытанной радости и уже не помышляя противиться естеству.

С огромным удовлетворением поглаживая скулящую и повизгивающую Ванессу по спине, Дамиен наслаждался ее дрожащим от перевозбуждения телом и прислушивался к отголоскам ее страсти в себе. Его напрягшийся жезл изнывал от боли и своим подрагиванием как бы умолял скорее пустить его в ход. Соблазн выпустить его из тесных панталон на волю был велик, ведь барон уже давно не тешил свою плоть. Сейчас он бы мог легко овладеть Ванессой так, как ему того хотелось, она была охвачена огнем страсти и желания отдаться ему целиком. Все ее горячее от возбуждения молодое тело льнуло к его мужскому естеству. Но все же барон колебался — и сам не понимал почему.

Внутренний голос нашептывал ему, что лучше воздержаться и не выпускать на волю своего огнедышащего дракона похоти, не давать ему терзать нежное подбрюшье Ванессы, не позволять извергать раскаленную лаву в ее таинственную пещеру, скрытую между соблазнительными бедрами. Дамиен чувствовал, что испытывает к Ванессе нечто большее, чем банальное вожделение, ему хотелось любить ее нежно и ласково, холить и лелеять. Но овладев ею здесь, в бассейне, он все испортил бы своей поспешностью и лишил бы себя возможности вкусить ее сладкого запретного плода в более подходящей для этого обстановке, не торопясь, наслаждаясь каждым мгновением. Опыт подсказывал ему, что нужно взять себя в руки и проявить рассудительность и терпеливость, чтобы потом ни о чем не жалеть.

Издав тихий вздох, Дамиен сжал Ванессу в объятиях, мучительно пытаясь сохранить самоконтроль. Ему было приятно убедиться, что она полна скрытой чувственности и готова к самозабвенному соитию. Ему потребовалась вся его воля, чтобы побороть желание сейчас же удовлетворить свою похоть и погасить пламя сладострастия во имя высшей цели.

Совладав наконец с искушением, он разжал объятия и, отстранившись, взглянул на пунцовое лицо Ванессы. Она тоже посмотрела на него с испугом, удивлением и мольбой во взгляде, словно бы вопрошая, что он намерен с ней сделать, и выражая покорную готовность ко всему.

Барон улыбнулся и осевшим от вожделения голосом произнес:

— Теперь ты знаешь, что я сделал бы с тобой, если бы захотел тебя соблазнить, моя радость.

Взгляд ее затуманился, видимо, от нахлынувших воспоминаний об испытанных ощущениях. Барон понял, что он напрасно сказал эти слова, потому что она даже не осознала, что именно с ней произошло. Он нежно погладил ее по щеке и прошептал:

— Не сердись, мой ангел. Прости меня!

— Простить? Но за что? — с дрожью в голосе спросила она.

— За то, что я так легкомысленно принизил значение новых для тебя ощущений. Ведь это случилось с тобой впервые, не так ли?

— Я не ожидала, что...

— Что можно получить наслаждение от любовных ласк мужчины, верно?

— Да...

Дамиен улыбнулся:

— Это далеко не все, мой ангел! Если ты решишься продолжить свои изыскания, тебе откроются такие сокровенные тайны, о которых ты даже не мечтала. Я буду счастлив, если ты позволишь мне стать твоим учителем и наставником. Я хочу быть твоим проводником в волшебную страну наслаждений, мой ангел! Хочу быть тем мужчиной, который раскроет тебе секреты отношений между мужчиной и женщиной... А пока будет лучше, если мы вернемся в дом, иначе я с собой не совладаю.

Дамиен помог Ванессе выкарабкаться из бассейна. Она одернула промокший подол юбки и сердито надула губки, раздосадованная, что Дамиен перехитрил ее и не овладел ею, не спрашивая, хочет она этого или нет. Это было жестоко с его стороны, он оставил ее возбужденной, переполненной болезненным желанием, потрясенной случившимся и трепещущей от сомнений и смутных предчувствий.

Молча натянув чулки и туфли, Ванесса позволила Дамиену вывести ее из оранжереи в сад и не проронила ни слова, пока они шли по темной аллее. Барон завел ее в пристройку, где хранились инструменты, гвозди и доски, сдвинул в сторону панель в стене и исчез в тоннеле, увлекая Ванессу за собой. Свод прохода оказался настолько низким, что им пришлось пригнуть головы, воздух был спертый и теплым, пахло плесенью и пылью. Наконец они поднялись по деревянным ступенькам и очутились перед глухой стеной, за которой находилась спальня Ванессы. Дамиен отодвинул панель и, пропустив Ванессу вперед, вошел в комнату.

— Вы останетесь? — спросила она.

— Я безумно хочу этого, мой ангел, — ответил он. — Но чувствую, что ты все еще не готова к этому. Поступим лучше так: когда ты почувствуешь, что созрела для моих ласк, ты сама придешь ко мне ночью. Второй тоннель тянется вдоль стены твоей спальни и гостиной и заканчивается тайным входом в мою опочивальню. Ты не заблудишься!

С этими словами он исчез во мраке. Ванесса подождала, пока панель встанет на место, и подошла к окну. Полная луна осветила ее бледное напряженное лицо. Она прикусила губу и наморщила лоб, охваченная грустью и сожалением. Ее тело еще помнило его ласки и те необыкновенные ощущения, которые он пробудил в ней. Несомненно, то упорное и долгое сражение, которое она вела с его мужскими чарами, сегодня завершилось ее поражением. Но, как это ни странно, Ванесса не жалела об этом.

Она закрыла глаза, наполняясь тем же сладостным чувством, которое испытала в объятиях Дамиена, и ощутила знакомое томление внизу живота. Ей захотелось вновь попасть в тот волшебный мир блаженства, в котором она очутилась, совершенно неожиданно для себя благодаря Дамиену. Это новое желание и радовало, и пугало ее одновременно. Дамиен показал ей уголок подлинного рая, ослепительного и манящего, дал ей почувствовать, как женщина может хотеть мужчину.

Она встряхнула головой и зябко поежилась. Как ему удалось вызвать в ней бурю ощущений, даже не овладев ею? Как сумел он пробудить в ней неукротимую, звериную страсть? Такого мужчину Ванесса еще не встречала, она не предполагала, что когда-нибудь встретит любовника, способного овладеть не только ее телом, но и сердцем.

По телу Ванессы пробежала дрожь. Она скинула одежду, повесила ее на спинку стула и, надев ночную рубашку, легла в постель. Но сон не приходил к ней, она ворочалась с боку на бок, терзаемая воспоминаниями и желаниями, от которых ей становилось стыдно.

Уставившись на балдахин, она представила себе Дамиена и почувствовала, что томление в

промежности перерастает в нестерпимую боль. Груды ее набухли, соски отвердели, пустота в сокровенном углублении требовала наполнения. Перед ее мысленным взором возникло улыбающееся лицо барона, его чувственный рот. Он раскрыл свои объятия, готовый заключить ее в них. У Ванессы перехватило дух и гулко застучало в груди истомленное желанием сердце. Она перевернулась на живот и обняла подушку. Ей открылась страшная, пугающая истина: она страстно хотела Дамиена, жаждала познать секреты страсти, проникнуть в тайну отношений между женщиной и мужчиной.

Она зарылась в подушку лицом, но в ее ушах звучал его бархатистый голос, произносящий, словно заклинание:

— Когда ты почувствуешь, что созрела для моих ласк, ты сама придешь ко мне...

Что же делать? Идти или не идти к нему? Ванесса села, спустив ноги с кровати, и сделала глубокий вдох. Сердце готово было вырваться из груди, внизу живота все свело, в глазах потемнело. Что же с ней будет, если она пойдет к нему? Ее затрясло. В голове у нее все смешалось, ее охватили противоречивые чувства: надежда и отчаяние, кураж и страх, смелость и робость. А вдруг она все-таки окажется неспособной на ответную страсть? Что с ней станет, если вдруг Дамиен пробудит дремлющую в ней неугомонную распутницу?

Ничего не соображая, но повинувшись инстинкту, Ванесса встала с кровати, зажгла свечу и, отодвинув панель, с замирающим сердцем вошла в темный тоннель, словно бросилась головой в омут.

Глава 8

Дойдя до конца тоннеля, Ванесса остановилась и, едва дыша от волнения, осмотрела панель в стене. Как оказалось, запорное устройство приводил в действие уже знакомый ей маленький рычажок. Ванесса потушила свечу и, собравшись с духом, сдвинула в сторону панель.

Спальня Дамиена была залита серебристым лунным светом, проникавшим через открытое окно. На большой кровати, стоявшей посередине комнаты, неподвижно лежал мужчина с бледным лицом. Казалось, он спал, закинув руки, сцепленные в пальцах, за голову и накрывшись белой простыней. Ванесса сделала несколько робких шагов, и Дамиен открыл глаза.

— Я вас разбудила? — срывающимся голосом спросила Ванесса.

— Мне казалось, что я не сплю. Но теперь я в этом не уверен, — ответил он. — Ты явилась ко мне во сне или наяву?

Она затрепетала, взволнованная бархатным тембром его голоса, и чуть слышно ответила:

— Нет, это не сон, барон! Это на самом деле я.

— Подойди же ко мне скорее, мой ангел! Я не осмеливаюсь пошевелиться, боясь спугнуть тебя.

Ванесса подошла к кровати, ощущая дрожь в ногах, и замерла, уставившись на его мощную волосатую грудь. Дамиен взял из ее дрожащих пальцев свечу и, поставив ее на столик у изголовья кровати, схватил ее за руку и потянул на себя.

Она прильнула к нему, он погладил ее по голове и сказал:

— Какие чудесные у тебя волосы! Мне хочется зарыться в них и наслаждаться их тонким запахом. Почему ты дрожишь?

— Я вас боюсь, — призналась она.

— Ты тоже пугаешь меня своей красотой и наивностью, — сказал барон и положил ее руку ладонью на свое сердце. — Ты чувствуешь, как громко и тревожно оно бьется, мой ангел? Можешь делать со мной все, что хочешь. Я не стану торопить тебя!

Она окинула взглядом его мужественное красивое лицо и поняла по выражению его глаз, что он ее не обманывает.

— Но я не знаю, с чего начать, — прошептала она — Поэтому будет лучше, если вы мне покажете.

— Сочту за честь, мой ангел, — с улыбкой произнес барон и тихо добавил: — Погладь меня!

Она робко провела ладонью по его мускулистому телу и сразу же ощутила в промежности знакомый жар. Рука ее скользнула к его чреслам и сжала твердый подрагивающий мужской причиндал, вытянувшийся в ее честь по стойке «смирно».

— Не стесняйся, ласкай его, мой ангел, — шептал Дамиен, — Он сделан из плоти и крови. Чувствуешь, как твои прикосновения наполняют его мужской силой?

Ванесса задрожала, ощущая в своей сжатой руке его горячий, толстый и длинный жезл с бархатистым на ощупь утолщением на конце. По телу ее побежали мурашки.

— Поверь мне, Ванесса, этот инструмент доставит тебе удовольствие, а не боль. Пощупай чуточку пониже.

Она осторожно пощупала увесистый кожаный мешочек, висящий в основании его грозного орудия и погладила внутреннюю сторону бедер. Барон раздвинул ноги, словно бы приглашая ее продолжить увлекательную экскурсию. Ванесса почувствовала приятное волнение, постепенно входя во вкус нового для себя занятия. Сжимая в кулаке его впечатляющий символ мужественности и силы, она чувствовала свою власть над ним и от этого возбуждалась еще сильнее. Неожиданная свобода действий в обращении с самим Князем Порока вскружила ей голову. Она принялась самозабвенно двигать рукой вниз и вверх, упиваясь редкостным зрелищем обнаженного мужского тела и впитывая исходящую от него энергию.

— О, как мне хорошо, мой ангел! — восклицал барон. — Продолжай ласкать меня, не бойся!

Ванесса непроизвольно ускорила темп манипуляций, и Дамиен застонал от удовольствия. Ванесса разжала руку и с испугом спросила:

— Я причинила вам боль, милорд? Дамиен рассмеялся.

— Эта боль мне приятна, глупышка! Твои ласки сводят меня с ума. Продолжай, прошу тебя!

Она обиженно закусила губу, не решаясь вновь дотронуться до столь чувствительного органа. Тогда барон пришел ей на помощь — он коснулся пальцем ее груди, отчетливо обозначившейся под тканью ночной сорочки, и сказал:

— Почему бы тебе не раздеться, мой ангел?

Ванесса оцепенела, смущенная этой просьбой, но потом одним решительным движением стянула с себя рубашку через голову и швырнула ее на пол. Дамиен судорожно вздохнул, увидев ее обнаженные груди и живот. Ванесса покраснела и, потянув на себя покрывало, прикрыла им свою наготу.

— Нет, мой ангел! — воскликнул Дамиен. — Позволь мне полюбоваться тобой.

Пронзенная его огненным взглядом, Ванесса почувствовала, как по всему ее телу распространяется пламя страсти, и дерзко вскинула голову, словно бы говоря тем самым, что принимает вызов барона. Ей вдруг стало приятно чувствовать себя бесстыдной и развратной куртизанкой.

— У тебя изумительные груди, мой ангел, — сказал Дамиен. — А соски похожи на розовые бутоны. Ты должна гордиться ими.

От такого комплимента соски набухли еще больше и отвердели, а груди увеличились и стали похожи на спелые дыни.

— Позволь мне обнять тебя, дорогая! — сказал Дамиен.

Она послушно легла, дрожа от возбуждения и ощущая жар его тела. Он стал поглаживать ее, словно бы желая успокоить и снять напряжение. Постепенно ему это удалось, Ванесса обмякла в его объятиях. Дамиен крепче прижал ее к себе, обняв мускулистыми руками и упершись пульсирующим причинным местом в ее пупок, и стал целовать ее лицо.

— Может быть, тебя утомили мои ласки? — спросил он чуть слышно, поглаживая ее ладонью по спине и ягодицам.

— Нет, продолжайте! — ответила она.

Он поцеловал ее в губы так нежно и сладко, что у нее закружилась голова. А когда его язык проник ей в рот, по спине у нее побежали мурашки. Барон начал покрывать поцелуями ее шею и ключицы, его дыхание участилось, тело стало горячее. Наконец он сжал рукой ее грудь и поцеловал сосок. Ванесса вздрогнула и замерла. Дамиен осторожно уложил ее на спину и, наклонившись над ней, начал попеременно целовать и теребить языком оба соска. Ванесса непроизвольно охнула и выпятила груди, охваченная вожделением, как тогда, в оранжерее. В сосках и внизу живота вспыхнуло адское пламя, распаленная ласками барона плоть требовала удовлетворения. Ванесса изогнулась и повела бедрами, окончательно утратив скромность. Барон стал сосать ее грудь, словно голодный младенец. И сладострастный стон сорвался с алых губ Ванессы. Дамиен погладил рукой ее бок и бедро. Тело Ванессы начало плавиться. Рука барона проскользнула между бедрами и сжала горячую влажную сердцевину промежности. Ванесса охнула от неожиданности и уперлась ладонями в плечи барона, пытаясь оттолкнуть его.

Он приподнялся и спросил, глядя ей в глаза:

— Разве я не говорил, что ты должна мне верить? Или ты не хочешь взлететь со мной туда, где рождаются звезды?

— Я не знаю... — робко прошептала Ванесса.

— Успокойся, мой ангел! Расслабься и получай удовольствие! — промолвил барон и, раздвинув ее ноги коленом, просунул пальцы в скрытый курчавыми волосами таинственный грот ее

женственности. Она зажмурилась, однако позволила ему изучить ее сокровенный тайник и лишь тихонько охала, когда он дотрагивался до ее драгоценной розовой жемчужины. Нащупав ее, Дамиен стал поглаживать окружающие трепетные лепестки, пробуждая в Ванессе своими умелыми действиями звериную, дикую страсть. Все ее страхи и сомнения испарились, уступив место неопишуемому удовольствию, и она раздвинула ноги, пропуская его пальцы в самую глубину своего лона. Нащупав наиболее чувствительное местечко ее трепещущей плоти, Дамиен начал ритмично тереть его своим длинным пальцем.

Ванессу затрясло, словно в лихорадке, голова ее заметалась по подушке, она громко и призывно застонала, совсем как порочная девица. По внутренней стороне ее бедер потекли струйки ароматного нектара. Дамиен удовлетворенно прошептал ей на ухо:

— Вот видишь, мой ангел, твой цветок источает мед!

Лицо Ванессы стало пунцовым, она сладострастно раскрыла чувственный рот. Вдохновленный этим зрелищем, Дамиен принялся двигать пальцами в ее волшебной пещере без особых церемоний. Ванесса замотала головой, постанывая и повизгивая от наслаждения. Лепестки ее распустившегося бутона стали толще, потоки нектара обильнее. Ванесса извивалась и изгибалась, пытаясь облегчить сладкую боль в промежности, чувствуя, что она вот-вот потеряет сознание.

— Я вижу, ты готова меня принять, мой ангел! — с восторгом вскричал барон и ловко вогнал свой огромный причиндал в ее росистое горячее лоно, подхватив руками ягодицы и волшебным образом согнув ее ноги в коленях.

Захваченная неопишуемыми ощущениями, Ванесса уставилась ошалевшим взглядом на барона, издавая раскрытым ртом нечленораздельные звуки. Дамиен слегка вытянул свой меч из ее горячих ножен и тотчас же вогнал его туда вновь, по самую рукоять. Ванесса ахнула, пронизанная страхом и вожделением одновременно, и непроизвольно закинула ноги барону на спину. Он принялся ритмично вгонять меч в ножны и снова вытягивать его из них, и постепенно Ванесса успокоилась и начала двигать бедрами в одном темпе с ним.

— Помни о звездах, мой ангел! — нашептывал ей барон. — Ты полетишь к ним вместе со мной?

Слезы чистой радости брызнули у нее из глаз при этих словах. Она замерла, наслаждаясь ощущением наполненности своего лона мужским естеством, и выдохнула:

— Да!

Он нежно поцеловал ее, продолжая работать торсом, и сказал:

— Тогда нам нужно стать единым целым, мой ангел! Слиться в сладостном экстазе, превратиться в один организм!

Барон еще глубже проник в податливые глубины Ванессы, она сладострастно задрожала, чувствуя, как бежит по телу огонь, высеченный его кремневым кресалом. Дамиен высекал все новые и новые снопы искр своим инструментом, вынуждая Ванессу изгибаться дугой и вилять бедрами. В глазах у нее потемнело от стремительно приближающегося шквала темных эмоций. Она изо всех сил прижала ногами к себе торс барона и, впившись ногтями в его спину, вскричала:

— Дамиен!

Он воспринял этот возглас как мольбу и начал сокрушать ее расплавленный бастион неутоленной страсти своим стенобитным орудием с удвоенной силой. Под этими мощными ударами панцирь ее холодности дал трещину. Ванесса взвизгнула, но Дамиен запечатал ее уста поцелуем и продолжил свой штурм. Широко раскрыв глаза, она упивалась видом его искаженного страстью лица, теряла рассудок от его властных и сильных ударов по самому центру ее существа. Он стал для нее осью вселенной, центром мироздания, властелином всех ее чувств.

Его ненасытный горячий рот жадно всасывал ее прерывистое дыхание, бедра ходили ходуном, мужская твердь распирала лоно, а хриплый голос приводил ее в неистовство, убеждая, что они вот-вот вознесутся в рай. Ванесса смутно осознавала, что рыдает от счастья. Дамиен все быстрее и быстрее двигался внутри нее, словно бы задавшись целью разрушить ее до основания, дыхание его стало тяжелым и горячим. Вдруг где-то в глубине ее помутившегося сознания что-то взорвалось — и сноп алмазных искр сверкнул у нее перед глазами. Она пронзительно вскрикнула, пронзенная блаженством, словно шпагой, и затряслась в конвульсии, чувствуя, что умирает в его объятиях.

Дамиен сжал руками ее напрягшиеся ягодички и, приподняв ее над кроватью, нанес последний удар своим мечом. Его лицо исказилось сладострастной гримасой, и в тот же миг он излил в нее весь пыл, скопившийся в чреслах.

Они еще долго лежали обнявшись, прежде чем Дамиен перекатился на бок и, сделав глубокий вдох, спросил у рыдающей Ванессы бархатным голосом:

— Почему ты плачешь, мой ангел? Я причинил тебе боль?

— Да, но мне это было приятно, — грудным голосом ответила она, глядя на него ласковым взглядом.

Слезы радости катились по ее щекам, на губах блуждала блаженная улыбка, а в глазах светилось счастье. Дамиен нежно обнял ее и стал целовать влажное лицо, приговаривая:

— Вот ты и познала настоящее блаженство, моя дорогая. В тебе наконец-то проснулась истинная страсть.

— Я видела вблизи звезды! — сказала Ванесса, дотрагиваясь пальцем до его чувственных губ. — Они прекрасны!

Барон улыбнулся, умиленный искренностью этой прекрасной юной дамы, долгие годы лишенной радости плотской любви, пребывавшей в удручающем неведении о необыкновенных возможностях, таящихся в соитии, обделенной наслаждением от дарованных небом удовольствий. Однако улыбка тотчас же погасла на его лице: ему внезапно пришло в голову, что он и сам все эти годы довольствовался малой толикой того, что дала каждому человеку природа. И лишь став свидетелем умопомрачительного, неистового оргазма Ванессы, он осознал, что ему самому предстоит еще многое узнать в таинстве любви, открыть для себя новые грани красочного пиршества плоти. Исступленный экстаз Ванессы заставил его по-новому взглянуть на процесс познания секретов Амура и Венеры и вдохновил его на новые подвиги.

Ванесса зябко поежилась, ощутив дуновение свежего ветерка из открытого окна спальни. Барон заботливо накрыл ее покрывалом и, сам забравшись под него, крепко обнял Ванессу. Она уткнулась мокрым от слез лицом в его плечо, и Дамиен почувствовал прилив свежих сил и нежности. Поглаживая ее шелковистые волосы, он поймал себя на странной мысли о том, что

уже не хочет довольствоваться пошлым удовлетворением похоти, а желает истинного чувства, подлинного трепетного обожания этой необыкновенной женщины.

Проклюнувшиеся в ней робкие ростки искренней страсти требовали заботы и ухода, как хрупкий и нежный тепличный цветок. И Дамиен вознамерился приложить все свои умения и знания, чтобы довести этот побег до буйного цветения. В знак подтверждения серьезности своих намерений барон нежно поцеловал Ванессу в ее соблазнительный ротик.

Ванесса, уже задремавшая было в его объятиях, сладко вздохнула и пошевелилась, полагая, что прикосновения Дамиена ей только снятся. Но ощущение проникновения его твердого мужского причиндала в ее нежное лоно становилось с каждым мгновением все явственнее, и наконец она проснулась...

Дамиен пылко и самозабвенно овладевал ею во второй раз, и она раскинула руки и ноги в знак своей окончательной капитуляции и уважения к победителю. Она не сожалела о своем поражении: слишком велико было чувство ее благоговейного удивления открытым им возможностям ее естества, слишком глубоким было ее удовлетворение от близости с ним. После бурного экстаза она впала в нирвану, успокоенная пониманием того, что она вовсе не бесстрастная, холодная вдова, неспособная на глубокое чувство. Она не могла не испытывать признательность к мужчине, который способствовал ее прозрению, продемонстрировав доселе неведомые ей ипостаси сладострастия.

Возможно, самой судьбой ей было предназначено пасть жертвой многоопытного сластолюбца. Ведь еще никто так изощренно, так целеустремленно и упорно не обхаживал ее, заманивая в свою опочивальню, как это сделал Дамиен. В горькую пору своего неудачного супружества Ванесса даже не мечтала, что когда-нибудь познает истинную нежность и страсть.

Но вот уж чего она совсем не ожидала, так это своей реакции на ласки барона. Она даже не предполагала, что так изголодалась по плотским утехам и способна вести себя как бесстыдная распутница. И самое ужасное, как ей казалось, заключалось в том, что она не ощущала упреков совести по поводу своего нравственного падения. Напротив, она ликовала.

Вот и сейчас, когда Дамиен снова довел ее до бурного экстаза, с иступленными криками и громкими вздохами, напоминавшего конвульсии, Ванесса, вернувшись в реальность, не почувствовала раскаяния, а села на кровати и, прикрыв покрывалом груди, пробормотала:

— Пожалуй, мне пора идти к себе.

— Почему? — спросил Дамиен, поглаживая ее по спине. — Ночь ведь только начинается!

Она с удивлением посмотрела на его улыбающееся лицо, посеребренное лунным светом. Обещанные им чудеса начали сбываться, и она с радостью продолжила бы ими наслаждаться. Ее не избалованное мужскими ласками молодое тело было полно сил и вожделения. Однако столь бурное начало их с Дамиеном качественно новых взаимоотношений немного пугало Ванессу. Она боялась, что барон ранит ее сердце, причинив ей боль страшнее той, которую она испытала из-за грубого обращения с ней супруга.

Словно бы догадавшись о причине ее сомнений, Дамиен встал с кровати и, подойдя к Ванессе, сказал, сжав ее лицо ладонями:

— Останься со мной!

Он погладил ее по щеке и стал ласкать груди. Блаженно зажмурившись, она закинула голову,

млея от его прикосновений. Пальцы барона коснулись сосков, и сердце ее заколотилось с необыкновенной силой. Она вновь поразилась его умению возбуждать ее одним своим легким прикосновением. Барон погладил ее по волосам и уложил рядом с собой на кровать. Ванесса не сопротивлялась и спокойно прижалась к нему. Однако в следующее мгновение она взвизгнула и отшатнулась, напуганная прикосновениями к ее пупку его мужского орудия, готового к новому штурму. Уставившись на это чудо природы ошалелыми глазами, она с дрожью в голосе спросила:

— Как? Опять?

Барон непонимающе вскинул брови.

— А что в этом удивительного? Что тебя так напугало, мой ангел?

— Я просто не ожидала, что он так скоро воспрянет! — выпалила она. — Роджер всегда ограничивался одним разом и немедленно засыпал, получив удовлетворение. Я молилась, чтобы он поскорее прекратил меня мучить.

Взгляд барона стал мягче, он привлек Ванессу к себе и прошептал ей на ухо:

— Ты скоро забудешь о его существовании, мой ангел! Ты даже не вспомнишь больше о нем! Мы с тобой сегодня начали новую жизнь.

Ванесса недоверчиво вздохнула и положила голову ему на грудь. Ее длинные волнистые волосы разметались по покрывалу. Дамиен провел по ним рукой и добавил:

— Джентльмен способен на невероятные свершения, если дама вдохновляет его на них, мой ангел.

— Я вас вдохновляю? — робко спросила Ванесса.

— Невероятно! Честно говоря, перед тобой не устоял бы ни один мужчина, если, конечно, он здоров и темпераментен. Я лично воспылал к тебе страстью, как только впервые увидел тебя в игорном доме, — признался барон.

— Я думала, вы меня ненавидите, — сказала Ванесса.

— Да, поначалу я испытывал к тебе неприязнь как к сестре обидчика Оливии, но от нее не осталось и следа, как только я поцеловал тебя. Теперь я могу любить тебя часами! — воскликнул барон.

— Часами? — с недоверием и удивлением переспросила Ванесса, сжав в руке его причиндал.

— Ты сомневаешься в моих способностях? — спросил барон, вскинув бровь. — А как же моя репутация Князя Порока? А слухи о моих амурных подвигах?

— Разве можно им доверять? — с улыбкой возразила Ванесса. — Ведь свидетелей, готовых поклясться, что они соответствуют действительности, нет!

— Вам требуются доказательства, миледи?

— А почему бы и нет? — с вызовом спросила Ванесса.

— Великолепно! — Дамиен умиленно рассмеялся. — Что ж, если так, мой ангел, тогда мы

подвергнем испытанию мою выносливость сейчас же! Я докажу, моя прекрасная сирена, что могу доставить тебе множество разнообразных удовольствий!

С этими словами барон привлек Ванессу к себе и нежно поцеловал в губы.

Глава 9

Эта ночь, полная восторга сладострастия, промчалась слишком быстро. На рассвете Дамиен проводил Ванессу в ее спальню. Как это ни невероятно, его прощальный поцелуй пробудил в ней новый прилив вождления, хотя она уже едва держалась на ногах.

Ванесса моментально уснула, едва лишь голова ее коснулась подушки, и проснулась позже, чем обычно. Некоторое время она лежала, припоминая события минувшей ночи и свои ощущения, испытанные в объятиях Дамиена. Ее тело хранило тепло его умелых рук, не скупившихся на разнообразные ласки, губы горели от его страстных поцелуев, в ушах чудесной музыкой звучали его нежные слова, сопровождавшие их бесчисленные полеты к звездам.

Он окунул ее в неведомый мир страстей, ошеломил своим напором, потряс своей энергией и вытеснил из ее памяти страх и болезненные воспоминания. А главное — Дамиен пробудил в ней жажду плотских удовольствий, заразив ее своим темпераментом и поразив редким умением доставлять даме наслаждение.

Возможно, Ванессе следовало устыдиться своей необузданности, но, как ни странно, ей не хотелось раскаиваться в своем безнравственном поведении. В конце концов она стойко несла свой крест на протяжении всего безрадостного брака и терпела муки совокупления с постылым мужем, не догадываясь, что женщина может получать и удовольствие от мужчины, быть любимой и желанной. Дамиен привил ей вкус к плотской любви, и одно лишь воспоминание о его уроках сладострастия доставляло Ванессе колоссальное удовольствие, которое она не собиралась омрачать раскаянием.

Она закрыла глаза, и перед ее мысленным взором возник ласкающий ее Дамиен. Запах его тела проник в поры ее кожи, и смывать его Ванессе не хотелось.

Однако помыться все же было необходимо, поскольку днем ей предстояло совершить несколько серьезных дел. Она встала и, дернув за шнур звонка, вызвала служанку, чтобы та приготовила для нее ванну.

Помывшись и одевшись, Ванесса спустилась в столовую завтракать. Но барон не присоединился к ней за столом ни утром, ни в полдень за обедом. Служанка сказала, что он занят с рабочими в оранжерее, где завершается сооружение купальни для Оливии. Ванесса поспешила в покои больной, чтобы приготовить ее для первой водной процедуры. Дамиен пришел туда несколько позже, когда Оливия уже надела купальный костюм.

Ванесса подумала, что это даже к лучшему, что они с Дамиеном не встретились сегодня наедине, потому что ей было стыдно смотреть ему в глаза. При его появлении сердце ее затрепетало в груди, и ее охватила паника. Барон ободряюще улыбнулся ей, видимо, догадавшись о «причине ее смущения, и Ванесса сразу же успокоилась, согретая его улыбкой, словно солнечным светом. Однако в остальном Дамиен держался так, словно бы между ними ничего не произошло, очевидно, не желая афишировать их новые взаимоотношения, особенно перед своей младшей сестрой.

Он лично проводил Оливию в купальню, следом туда прошли две служанки и Ванесса. Вид чудесного бассейна, окруженного благоухающими розами, привел девушку в восторг и

умиление.

— Я так благодарна тебе, Дамиен, за твои труды и старания! — воскликнула она от чистого сердца, когда он подвез ее на кресле-каталке к бортику бассейна.

— Забота о тебе мне не в тягость, дорогая сестра, — ответил барон. — Позволь мне отнести тебя на руках в воду.

— Божественно! Великолепно! — то и дело восклицала Оливия во время купания. — Я в полном восхищении.

Дамиен сказал, что он рад тому, что угодил ей, и, оставив сестру заботам Ванессы и служанок, удалился.

Поговорить с ним с глазу на глаз Ванессе удалось лишь вечером, уже после того как Оливия легла спать. Пожелав сестре сладких снов, Дамиен вернулся в гостиную, где его ожидала Ванесса, и промолвил с кротким видом:

— Не сердись на меня, мой ангел, за то, что вчера я не давал тебе уснуть до рассвета.

— По-моему, я на это не жаловалась, — с улыбкой ответила Ванесса.

Барон приблизился к ней и, поцеловав совсем по-братски в лоб, сказал:

— Но сегодня ты сможешь выспаться. Я не стану тебя беспокоить.

Ванесса удивленно вскинула брови и спросила:

— Разве вы не придете ко мне этой ночью?

— Ты меня приглашаешь? Что ж, я рад! — воскликнул Дамиен. — Если так, тогда позволь мне кое-что показать и объяснить тебе, мой ангел. Речь пойдет о несколько деликатном предмете, а именно — о мерах предосторожности, которые нам следует, как мне кажется, принять. Вот, взгляни-ка на это!

Барон достал из кармана сюртука красный мешочек и, раскрыв его, спросил:

— Тебе знакомы эти приспособления?

— Кажется, это губки, — робко ответила Ванесса.

— Да, именно так, мой ангел! Их следует смачивать в уксусе или коньяке и помещать перед встречей с мужчиной наедине в свою сокровищницу удовольствий. Эти забавные штучки предотвращают укоренение мужского семени в лоне, проще говоря, моя дорогая, они избавляют женщину от нежелательного зачатия.

Как успела заметить Ванесса во время его объяснения, в шелковом мешочке лежало не менее дюжины крохотных губок, с привязанными к ним нитями, чтобы удобнее было вытягивать их после употребления.

— Мне следовало воспользоваться ими вчера, — добавил Дамиен. — Но я буду рад сделать это сегодня, мой ангел.

Ванесса покраснела. Барон был, разумеется, прав: ей не нужен был скандал из-за внебрачного

младенца, он нанес бы непоправимый урон ее репутации. Впрочем, она подозревала, что не способна забеременеть, поскольку ни разу не понесла от Роджера. И все же меры предосторожности, предложенные Дамиеном, были совсем не лишними.

В эту ночь Ванесса ждала Дамиена, усевшись в кресло у камина. Он пришел к ней в полночь, одетый в синий парчовый халат, полы которого распахнулись, едва Дамиен выбрался из тайного лаза. Взору Ванессы предстала его великолепная фигура, с фаллосом, вполне готовым к любовному рандеву. Барон уверенно пересек комнату, ступая пружинисто и неслышно, и у Ванессы перехватило дух от его огненного взгляда.

— Я с трудом дождался этого момента! — хриплым от возбуждения голосом промолвил он и погладил ее по щеке.

— Я тоже, — ответила Ванесса, дрожа от его прикосновения и решительного облика. При всей своей порочности, барон был прекрасен. Он молча стянул с нее ночную рубашку и, отбросив ее на пол, властно сжал рукой ее вздымающуюся грудь. Ванесса зажмурилась, млея от охвативших ее ощущений. Барон обнял ее за талию, она обхватила руками его шею, и они поцеловались, знаменуя этим их второе любовное свидание под покровом ночи.

С тех пор барон стал навещать Ванессу по ночам регулярно, всякий раз открывая новую грань ее темперамента и искореняя предрассудки. Ей казалось, что все происходящее с ней в имении Палисандровая Роща — это дивный сон. Свои отношения они тщательно скрывали от окружающих, ограждая свой приватный сказочный мирок от вторжения грубой обыденности. Мыслями о грядущем Ванесса себя не обременяла, как не терзалась она и подозрениями, что Дамиен делит с ней ложе из желания отомстить ей. С каждым днем, проведенным в его доме, Ванесса все реже вспоминала, почему и для чего она там очутилась.

Изменялись к лучшему и взаимоотношения Дамиена и Оливии. Случалось, девушку опять охватывало подавленное настроение, но ее искреннее стремление избавиться от страха и отчаяния уже не вызывало у Ванессы сомнения. Оливия систематически принимала ванны, совершала прогулки по саду и даже просила отвезти ее к дальним пределам усадьбы.

Но погода испортилась, зачастили дожди, подул холодный ветер, и Дамиен, беспокоясь о здоровье сестры, возражал против долгих экскурсий. Тем не менее в редкие погожие деньки, когда солнечные лучи прорывали завесу туч и прогревали мокрую землю, он все же вывозил ее в живописные уголки парка, укутав предварительно в теплый плед.

Очевидно, Оливия медленно, но неуклонно шла на поправку, иначе трудно было бы объяснить, почему однажды ей пришла в голову идея устроить пикник, о чем она и поведала Дамиену, играя с ним в шахматы в малой гостиной в один из ненастных дней. Правда, свое желание она выразила довольно оригинально, так, словно бы пеклась не о себе, а о своей компаньонке.

— Ванесса как-то обмолвилась, что она обожает пикники, — сказала она, делая очередной ход. — Почему бы тебе не порадовать ее, братец?

— Прекрасная мысль! — воскликнул барон, косясь на сидевшую в углу у окна Ванессу. — Я всегда готов доставить ей удовольствие.

Ванесса покраснела при этих словах, истолковав их как прозрачный намек на известные только им двоим обстоятельства. В последний раз барон доказал на деле свою готовность ублажить ее не далее, как минувшей ночью. Она притворилась, что не слышит разговора брата и сестры Синклер, и, громко вздохнув, взяла в руки книгу. Но прочитанное не задерживалось в

ее голове, занятой мыслями о Князе Порока. Ванесса то и дело посматривала в его сторону, завидуя Оливии, с которой он безмятежно беседовал. Сегодня он был особенно внимателен к ней и светился благодушием. И Ванесса невольно сравнивала его нынешнего с тем, каким он был ночью в ее будуаре. Составить определенное мнение о нем ей так и не удалось, как она ни старалась. Подобно многогранному сверкающему бриллианту, барон обладал множеством лиц и в любом своем облике ослеплял и завораживал.

Той ночью Дамиен вновь пришел в будуар Ванессы и, усевшись напротив нее в кресле, с просветленным лицом воскликнул:

— Представь себе, мой ангел, я сделал прелюбопытнейшее открытие! Я обнаружил, что не хочу уезжать отсюда. А ведь раньше мне становилось чертовски скучно уже к вечеру дня своего приезда в имение!

— Скуку рождает безделье, — с улыбкой отвечала его собеседница. — Найдите себе занятие по душе, и тогда вам не захочется покидать этот райский уголок. Что вы больше всего любите делать, милорд?

— Деньги, — признался барон. — Но для этого больше подходит Лондон, а не провинция. А чем хотелось бы заняться тебе, моя прелесть?

— Воспитанием детей, — не задумываясь, ответила Ванесса. — И созданием семейного уюта. Но этому не суждено сбыться, я не собираюсь во второй раз выходить замуж.

— Отчего же?

— Мне нужно заботиться о своих сестрах. Но брак по расчету я исключаю, однажды я уже побывала в этом рабстве, с меня довольно. Если я когда-нибудь все же и выйду снова замуж, то исключительно по любви.

— Вот как? — Барон удивленно вскинул брови и усмехнулся.

— Вы не верите в любовь? — спросила Ванесса, задетая его усмешкой.

— Напротив, — помрачнев, резко ответил Дамиен. — Я верю в любовь, особенно в ее губительную силу. Любовь очень быстро становится пагубным наваждением, и тогда людей, позволивших себе поддаться этому коварному чувству, непременно ожидает расплата. Так случилось с моим отцом, а потом и с Оливией. Стоило ей лишь вообразить, что она влюбилась, как с ней немедленно стряслась беда.

После такого циничного заявления в комнате надолго воцарилась тишина.

Барон удрученно уставился на свой бокал с коньяком, размышляя о том, что до сих пор так и не познал настоящей любви. И все потому, что он избегал ее, напуганный горьким примером отца. В настоящий момент его всерьез тревожила опасность, которой он подверг себя, проникнувшись нежными чувствами к сидевшей напротив него женщине.

Он и раньше увлекался прекрасными дамами, но в его отношениях с ними не было места искренности и привязанности.

Подлинное душевное тепло он ощутил, только завязав роман с Ванессой, и, ошарашенный этим непривычным ощущением, все больше нуждался в нем. Дамиен стал замечать, что ищет повод побыть с ней рядом, поболтать о том о сем или же молча полюбоваться ею. Если события будут

развиваться так и дальше, то не миновать ему печальной участи своего папаша!

Дамиен пообещал сестре, что вывезет их с Ванессой на пикник, как только погода наладится.

Каждое утро Оливия, проснувшись, первым делом выглядывала в окно и молила Всевышнего разогнать тучи. И вот свершилось: в один из понедельников дожди прекратились и на небосклоне засверкало солнце. Барон приказал кучеру закладывать экипаж, и в полдень, когда была собрана корзина со снедью и винами, все трое уселись в карету и отправились в путешествие, взяв с собой только одного лакея.

Когда экипаж остановился на вершине холма, Ванесса была поражена живописным ландшафтом, открывшимся ее взору. Таких обширных земельных угодий ей никогда еще не доводилось видеть. Зеленые пастбища и поля тянулись, перемежаясь с озерцами и рошицами, до горизонта. Дамиен помог ей выйти из кареты, после чего вынес из нее на руках сестру, проявив недюжинную силу.

Свой элегантный модный наряд завсегдатая светских салонов, театров и игорных домов барон сменил на заурядные кожаные бриджи, сапоги и жилет. Но и став похожим на обыкновенного сельского жителя, он держался вальяжно и грациозно, как истинный аристократ.

Удобно устроившись на подушках в тени развесистого каштана, путешественники стали угощаться холодной курятиной, сырами, фруктами и вином. Лакей и кучер при этом держались от господ на почтительном расстоянии.

Разомлев от съеденного и выпитого, Оливия прилегла на подушках и мечтательно уставилась на проплывающие в голубой выси пушистые облачка.

— Как все это замечательно, — со вздохом промолвила она. — Вот бы каждый день был таким же чудесным!

Ванесса и Дамиен многозначительно переглянулись. Похоже было, что их усилия наконец-то стали давать результаты: Оливия начала радоваться жизни, позабыв тоску и печаль.

— Право же, не знаю, что и сказать, — непринужденно отозвалась Ванесса. — Если бы все дни были похожи один на другой, мы вряд ли бы почувствовали сегодня разницу. Кстати, я приготовила тебе сюрприз! Дамиен, передайте, пожалуйста, сестре вон ту красочную жестяную коробочку. В ней находится вкуснейшая меренга, испеченная, по моей просьбе, специально для нашего пикника вашим поваром. Отведай это чудо кулинарного искусства, Оливия! По-моему, это очень вкусно!

Открыв коробку, девушка достала печенье в форме лебедя и, откусив кусочек, спросила.

— Как ты узнала, что я обожаю меренгу?

— Ты сама однажды обмолвилась об этом, — ответила Ванесса.

— Не однажды, а раз десять, — язвительно поправил ее Дамиен.

Оливия откусила еще кусочек безе и зажмурилась, млея от удовольствия.

— Сколько я ни упрашивала повара приготовить это для меня, всегда получала отказ, — посетовала она. — С самого детства мне внушали, что сладкое развращает.

— Но иногда можно позволить себе маленькое запретное удовольствие, — улыбаясь, заметила Ванесса.

— Это очень мудро, — согласилась с ней Оливия.

— Мне приятно это слышать. От своих сестричек я редко слышу комплименты, чаще они величают меня домашним деспотом.

Оливия звонко расхохоталась.

— На деспота ты совершенно не похожа!

— Они думают иначе, особенно когда я отказываю им в покупке приглянувшегося им нового платья, — сказала Ванесса. — Вас обязательно нужно познакомить! Уверена, что Фанни и Шарлотта тебе понравятся.

Сделав это невинное дополнение, она покосилась на Дамиена и, к своему ужасу, увидела, что его лицо окаменело, а глаза стали холодными.

Несомненно, подумалось Ванессе, ее слова напомнили ему о конфликте, случившемся по вине ее брата. Естественно, после всего пережитого Оливией барон предпочитал оградить сестру от общения с родственниками виновника ее бед. Самой же Ванессе отводилась роль содержанки и компаньонки, и ей следовало об этом помнить.

Значит, напрасно она пыталась поверить, что Дамиен относится к ней иначе! Не нужно было поддаваться ощущению, что он испытывает к ней искренние теплые чувства, а не банальное половое влечение! Не следовало тешиться надеждой, что их тайная связь вот-вот перерастет в нечто качественно новое, отличное от обычных взаимоотношений богатого покровителя и его очередной пассии. Нет, определенно в ее нынешнем положении ей нельзя увлекаться фантазиями!

— Может быть, почитаем что-нибудь из произведений твоих любимых поэтов, Оливия? — спросила она, меняя направление беседы. — Я захватила с собой книгу стихотворений Уильяма Вордсворта и Сэмюэла Колриджа. Позволь мне прочесть вслух какую-нибудь лирическую балладу!

Она раскрыла томик в кожаном перелете и стала негромко, но с чувством читать. Дамиен рассеянно слушал ее, попивая вино и пытаясь отогнать неприятные мысли, возникшие у него в результате досадной оплошности Ванессы. Ему живо вспомнились обстоятельства их знакомства и последовавшая за ним сделка, в результате которой Ванесса и приехала в его усадьбу. От этих воспоминаний ему стало грустно.

Впрочем, тотчас же подумалось ему, в этом есть и положительный аспект: уже давно назрела потребность разобраться в своих чувствах к этой молодой вдове. С каждым днем его влечение к ней становилось все более явственным и мучительным. Порой чувства даже брали верх над рассудком, что было чревато опасными последствиями.

Сожалеть о том, что он привез Ванессу в свое имение у него не было причин. Она оказывала благотворное влияние на Оливию, пробуждала в ней интерес к жизни, поднимала ей настроение, окружала ее вниманием и заботой. И за это он был ей чрезвычайно признателен.

Но не только Оливия подчинилась ее влиянию, постепенно и слуги стали с готовностью исполнять все ее просьбы и указания, относиться к ней не как к гостье, а как к хозяйке

усадыбы. Ей удалось очаровать и садовников: все они с радостью показывали ей новые лучшие сорта растений и ежедневно приносили в ее комнату букеты свежих цветов.

Да что там и говорить, подумал барон, он и сам попал под чары этой удивительной женщины! Она совершенно заинтриговала его и овладела всеми чувствами и помыслами, чего он никак не ожидал, приглашая ее в свое имение. Он еще не встречал другой такой женщины, способной так же страстно любить, оставаясь при этом наивной, быть одновременно и сильной, и мудрой, и нежной, и ранимой. При этом Ванесса не осознавала, какой властью над мужчинами она обладает, что больше всего умиляло и радовало Дамиена.

Благодаря ей он избавился от скуки и перестал ощущать беспокойство, свойственное ему ранее. Безусловно, ему пришлось приложить немало усилий, чтобы преодолеть ее замкнутость, холодность и настороженность. Зато теперь Ванесса сторицей воздавала ему по ночам за все его усилия, отвечая с поразительной страстностью на его любовные ласки.

«Часы тревог и ожиданий сладких, что будоражат кровь и сердце тяготят», — мелодично декламировала она, словно бы аккомпанируя голосом его мыслям.

Дамиен нахмурился и вперил в нее подозрительный взгляд. Однако как уместна сейчас эта цитата! Как созвучна она его мыслям и чувствам! Случайно ли Ванесса произнесла именно эти слова? Может быть, ею движет само провидение? Воистину он обрел гораздо больше того, на что рассчитывал, заключая с ней договор о компенсации ему вреда, нанесенного ее братом Оливии. Он предполагал, что Ванесса удовлетворит его физиологические потребности, но не думал, что она разожжет в нем огонь страсти и, как ни странно, пробудит в нем нежность...

Барон помрачнел, поймав себе на том, что еще ни одной куртизанке не удавалось пленить его так, как удалось это ей. Она не только воспламеняла его в постели, но и состязалась на равных в светских беседах за пределами будуара, бросая вызов его мужскому самолюбию и уму. И что самое поразительное, ему все это не надоедало!

Значит, дело принимало серьезный оборот! Пора было поостеречься, пока не поздно! Иначе он сгорит в горниле сладострастия, падет жертвой своих страстей, как его отец.

Дамиен считал безумием увлечение женщиной, он полагал неприличным позволять эмоциям управлять рассудком. А потому поклялся никогда не поддаваться этому смертельно опасному соблазну. И при всем при том был не в силах сопротивляться влиянию на него Ванессы!

Значит, он чересчур далеко зашел в своем увлечении этой женщиной! Эта страсть стала непомерным бременем для его благоразумия, а ее бурные проявления во время близости с ней уже перестали быть подвластны его уму.

Взгляд барона скользнул по изящной фигуре читающей стихи Ванессы. Грациозный изгиб ее шеи провоцировал его то, чтобы сейчас же обнять ее и вкусить сладость ее тела... проклятие! Он опять утратил самообладание!

Может быть, ему лучше отправить ее в Лондон? Нет, это исключено! Оливия успела к ней привязаться и стала бы скучать без нее. Значит, ему придется уехать отсюда самому, тем более тому есть весома причина: в конце недели должно состояться собрание членов Лиги адских грешников, а точнее, вечеринка для узкого круга джентльменов, которая неминуемо закончится разнузданной оргией. Правда, он уже отправил устройителю этого собрания письмо, в котором извинялся за свое вынужденное отсутствие. Однако участие в этом мероприятии могло бы способствовать избавлению его от навязчивых мыслей о прелестях Ванессы.

Кроме того, за время своего отсутствия он мог бы взглянуть на поместье, которое ему рекомендовал купить приятель. А затем совершить поездку на север Англии и проверить, как обстоят дела на фабрике, которую минувшей зимой он выиграл в карты. Что может быть лучшим предлогом для отлучки, чем интересы дела?

Однако делиться сейчас своими соображениями с дамами и портить тем самым им настроение барон не собирался. Он благоразумно решил повременить с этим до вечера. А пока он сделал изрядный глоток вина и заставил себя улыбнуться Ванессе.

Как ни противилась Оливия скорейшему возвращению в усадьбу, Дамиен настоял на нем, пообещав сестре устроить еще несколько пикников в ближайшем будущем.

Уже дома, когда брат внес ее на руках в спальню, она спохватилась, что оставила в оранжерее шаль во время своего последнего купания. Ванесса вызвалась принести забытую вещицу и поспешила в бассейн. Шаль действительно лежала на лавке, Ванесса взяла ее и собралась было уже уйти, когда кто-то окликнул ее по имени. Она вздрогнула и, оглянувшись, увидела за кустами роз бородатого мужчину в нахлобученной на лоб шляпе и поношенном сюртуке.

Ей уже доводилось встречать в розарии и на аллеях парка незнакомцев, это были ученые или художники, приезжавшие сюда на все лето. Но никто из них не пытался заговорить с ней, и все имели приличный внешний вид. Этот же подозрительный незнакомец смахивал на грабителя или бродягу, и Ванесса от испуга застыла на месте.

Мужчина осклабился, явно довольный тем, что напугал ее своим видом, и снял шляпу. Ванесса тотчас же узнала Обри и воскликнула:

— Какого дьявола ты здесь делаешь?

— Не слишком же ты гостеприимна, сестрица! Разве так встречают любимого брата?

Он подошел к Ванессе и, неуклюже обняв ее, промолвил:

— Не сердись, я не хотел тебя испугать.

— Зачем ты отпустил бороду? — спросила она. — Я тебя не узнала, пока ты не снял шляпу. Что за маскарад?

— В этом-то и заключается моя идея, сестрица! Узнай меня барон Синклер, он бы пристрелил меня, не задумываясь.

— Уж не сошел ли ты с ума, Обри! Он может в любой момент прийти сюда, и тогда... — испуганно воскликнула Ванесса. — Встань за ширму на всякий случай! А теперь отвечай, почему ты пожаловал сюда в таком виде?

— Я соскучился и решил тебя проведать, — ответил Обри. — Ну, как ты здесь? Барон тебя не обижает?

— Я всем довольна, меня приняли здесь очень хорошо, — ответила Ванесса. — Но тебе не следовало так рисковать!

— А как себя чувствует Оливия? — спросил брат. — Мне важно это знать. Я видел, как весело она смеялась, когда барон на руках нес ее в дом. Мне показалось, что она уже не страдает так сильно, как прежде. Это верно?

— Да, но лишь отчасти: она все еще не может самостоятельно ходить, — помрачнев, ответила Ванесса. — Она остается калекой, и состояние ее здоровья по-прежнему внушает опасение, хотя она немного воспрянула духом.

— Нельзя ли мне с ней повидаться и поговорить?

— Это невозможно, Обри! Она расстроится, если тебя увидит.

— Неужели она меня так ненавидит?

— А как ты думаешь?

— Я хочу сказать ей, что раскаиваюсь в содеянном и сожалею о случившемся, — промолвил Обри, отводя взгляд.

— Что ж, это, возможно, и поможет тебе спасти свою душу, но вряд ли сделает ее здоровой.

— Ты не могла бы передать ей записку? Я писал ей, но все письма вернулись обратно.

— Нет, Обри! — Ванесса покачала головой. — Я не могу этого сделать, это лишний раз напомнит ей о том, что именно ты сломал ей жизнь.

— Если бы ты только знала, как нестерпимо больно мне думать об этом! — с мольбой во взгляде воскликнул Обри.

— Тебе придется с этим смириться, братец! — тяжело вздохнув, ответила Ванесса. — Как и бедной Оливии.

— Но ты передашь ей мои сожаления? — со слезами на глазах спросил Обри.

— Нет, и даже не проси! — отрезала Ванесса. — Оливия доверяет мне, поскольку не знает о нашем родстве. Я согрешила, введя ее в заблуждение своим обманом. Но не рискну огорчить ее, открыв ей горькую правду. Она почувствует себя преданной.

— Но как бы мне все-таки извиниться перед ней и загладить свою вину? — спросил Обри.

— Не знаю. Тебе лучше поскорее убраться отсюда и впредь никогда не появляться, — озабоченно оглянувшись по сторонам, сказала Ванесса, начиная нервничать.

Обри стиснул зубы и упрямо вскинул подбородок.

— Но я не могу уйти ни с чем! Ведь как-то я должен ей помочь!

— Надеюсь, ты пришел сюда, повинувшись зову совести, а не заключив пари с кем-то из своих друзей, как в прошлый раз? — спросила, с подозрением вглядываясь в его глаза, Ванесса.

— Как ты можешь так плохо обо мне думать, сестра! — с обидой в голосе воскликнул Обри. — Поверь, Ванесса, я пробрался в усадьбу, чтобы помочь и ей, и тебе.

Ванесса вздохнула, видя, что он говорит вполне искренно, и промолвила:

— Возможно, что ты действуешь по велению сердца, братец. Но ты лишь испортишь все дело, если удержишься здесь.

Он порывисто сжал ее руку и, запинаясь, воскликнул:

— Я так благодарен тебе за твой поступок, дорогая сестра! Ты не должна была бы расплачиваться за мои прегрешения. Я обещаю, что твое самопожертвование не окажется напрасным. Я у тебя в вечном долгу. Благодаря тебе я по-новому взглянул на свой образ жизни и осознал, как низко я пал. Я обещаю измениться к лучшему, стать другим человеком.

— Что ж, я рада это слышать, брат, — сказала Ванесса. — Как дела дома? Как мама? Что подельывают сестры? — помолчав, спросила она.

— Скучают по тебе, особенно матушка. Ты не поверишь, но Фанни и Шарлотта стараются на всем экономить, отказывают себе даже в таких пустяках, как покупка новой шляпки.

— Передай им, что я одобряю такое поведение, — с улыбкой сказала Ванесса.

— Лучше напиши им это сама в своем следующем письме. Я пока не поеду домой, поживу некоторое время в соседней деревне, — сказал Обри. — Я снял там комнату на верхнем этаже у одной славной одинокой старушки.

— Послушай, Обри, я рассержусь! Ты не должен здесь оставаться. Ты и так принес достаточно бед несчастной Оливии!

— Успокойся, сестра! — Обри приложил указательный палец к ее губам. — Пойми, я не желаю Оливии зла, но уехать, не извинившись и не загладив свою вину, я не могу. Она не выходит у меня из головы. Поживу немного по соседству с ней и, возможно, придумаю, как мне лучше поступить.

Взволнованная неожиданной встречей и разговором с братом, Ванесса долго не могла успокоиться. Как ни хотелось ей верить в искренность добрых намерений Обри, мысль о том, что им движет эгоизм или корыстный расчет, не покидала ее на протяжении всего ужина.

Не в меньшей мере тревожило Ванессу и опасение, что Оливия узнает об их с Обри родстве и переживет новое нервное потрясение, возненавидев и своего обидчика, и его сестру. Тогда разъярится и Дамиен, и всем их добрым отношениям придет конец. Рассуждая подобным образом, Ванесса беспокойно ерзала на стуле и то и дело поглядывала на барона.

Он был мрачен и не смотрел в ее сторону, думая о чем-то своем. Столь неожиданная холодность озадачила Ванессу, и она еще сильнее разнервничалась, гадая, чем вызвана такая резкая смена его настроения. Может быть, ему стало известно о тайном проникновении ее брата в усадьбу? Или он все еще сердится на нее за то маленькое недоразумение на пикнике?

Словно прочитав ее мысли, Дамиен как бы между прочим обмолвился, что неотложные дела вынуждают его покинуть на некоторое время Палисандровую Рощу.

— Хочу проверить, как идет работа на моей новой фабрике, — добавил он. — Да и граф Клун давно приглашает меня к себе на ужин.

Ванесса изумленно покинула брови: так называемые званые ужины у графа Клуна снискали в Лондоне скандальную славу благодаря слухам отворящихся там вакханалиях.

— Я уеду в пятницу, — как ни в чем не бывало продолжал Дамиен. — Оставляю Оливию под вашим присмотром. Надеюсь, что без меня вы не будете скучать.

Ванесса выразительно уставилась на него, умоляя взглядом объяснить, что означает этот внезапный отъезд. Однако барон не проронил больше ни слова, чем поверг ее в состояние, граничащее с отчаянием.

Еще хуже ей стало ночью, когда она поняла, что сегодня он к ней не придет. Сердце ее то колотилось в груди, то замирало, то сжималось от боли. Ванесса металась по кровати, кусая губы и стараясь не вспоминать их с Дамиеном страстные любовные забавы. Тело ее пылало, настоятельно требуя его ласк, плоть трепетала, жаждая удовлетворения. Лишь на рассвете Ванессе удалось наконец забыться сном, но и он не принес ей облегчения.

Глава 10

Изнуряющая боль и ломота во всем теле не оставили Ванессу и утром, когда она проснулась, испытывая головокружение и подавленность. Лишь сполоснув лицо холодной водой, она обрела способность рассуждать спокойно и здраво.

Ей стало ясно, что последние несколько недель она заблуждалась, попав под обаяние циничного и многоопытного негодя и развратника. Добившись своей цели, он успокоился и утратил к ней интерес.

Было глупо расстраиваться из-за его внезапного отъезда, — так решила Ванесса, одеваясь и прихорашиваясь перед зеркалом, прежде чем спуститься в столовую на завтрак. Барон с самого начала был с ней предельно откровенен, он ясно обозначил условия их сделки. Ей отводилась роль его любовницы, и все их отношения основывались на его желании отомстить за ущерб, нанесенный ее братом его сестре. Следовательно, ей нужно было не огорчаться, а радоваться, что Дамиен к ней охладел.

Сделав такой вывод, Ванесса встретила известие о том, что он уже позавтракал без нее, вполне спокойно и даже с чувством облегчения. Ее нервы и без того были напряжены до предела, так что встречаться с ним и вновь испытывать смятение и обиду ей совершенно не хотелось.

Продолжительная верховая прогулка по аллеям парка в это прекрасное летнее утро принесла Ванессе некоторое успокоение. Но настроение у нее вновь испортилось, когда она узнала, вернувшись в усадьбу, что туда пожаловали две гости. Она вновь почувствовала, насколько сомнительным и непрочным является ее положение в имении барона Синклера.

Как ни странно, Оливия приняла гостей в утренней гостиной, не постеснявшись выехать к ним в своем инвалидном кресле. Появление там Ванессы ее обрадовало, она приветливо кивнула своей компаньонке и представила ей двух сидевших в креслах дам.

— Это мои соседи, леди Фоксмур и ее дочь мисс Эмилия Прайс, — с безмятежной улыбкой промолвила она и добавила: — Мы с Эмилией вместе учились в школе.

— Очень приятно, — сказала Ванесса. — Как поживаете?

Она уселась на обитый ситцем стул и вымучила любезную улыбку в ответ на откровенно враждебные взгляды двух пар холодных голубых глаз.

— Так вы и есть новая компаньонка Оливии! — скрипучим голосом промолвила леди Фоксмур. — Насколько я знаю, вас наняли совсем недавно, не так ли?

Ванесса стиснула зубы и пропустила эту колкость мимо ушей. Однако неумная гостя на этом не успокоилась, очевидно, вознамерившись сразу же подчеркнуть свое превосходство перед

наемной работницей, пусть и благородного происхождения.

— Мы здесь наслышаны о похождениях вашего покойного супруга, леди Уиндем, — язвительным тоном добавила она. — О его скандальных выходках до сих пор не могут забыть в Лондоне, а в провинции его фамилия обросла легендами.

— Не советую вам верить сплетням, — сухо ответила Ванесса. — Вы можете оказаться в нелепом положении.

Оливия, обеспокоенная их пикировкой, поспешила вмешаться и воскликнула:

— Дамы пожаловали к нам, чтобы пригласить нас на бал в своем имении, Ванесса!

— Я уверена, что леди Уиндем не заинтересуется нашей незамысловатой сельской вечеринкой. Ведь она привыкла к роскоши и блеску лондонских светских раутов! — сказала леди Фоксмур.

Ванессе не составило труда догадаться, что за этой ремаркой кроется нежелание соседей Дамиена принимать у себя его новую служанку. Но это ее совершенно не огорчило.

Зато на выпад леди Фоксмур немедленно отреагировала Оливия, решившая взять Ванессу под свою защиту.

— Уверяю вас, что леди Уиндем не избалована роскошью и придерживается либеральных взглядов, — сказала она.

— Это заметно, — с усмешкой ответила ее собеседница. — Иначе вряд ли бы она нанялась к вам в компаньонки. Однако не думаю, что ей захочется афишировать, как низко она пала.

— Я отношусь к ней скорее как к своей сестре, чем как к служанке! — горячо запротестовала Оливия. — И вообще, с каких это пор роль компаньонки считается унижительной для аристократки?

— Леди Фоксмур! — медовым голосом промолвила Ванесса. — Вы заблуждаетесь на мой счет. Я с удовольствием побываю на ваших простеньких деревенских посиделках, хотя бы из любопытства.

Леди Фоксмур поджала губы, едва не заскрежетав зубами от злости. Предпочитавшая сохранять нейтралитет мисс Прайс потупилась, изображая невинную скромницу. Оливия же раскраснелась и с трудом сдерживала свое возмущение бесцеремонным поведением соседки.

Незванные гости еще немного посидели для приличия и откланялись. Как только дворецкий выпроводил их за дверь, Оливия взорвалась.

— Какая наглость! — вскричала она. — Как эта старая перечница посмела попытаться отказать тебе в приглашении на бал?! Ты здесь на правах моей гостьи! Им следовало отнестись к тебе с надлежащим почтением.

— Пустяки! — успокоила ее Ванесса. — У меня нет ни малейшего желания присутствовать на этом балу. Я сказала гак, лишь чтобы ее позлить.

— Нет, я не поеду! Я пока не готова к этому. С меня довольно и невинной светской болтовни.

На этом их разговор закончился, и Ванесса решила, что Оливия успокоилась. Но поведение леди Фоксмур так возмутило ее, что вечером она пожаловалась на соседку брату. Ванесса

притворилась равнодушной к их с Дамиеном беседе и сидела за столом с невозмутимым лицом. Однако постепенно она стала вникать в смысл слов Оливии, поскольку они касались ее самым непосредственным образом.

— Еще раз повторяю, Дамиен: меня возмутило, что леди Фоксмур вела себя подчеркнуто грубо и не скрывала, что хочет унижить нашу гостью. Она фактически потребовала, чтобы Ванесса не появлялась на балу, дескать, компаньонкам там не место.

Дамиен стиснул зубы, но промолчал.

— Несомненно, ей хотелось, чтобы на бал меня сопровождал ты, — продолжала Оливия. — Она дважды обмолвилась, что будет рада тебя там видеть. Было бы здорово, если бы в отместку за такое непочтение к Ванессе ты появился на балу не со мной, а с ней. Вот уж когда эта старая интриганка взбеленится! Появившись на балу с нашей гостьей, ты не только утрешь нос леди Фоксмур, но и продемонстрируешь, что не считаешь Ванессу служанкой.

— А когда состоится бал? — спросил Дамиен.

— Через неделю, ты к тому времени вернешься, — ответила Оливия.

— Да, пожалуй, — согласился Дамиен и, посмотрев на Ванессу, добавил: — Сочту за честь сопроводить вас туда, миледи.

— Вот и чудесно! — обрадовалась Оливия. — В твоём присутствии старая перечница не посмеет ее оскорбить!

— Я и сама сумею постоять за себя, — заметила Ванесса.

— Мы должны защитить честь Синклеров! — с холодной улыбкой возразил барон.

— Да, естественно, — поддержала его сестра. — Но Ванессе потребуется для бала новый наряд. И не пытайся возражать, Ванесса! Я лично выберу ткань для платья, у меня отличный вкус. Ты ведь давно подбивала меня посетить местные лавки, не так ли? Вот и съездим вместе в деревню.

Этот довод Ванесса не стала оспаривать. Ради того, чтобы Оливия наконец выбралась из усадьбы, она готова была принять дорогой подарок, пусть и скрепя сердце.

Последовавшие за этим дни тянулись для Ванессы мучительно медленно. Дамиен продолжал уклоняться от общения с ней, она же пыталась примириться с этим удручающим обстоятельством и сохранить хладнокровие. Снова и снова она внушала себе, что ей нужно помнить свое место, что она всего лишь содержанка Дамиена, но не более.

Она была для него только средством удовлетворения его физических потребностей, и с ее стороны было глупо принимать его чувственность за выражение особого расположения к ней. Точно так же пылко он вел себя и в любом другом будуаре. Дамиен Синклер был и остался коварным обольстителем, беспринципным гедонистом, способным соблазнить любую женщину и, удовлетворив свой каприз, безжалостно отвергнуть ее. Несомненно, она не первая и не последняя жертва его ненасытной похоти.

То, что она приняла, по своей наивности, за попытку наладить с ней доверительные отношения, на самом деле только уловка, хитроумный способ притупить ее бдительность, игра в кошки-мышки. И как бы ни приятны ей были полуночные беседы с ним, как бы ни хотелось

ей расценивать их как проявление искренней дружбы, ей нельзя было строить воздушные замки, ожидая, что их дружба со временем перерастет в глубокое чувство. А главное — ей не следовало раскрывать перед Дамиеном свою ранимую душу.

В четверг, накануне предполагаемого отъезда барона из усадьбы, Ванесса и Оливия отправились в деревню покупать платье. Прибыв на место, они оставили лакея ожидать их в экипаже и вдвоем вошли в ателье.

Ванесса вынуждена была признать, что Оливия знает толк в одежде. Спустя час они остановили свой выбор на шикарном бальном платье из бронзированного люстрина, с пышной юбкой, отделанной золотым шитьем. В модном лондонском салоне такой наряд обошелся бы Ванессе раз в десять дороже.

Они уже покидали ателье, когда Оливия испуганно ахнула и, вцепившись в ручки инвалидного кресла, воскликнула:

— Взгляни-ка на того мужчину!

Ванесса обернулась и увидела приближающегося к ним верхом на гнедой кляче Обри. Несомненно, Оливия тоже его узнала, судя по тому, что она побледнела и задрожала. Ванесса оцепенела, разум ее на несколько секунд помрачился, и она не сразу сообразила, как лучше поступить в этой ситуации. А когда она наконец оправилась от потрясения, было поздно что-либо предпринимать: Обри подъехал к ним совсем близко и, остановив лошадь, уставился на Оливию.

Ванесса готова была разорвать брата на кусочки. Как он посмел разыграть эту нелепую мелодраму! Даже если эта встреча и произошла случайно, все равно он виноват — нечего разъезжать верхом по соседней с имением Синклеров деревне! Женщины испуганно переглянулись. Обри стал спешиваться, Оливия чуть слышно промолвила:

— Ванесса, увези меня отсюда домой!

— Да, разумеется, — пролепетала ее компаньонка. Обри подошел к ним и, сорвав с головы касторовую шляпу, пылко воскликнул:

— Мисс Синклер! Оливия! Позвольте мне...

— Да как вы смели приблизиться ко мне?! — стиснув зубы, возмущенно спросила девушка. — Вам же известно, что я не желаю с вами разговаривать!

Обри упал перед ней на колени и с мольбой во взгляде сказал:

— Вы правы. Я понимаю, что противен вам, и не виню вас за это! Я не заслуживаю прощения, но все же хочу, чтобы вы знали, что я сожалею о своем поступке. Более того, я раскаиваюсь в нем! Мне очень стыдно! Лучше бы я оказался в этом инвалидном кресле!

— Не кажется ли вам, сударь, что вы запоздали с извинениями? Я. вам не верю! Вы уже подло обманули меня однажды, и я жестоко поплатилась за свою доверчивость.

— Я искал встречи с вами, посылал вам письма, но ваш брат запретил мне появляться у вас в имении и отсылал обратно все мои письма! — пролепетал Обри.

— Жаль, что я вовремя вас не раскусила! — воскликнула Оливия. — Представляю, как вы

ликовали, добившись столь легкой победы в споре со своими приятелями.

— Нет! — покачав головой, ответил Обри. — Эта победа меня не обрадовала. Дело в том, что в процессе нашего знакомства я почувствовал к вам нечто большее, чем азарт игрока. Видите ли, Оливия, дело в том, что я влюбился в вас!

Ванесса больше не могла молчать.

— Немедленно прекрати этот спектакль, Обри! — воскликнула она, делая шаг вперед и заслоняя собой дрожащую Оливию.

Побелев как мел, девушка чуть слышно спросила:

— Как вы смеете насмехаться надо мной? Вам мало того, что вы уже со мной сделали? Вам непременно нужно еще раз поиздеваться надо мной? Вы снова заключили с кем-то пари?

— Я говорю все это от чистого сердца, Оливия! Клянусь своей жизнью, я не в силах вас забыть! — со слезами на глазах возразил Обри. — Я понимаю, что лишил себя шансов связать с вами будущее, но я не могу допустить, чтобы вы думали, что вы мне безразличны. Умоляю, поверьте, я не хотел причинить вам боль!

Оливия с мольбой обратилась к Ванессе:

— Пожалуйста, скорее увези меня домой! Мне дурно... Обри встал с колен и сказал:

— Вы вольны поступать так, как находите нужным, мисс Синклер. Я не стану обременять вас более своим присутствием. И постараюсь сделать так, чтобы вы больше меня не увидели.

Он повернулся, вскочил на лошадь и добавил, обращаясь к сестре:

— Прощу тебя, Ванесса, позаботься о ней!

С этими словами он пришпорил коня и сорвался с места.

Женщины проводили его взглядами и уставились одна на другую, не в силах промолвить ни слова.

Первой пришла в себя Ванесса. Она поправила плед на коленях Оливии и покатила кресло к карете, лихорадочно соображая, что делать дальше.

Оливия оправилась от потрясения, лишь когда карета уже приближалась к усадьбе. Подняв голову, она спросила:

— Оказывается, вы с ним знакомы!

— Обри — мой родной брат, — призналась Ванесса.

— Почему же ты утаила это от меня? — спросила Оливия, болезненно поморщившись и побелев как мел.

— Я боялась, что ты не захочешь не только дружить, но и разговаривать со мной, если узнаешь правду.

— А мой брат? Он знал об этом?

— Да, — потупившись, ответила Ванесса. — Но мы с ним сочли нужным до поры не расстраивать тебя.

— Но что привело тебя сюда?

Это был очень трудный вопрос. Ванесса не могла раскрыть наивной девушке истинные причины своего приезда в усадьбу ее брата. Оливия была слишком молода, чтобы понять ее.

— Мне хотелось искупить вину Обри и помочь тебе, — ответила она, глядя в окно.

— Значит, с самого начала ты знала всю подоплеку этой истории и молчала об этом? Почему? — вскричала Оливия.

— Если ты не в силах мне это простить, лучше скажи сразу, я немедленно покину ваш дом, — ответила Ванесса, глядя ей в глаза.

— Я отвечу тебе позже. Мне нужно все спокойно обдумать, — сказала Оливия и погрузилась в молчание.

Сердце Ванессы тревожно заняло. Очутившись наконец в своих покоях, Оливия заперлась и никого к себе не впускала до самого ужина.

Не зная, собирать ли ей саквояж или нет, Ванесса беспокойно металась все это время по своей комнате. И когда лакей сообщил ей, что Оливия желает ее видеть, она пошла к ней словно на казнь, готовая к худшему.

Оливия задумчиво смотрела в окно, сидя в инвалидном кресле. Заслышав шаги компаньонки, она обернулась и промолвила:

— Кажется, я поняла, почему ты скрыла от меня свое родство с лордом Ратерфордом: ты поступила так из опасения, что я отвергну тебя, если узнаю о нем. Ты действительно желаешь мне добра и хочешь остаться моей подругой?

— Да, Оливия! Как ты могла в этом усомниться? — воскликнула Ванесса.

— Я тебе верю и не хочу, чтобы ты покидала наше имение. Однако меня гложет сомнение в правдивости заверений Обри...

— Ты сомневаешься, что он раскаялся в содеянном?

— Нет, не в этом.

— В чем же?

— Он сказал, что влюблен в меня. Ему можно верить? Оливия вцепилась тонкими пальцами в ручки инвалидного кресла и напряглась в ожидании ответа, закусив нижнюю губу. Лицо ее побледнело, глаза смотрели на собеседницу пылливо и встревоженно. Несомненно, слова Обри затронули ее сердце.

Ее вопрос поверг Ванессу в замешательство. Она сомневалась, что Обри, этот бесшабашный вертопрах и каналья, влюблен в Оливию. И хотя его признание в любви прозвучало искренно, она была склонна полагать, что брат сделал его, испытывая чувство вины перед безвинно пострадавшей девушкой и стремясь вымолить у нее прощение.

— Даже не знаю, что тебе на это сказать, — со вздохом промолвила она. — Обри, несомненно, сожалеет о своем жестоком поступке. Но я не уверена, что он действительно влюблен в тебя, мне не хотелось бы подозревать его во лжи из корыстных побуждений или трусости, но, с другой стороны, еще полгода тому назад я не предполагала, что он способен заключить такое отвратительное пари.

Оливия горько усмехнулась и сказала:

— Самое печальное во всей этой истории то, что мне хочется ему верить. Наверное, я законченная идиотка.

Но не успела Ванесса успокоить ее и заверить, что она вовсе не дура, как девушка упрямо вскинула подбородок и процедила сквозь зубы, моментально превратившись из расстроенной простодушной девицы, обманутой возлюбленным, в горделивую дочь барона:

— Он заблуждается, надеясь одурачить меня еще раз.

Во время ужина Оливия не проронила ни слова. Встревоженный ее задумчивостью, Дамиен спросил, вполне ли она здорова. Бросив на Ванессу быстрый взгляд из-под длинных ресниц, девушка ответила, что она немного утомлена поездкой в деревню.

— Если хочешь, я отложу свой отъезд, — сказал Дамиен.

— Обо мне не беспокойся, — сказала Оливия. — За мной присмотрит Ванесса.

Услышав это, Ванесса повеселела и мысленно поблагодарила ее за тактичность и доверие. Одному Богу известно, как повел бы себя Дамиен, узнай он об их встрече с Обри. Легкомысленному юноше следовало бы исчезнуть из деревни и никогда там больше не появляться.

Истерзанная за минувшие бессонные ночи противоречивыми желаниями и мыслями, Ванесса надеялась обрести облегчение после отъезда барона из имения. Вожделение, возникавшее у нее всякий раз, когда Дамиен приближался к ней, сводило ее с ума. Она не могла избавиться от него и постоянно хотела вновь испытать блаженство в объятиях Князя Порока. Умиротворение ей могла принести лишь разлука.

В этот вечер она легла спать пораньше. Но сон упорно не приходил к ней, и она беспокойно ворочалась с боку на бок. Когда возбуждение ее достигло апогея и она готова была вскочить и начать метаться по спальне, заламывая руки от отчаяния, послышался звук отодвигаемой панели — и в комнату проник Дамиен. Ванесса затаила дыхание, притворившись спящей. Барон сел на кровать и, погладив ее по голове, тихо сказал:

— Я пришел попрощаться с тобой, мой ангел!

От его бархатистого баритона у нее сладко заныло сердце, а по спине побежали мурашки. Мысленно похвалив себя за то, что она на всякий случай поместила одну из предохранительных губок в свое заветное интимное местечко, Ванесса неохотно обернулась и сонно произнесла:

— Признаться, не ожидала: вот уже несколько ночей как вы предпочитаете поживать в одиночестве.

— А ты скучала, мой ангел? — спросил барон.

— По-моему, вы льстите себе, милорд! С чего бы мне скучать?

— Ты обиделась? Ты ждала меня?

— Напротив, я была рада отдохнуть от вашей докучливой похоти.

Дамиен усмехнулся.

— Я вижу, что должен объяснить тебе причину этой паузы в наших интимных отношениях, — промолвил он. — Мне показалось, что они стали чересчур пылкими, и я счел полезным их остудить.

Ванесса недоуменно уставилась на него, не понимая, шутит он или говорит серьезно.

Барон коснулся пальцем ее губ и добавил:

— Мой ангел, дело в том, что я начал утрачивать власть над своими чувствами. Я поймал себя на том, что хочу тебя и днем, а не только ночью.

— Что ж, скоро у вас появится возможность удовлетворить свою неумную похоть с какой-нибудь более подходящей для этого красоткой. Полагаю, что вам будет достаточно побывать на собрании вашего клуба, чтобы ваше желание исполнилось.

Уловив в ее голосе обиженные нотки, Дамиен пристально взглянул ей в глаза, пытаясь понять, насколько искренни ее упреки.

Она была бы, вероятно, поражена, узнав, что он не только не хочет с ней расставаться, но и вынужден призвать на помощь всю свою волю, чтобы на какое-то время от нее отдалиться. Раскрывать ей свою тайну Дамиен не собирался, но не мог уехать, не простившись. Помолчав, он спросил:

— Ты хочешь, чтобы я уехал?

— А какой ответ вам угодно услышать? Вдруг я скажу, что хочу, что тогда?

— Тогда я попытаюсь переубедить тебя.

В его глазах вспыхнул холодный огонь, и Ванесса вздрогнула, почувствовав всю силу его власти над ней. Он словно бы приказывал ей своим пронзительным взглядом смириться и покорно исполнить обязанности любовницы. Сопротивляться Ванесса была не в состоянии, чувствуя себя беззащитной перед обаянием этого рокового мужчины. Ему достаточно было лишь прикоснуться к ней, как она начинала таять, словно мед.

Вот и теперь одно его легкое прикосновение к ее телу повергло Ванессу в трепет. Рука барона скользнула ниже, от шеи — к ключицам и ложбине между грудями. Соски тотчас же отвердели, дыхание Ванессы стало неровным. Князь Порока начал теревить ее грудь и поглаживать бедра. Внизу живота у нее возникла тяжесть, а в самом чувствительном месте лобка — подрагивание и томление.

— Так мне остаться или уехать? — глядя ей в глаза, спросил Дамиен.

— Остайся! — ответила она.

Радостный блеск в глазах выдал его подлинные чувства. Он скинул одежду и предстал перед

ней во всем своем мужском великолепии. От одного вида его напрягшегося фаллоса у нее помутилось в глазах.

Осевшим от вожделения голосом Дамиен произнес:

— Я хочу обладать тобой, хочу ощутить всю нежность твоего росистого лона.

Он наклонился и жарко поцеловал ее в пухлые губы. Ванесса не смогла подавить стон, ее сердце бешено заколотилось, а тело превратилось в расплавленный воск.

— Не отвергай меня, мой ангел, и не смущайся собственных чувств, — нашептывал ей на ухо Князь Порока, задирая подол ночной рубашки и прижимаясь своим бархатистым жезлом к ее бедру.

Их уста слились, рты наполнились нектаром, а горячие тела задрожали в предчувствии пира сладострастия. Магия прикосновений Дамиена к ее телу лишила Ванессу воли и разума. Она обхватила руками его шею и, раздвинув нога, согнула их в коленях.

— Только скажи, что ты меня не хочешь, — шептал ей на ухо Дамиен, упираясь своей булавой в преддверие лона. — Прикажи мне уйти и оставить тебя в покое.

Ванесса не могла вымолвить ни слова, желая только одного — почувствовать в себе его божественную мужскую твердость, начать бешеную любовную пляску, дать волю страсти.

Так и не дождавшись ответа, барон шире раздвинул коленом ее бедра и одним мощным телодвижением заполнил собой всю ее волшебную пещеру. Она удовлетворенно охнула. Дамиен шумно вздохнул и понесся на ней вскачь, словно жеребец, закусивший удила. Ванесса взвизгнула и, закатив к потолку глаза, выгнулась дугой. Барон вошел в раж и показал ей все, на что он был способен. Она закинула ему на спину ноги и запрыгала на кровати в том же бешеном темпе, что и он. Дамиен захрипел и поддал жару. Ванесса вздрогнула и забилась в исступлении. Он поднатужился и с торжествующим рыком излил в нее семя.

Потом он еще долго лежал, не извлекая свой меч из ее ножен, и тяжело дышал, приходя в себя. Наконец он перекатился на спину и, взглянув на ее шелковистые волосы, разметавшиеся по подушке, серьезно задумался.

Его страсть к этой женщине обрела угрожающий характер. Еще немного — и она могла стать его наваждением. Уже сейчас он хотел ее и днем и ночью. Даже усмирив на какое-то время свою похоть, барон испытывал тревожное томление — верный признак того, что вожделение вот-вот вновь вспыхнет в нем.

Какой же бес в него вселился? Ни одну из своих любовниц он не желал так сильно, как Ванессу Уиндем. В чем ее секрет? Почему страсть сжигает не только его чресла, но и все тело? Что вызывает в нем странное желание сгореть в ее жарких объятиях, погибнуть в горниле сладострастия?

Барон зажмурился и встряхнул головой. Нет, не таким представлялся ему финал затеянной им интриги. Фатальная привязанность к Ванессе, которой он так опасался, крепла с каждой новой их тайной встречей. Похоже было, что вопреки своим намерениям он угодил в расставленные им же сети.

Глава 11

Когда наутро Ванесса проснулась, снедаемая вновь вспыхнувшим в ней во сне огнем вожделения, барона уже и след простыл. Он укатил в своем дорожном экипаже из имения еще на рассвете, оставив любовницу в объятиях Морфея. Весь этот день она не могла успокоиться, терзаясь яркими воспоминаниями о бурном пиршестве плоти, продолжавшемся всю ночь. Не удалось ей изгнать вселившегося в нее похотливого беса и на следующий день. Отчаявшись обрести умиротворение, она уговорила Оливию съездить вместе с ней утром в воскресенье в церковь, чтобы замолить грехи.

Но прохладный прием, оказанный им здешним благородным обществом, окончательно лишил Ванессу надежды хоть как-то обуздать проснувшуюся в ней страсть. Виновницей новой напасти оказалась коварная леди Фоксмур: эта старая ханжа во время всей мессы что-то нашептывала, прикрывшись молитвенником, своим соседкам по скамейке и то и дело бросала в сторону Ванессы высокомерные взгляды. В результате только некоторые из прихожан изъявили желание познакомиться с ней, остальные же ее проигнорировали.

Очевидно, решила она, ей намекнули, что компаньонке Оливии следует помнить свое место, а не мнить себя ровней хозяевам. Наемной работнице долженствовало раболепство-пать и самоуничтожаться, а не благоденствовать в усадьбе барона Синклера, исподволь опутывая его своими амурными сетями.

Привыкшая к интригам и скандалам еще во время своего неудачного замужества, Ванесса не приняла новые неприятности близко к сердцу. Но ей стало обидно за Оливию. Бедняжка крепилась изо всех сил, пока они не сели в карету. Но едва экипаж тронулся с места, девушка воскликнула:

— Я говорила, что все это напрасно! Моя репутация непоправимо испорчена, вся моя жизнь разрушена.

Ванесса попыталась было объяснить Оливии, что надменные взгляды соседей предназначались вовсе не ей, но девушка твердила свое, впад в истерику:

— Будь с нами сегодня в церкви мой брат, они бы не посмели так надменно на нас смотреть! Жалкие лицемеры! Они готовы закрыть глаза на его прегрешения. Я не маленькая и не глупая и давно знаю, что Дамиен — распутник. Он пошел в отца, тот был еще хуже, он погряз в разврате. Ну почему общество прощает мужчинам все их грехи, а нам, женщинам, не прощает даже пустячную ошибку? Разве это справедливо?

Ванесса была с ней согласна, но не считала нужным доказывать, что в мире, которым правят мужчины, женщинам остается одно — приспособляться к обстоятельствам. В утешении же Оливия не нуждалась. Остаток пути до усадьбы они провели в молчании, Оливия смотрела в окно, Ванесса притворилась, что задремала. Время от времени она посматривала на свою спутницу и видела, что та кипит от обиды и негодования. Ванесса пожалела, что втянула ее в глупую затею с поездкой в церковь. Никакой пользы от нее не получилось, а нервы им обеим там потрепали изрядно.

Не улучшилось настроение Оливии и после обеда. Ванесса поняла это, когда в ответ на ее предложение принять целебную ванну девушка раздраженно воскликнула:

— А какой от этого прок? Мне ведь пока не помогла ни одна процедура! Я все равно уже никогда не смогу ходить.

— Не надо отчаиваться, — возразила Ванесса. — Доктор сказал, что могут пройти месяцы, пока восстановится чувствительность в ногах.

— Но он также сказал, что не исключает, что я никогда не поправлюсь. Значит, я не смогу выйти замуж и родить детей.

— Не знаю насчет детей, возможно, для тебя это и будет затруднительно, — сказала Ванесса, — но замужество, по-моему, вполне возможно.

— Ты действительно так считаешь? А вот я думаю, что с моей испорченной репутацией мне никогда не удастся заключить выгодную партию. Приличный мужчина меня в жены не возьмет.

— Ты заблуждаешься! — живо возразила Ванесса, покачав головой. — Не забывай, что ты богата и родовита, поэтому можешь сама выбрать жениха.

— Кому захочется связываться с калекой? Готова побиться об заклад, что твой братец уж точно не женился бы на мне.

Губы Оливии задрожали, она судорожно вздохнула и, взяв себя в руки, продолжала:

— Он еще легко отделался! А не мешало бы заставить его хорошенько помучиться за все, что он со мной сделал. Мой брат хотел его убить, но я воспротивилась этому и взяла с Дамиена слово, что он сохранит ему жизнь.

Ванесса была согласна с ней в том, что лорду Ратерфорду очень повезло, что он остался жив. Однако распространяться о том, каким образом Дамиен решил ему отомстить, она не стала. Хотя, возможно, Оливии было бы небезынтересно узнать, что ее брат разорил Обри за карточным столом и поставил их семью на грань нищеты.

— Раз уж все от меня отвернулись, — гневно воскликнула Оливия, — то будет справедливо, если этот жалкий плут Обри разделит со мной мое горе! Пусть он тоже пострадает! Пусть помучится, ухаживая за мной, пока я не выздоровлю. Послушай, Ванесса, он еще не уехал из деревни?

— Не знаю, — ответила Ванесса, удивленная столь неожиданным зигзагом ее умонастроения. — Раз он сказал тебе все, ради чего искал с тобой встречи, то вполне возможно, что он уже уехал домой.

— Если он еще здесь, я хотела бы пригласить его в свое имение! — заявила Оливия. — Разыщи его!

— Но... — Ванесса совершенно растерялась и не сразу сообразила, что на это ответить. — Это вряд ли понравится Дамиену, — наконец пролепетала она.

— Ему не обязательно знать об этом. Лорд Ратерфорд вполне может приехать сюда, несколько изменив внешность и под другим именем. А поскольку при нашей встрече будешь присутствовать и ты, она не вызовет у прислуги подозрения.

— Я не уверена, что это благоразумный шаг, Оливия, — сказала Ванесса. — Месть не принесет тебе удовлетворения. Новая встреча с Обри усугубит твои страдания.

— Пусть так! — вскинув подбородок, воскликнула Оливия. — Но если Обри не лицемерит, это доставит ему еще большие страдания. Если он действительно испытывает угрызения совести, как он утверждает, я предоставлю ему возможность в полной мере осознать весь ужас содеянного им. Один лишь вид этого проклятого инвалидного кресла будет напоминать ему,

как бессердечно он со мной поступил.

— Оливия! — испуганно воскликнула Ванесса.

— Пожалуйста, не пытайся переубедить меня. Если ты не разыщешь его, тогда это придется сделать мне самой. Представляю, какие пойдут по округе сплетни, когда я лично начну искать его в деревне.

Занавес поднялся, и зрители зааплодировали представшей их взорам живой картине. Удобно устроившись в кресле, Дамиен притворился, что поправляет манжету, чтобы скрыть напавшую на него от скуки зевоту.

Это оригинальное представление Клун устроил для своих гостей, надеясь их развлечь. Все гости, разумеется, были мужчины. На сцене стояла огромная кровать, на которой три юные обнаженные девицы исполняли танец живота. Еще с полдюжины красоток, в прозрачных нарядах и с густо наруганными лицами, стояли за ними полукругом, соблазнительно поводя бедрами. Как ни странно, это зрелище совершенно не возбуждало Дамиена.

Когда-то развлечения такого рода настраивали его на игривый лад, и он, позабыв тоску и заботы, с головой окунался в разврат. Для этого в гостеприимном доме Клуна имелись все возможности, на его званых вечерах никто из гостей не скучал. Сегодня же барон пожаловал к своему старинному приятелю с определенной целью — избавиться от воспоминаний о Ванессе Уиндем.

Говорят, что, для того чтобы забыть какую-нибудь засевшую в печенках даму, лучше всего прибегнуть к одному испытанному средству, а именно: кинуться в объятия другой женщины, с не менее пухленькими губками и аппетитными бедрами, всегда готовыми раздвинуться, чтобы принять дорогого гостя.

Дамиен поморщился, поймав себя на том, что он снова вспомнил прелести Ванессы, страстный блеск в ее глазах во время их совместного путешествия на небеса и обратно. Что за бес в него вселился? Ведь в былые времена он всегда успешно избавлялся от печали, обзаведясь новой любовницей. В поисках сексуальных приключений он объездил всю Европу. О его мужских подвигах до сих пор вспоминали в бальных залах и будуарах всех столиц, в которых он побывал. Он давно потерял счет своим амурным победам.

Покорить он мог и прекрасную даму из высшего сословия, и смазливую простолюдинку, и замужнюю, и овдовевшую. Не составляло барону особого труда соблазнить и девственницу. В этом искусстве ему не было равных! Но никогда еще Дамиен не позволял своим эмоциям брать верх над рассудком.

И вот теперь он был вынужден признать, что окончательно потерял голову из-за Ванессы Уиндем.

Барон напрягся, почувствовав томление в чреслах при воспоминании об их последней встрече. Это было нечто уникальное, потрясающее! Ничего подобного он прежде не испытывал ни с одной женщиной. Но пора было избавляться от этого опасного наваждения. Вот только как?

Взрыв развратного женского смеха вернул барона к действительности, и он взглянул на сцену, где продолжалось на редкость неприличное представление. Дамиен с минуту молча смотрел на переплетенные голые женские тела, потом почувствовал раздражение и, поморщившись, отвел взгляд.

Возможно, Ванесса права, подумалось ему, он слишком пресыщен и испорчен развратом. Когда-то он посвящал себя поискам новых острых плотских удовольствий без остатка, щедро расточая свое время, здоровье и богатство. Безусловно, он преуспел на этом поприще. Но с годами эти наслаждения приносили ему все меньше и меньше радости.

Вероятно, разочарование барона спектаклем отразилось на его лице и было замечено хозяином дома. Вскоре Джереми Норт, он же — лорд Клун, подсел к нему на соседний свободный стул и промолвил:

— Кажется, это зрелище вас не веселит, мой добрый друг!

— Отнюдь, — солгал барон. — Вон та рыженькая, с родинкой на бедре, весьма мне симпатична.

— Как обычно, вы демонстрируете прекрасный вкус, милорд! Она француженка, дочь разорившегося во время революции аристократа. Она знает всего несколько английских слов, зато обладает поразительными талантами, — с улыбкой сказал Клун.

— Из ваших уст не часто услышишь подобный лестный отзыв, — заметил Дамиен. — Не всякая красавица удостоивается вашей похвалы, лорд Клун. Ведь вы общепризнанный эксперт в сексуальной области.

— Вы правы, это так, — самодовольно кивнул Клун. — А что за новую красотку скрываете вы в своем загородном доме?

Я имею в виду прекрасную молодую вдову, слух о которой недавно достиг моих ушей. Должен сказать, это смелый шаг, мой друг. Вы намерены пользоваться ее прелестями в одиночестве или все же поделитесь ею со своими друзьями?

Дамиен крякнул, неприятно удивленный осведомленностью старого греховодника и обеспокоенный его ошибочным предположением, что Ванесса — одна из общедоступных кокоток, временно взятых им в содержанки. В планы Дамиена, однако, не входило делиться ею с кем-либо. Поэтому он с невозмутимым видом ответил:

— Боюсь, старина Клун, что на сей раз вы промахнулись! Эта дама служит компаньонкой у моей сестры и не является моей любовницей.

Клун скептически вскинул бровь, однако не посмел выразить недоверие к словам уважаемого собеседника. Вместо этого он поднял руку и сделал стройной рыженькой красотке знак подойти к ним.

Девушка сбежала по ступенькам со сцены и приблизилась к хозяину дома, кокетливо хихикая и томно закатывая глазки, которые подозрительно поблескивали. Вероятно, красотка накурилась для куража опиума: ведь она знала, что сегодня ей предстоит ублажить не менее десятка похотливых джентльменов.

Приглядевшись к рыжеволосой кокотке вблизи, Дамиен понял, что она значительно моложе, чем он предполагал, и спросил, удивленно вскинув бровь, у Клуна:

— Неужели ты пал так низко, что начал похищать детей из колыбелей для своих развлечений?

— Ей уже исполнилось восемнадцать лет, — пожал плечами Джереми. — Во всяком случае, она так мне сказала. Уверяю тебя, я не злоупотребляю ее молодостью и стесненными обстоятельствами. Ей прилично платят за ее услуги. Да и вообще, не подбери ее я, это сделал

бы кто-то другой.

Девушка уселась Дамиену на колени и мечтательно улыбнулась. Барон с досадой подумал, что она ровесница его сестры. Девица распахнула полы туники и, выпятив груди, уткнулась сосками ему в губы. Джереми воспользовался замешательством гостя и встал, с улыбкой промолвив: — Не буду вам мешать, развлекайтесь, голубки! Дамиен машинально лизнул сосок и, ощутив вкус вина, почувствовал, как ни странно, не вожделение, а брезгливость. Однако он не стал ее демонстрировать и обвинять Джереми в том, что тот подсунул ему несвежий товар. Вместо этого он огляделся по сторонам и, убедившись, что другие гости не обращают на него внимания, подхватил девушку на руки и отнес ее по лестнице в отведенную ему комнату. Девица уснула прежде, чем он опустил ее на кровать. Барон накрыл ее пледом и, отступив на два шага, тихо сказал: — Спи, моя милая!

Его приятели пришли бы в изумление, если бы узнали, что он отказался от юной прелестницы по моральным соображениям. Они бы удивились еще больше, если бы он поделился с ними своими планами отослать девицу в Лондон и наказать своему секретарю позаботиться о ней. Впервые в жизни Князь Порока выступал в роли защитника женской добродетели.

Знойный послеполуденный воздух, пропитанный ароматом роз, дурманил Ванессе голову. Стоя на аллее парка в тени могучего вяза, она смотрела, прищурив глаза, на приближающегося к ней брата и чувствовала себя коварной предательницей. Уступив настоятельной просьбе Оливии вызвать Обри на свидание, она все еще сомневалась, что поступила правильно.

Ванесса искренне желала Оливии добра и надеялась, что эта странная затея, пусть и родившаяся из ее стремления отомстить Обри, наполнит смыслом ее жалкое существование, пробудит в ней желание бороться за свое выздоровление, а не прозябать, отчаявшись победить недуг.

Оливия замерла в инвалидном кресле, неподвижная, словно бесчувственная мраморная статуя. Обри остановился напротив нее и с мольбой взглянул в ее холодные голубые глаза. Лицо девушки напоминало маску, но Ванесса, успевшая хорошо изучить ее натуру, знала, что внешняя невозмутимость стоит ей огромных усилий. Внезапно Обри упал на колени, воскликнув:

— Оливия! Прости меня!

Не в силах видеть его искаженное сразу множеством эмоций лицо, Ванесса отвернулась, чувствуя, как сильно кружится у нее голова от благоухания роз.

На той же неделе Обри еще несколько раз приходил в розарий на свидание с Оливией, что не вызывало у садовника и слуг никаких подозрений, поскольку они привыкли видеть в парке ученых и художников. Оливия не выказывала никаких признаков намерения сменить гнев на милость, оставаясь ледяной принцессой. Обри покорно принимал ее холодность и терпел редкие язвительные реплики с кротостью аскета, добровольно облачившегося во власяницу. Такое поведение брата удивляло Ванессу и наводило ее на размышления.

Однажды Обри принес с собой томик стихотворений и вызвался почитать их для Оливии вслух. Но девушка, судя по ее задумчивому взгляду, устремленному вдаль, его не слушала.

С каждой их новой тайной встречей Ванесса все больше нервничала, тяготясь как своей ролью сводницы, так и опасением, что все это рано или поздно станет известно Дамиену. Она боялась даже представить, какой тогда случится скандал. Барон, возможно, вызовет Обри на дуэль, а ее просто-напросто прогонит из усадьбы, обвинив в коварстве и предательстве.

Ванесса всерьез подумывала, не лучше ли ей самой рассказать Дамиену все как на духу. Но в этом случае она рисковала потерять доверие Оливии, а вместе с ним и последний шанс добиться у нее прощения Обри. Так и не придя ни к какому решению, Ванесса окончательно утратила способность мыслить здраво. Неожиданно в усадьбу вернулся Дамиен.

Ванесса музицировала в музыкальной гостиной, разучивая сложный для исполнения на фортепьяно пассаж, когда туда стремительно вошел барон. Она увидела его и обмерла, ощутив прилив вожделения. Лишь усилием воли сумела она сохранить безмятежное выражение лица.

Дамиен мягко улыбнулся и, подойдя к ней, промолвил:

— Я думал, что это играет Оливия. Где она сейчас?

— У себя, наверное, читает стихи, — спокойно ответила Ванесса, не выказывая удивления тем, что он даже не упомянул о том, что скучал по ней.

— Уж не прихворнула ли она?

— Нет, она вполне здорова, если это слово вообще можно применить к ней в ее нынешнем состоянии.

— Тогда я схожу проведу ее! — Барон направился было к выходу из гостиной, но в дверях остановился и, обернувшись, спросил: — Ты успеешь одеться для бала к девяти часам? В десятом мы выезжаем к Фоксмурам. Надеюсь, ты не забыла?

— Нет, но... Видите ли, барон, пока вы отсутствовали, здесь случилось одно неприятное происшествие... Я сомневаюсь, что мне стоит появляться у Фоксмуров...

Она рассказала Дамиену об инциденте, случившемся в минувшее воскресенье в церкви. Он нахмурился и сказал, поборов негодование:

— Тем более нам нужно быть там! Нельзя потворствовать хамству местных светских волчиц, нужно отобрать у них инициативу и навязать им свои правила игры.

— Так хорошо рассуждать, имея богатство и влияние в обществе. Но в моем стесненном положении лучше проявить осторожность.

— Вот уж не думал, что мой ангел может струсить! — с улыбкой воскликнул Дамиен. — Разве не ты призывала Оливию не прятаться от окружающего мира под одеялом? Какой пример ты ей покажешь, отказавшись от этой поездки из опасения стать объектом чьих-то насмешек? Тебе ли их бояться?

— Пожалуй, это справедливо, — согласилась Ванесса, расправляя плечи и горделиво вскидывая подбородок.

Когда барон вышел, она еще раз обдумала его слова. Он |был, разумеется, прав; ей не следовало сторониться людей и показывать Оливии дурной пример для подражания.

По зрелом размышлении она сделала и другой вывод: появление в свете пойдет ей на пользу! На балу ей может представиться возможность завести полезные знакомства и тем самым разнообразить свою жизнь в усадьбе, которая уже начинала казаться ей скучноватой. В чем-то Дамиен был, несомненно, прав: пожив здесь в одиночестве подольше, поневоле пустишься во все тяжкие от тоски.

В этот вечер она одевалась, прибегнув к помощи горничных Оливии, с особой тщательностью и, взглянув на свое отражение в зеркалах, осталась очень довольна собой. Но платье прибавило ей смелости и уверенности в себе.

С Дамиеном они встретились перед ужином в гостиной. Он был неотразим в своем черном, прекрасно скроенном сюртуке и атласных белых панталонах. Его густые волосы казались иссиня-черными на фоне белоснежного льняного галстука, а золотое шитье его белого парчового жилета сочеталось с ее золотистым платьем.

Барон скользнул по наряду Ванессы оценивающим взглядом и, пожевав губами, обернулся, чтобы приветствовать входящую в гостиную сестру, так и не высказав своего мнения об обновке.

Зато Оливия восхищенно ахнула и воскликнула:

— Ванесса! В этом платье ты смотришься потрясающе. Я знала, что золото тебе к лицу. Ну разве она не прекрасна, Дамиен?

— Она восхитительна, — с натянутой улыбкой сказал барон.

Но этим комплиментом, вызвавшим у Ванессы сердцебиение, он и ограничился. На протяжении всего ужина Дамиен помалкивал, рассеянно слушая сестру, без умолку щебетавшую о всяких житейских пустяках. Неразговорчив он был и по дороге на бал. Ванесса, задетая за живое его угрюмым молчанием, насупилась и уставилась в окно кареты, пытаясь убедить себя в том, что поддаваться страстям нелепо. И без того она позволила себе чересчур много вольностей, что не допустимо в ее нынешнем положении. Ванесса то и дело повторяла себе, что обязана держать свои чувства под контролем и не выходить за рамки деловых отношений, иначе она рискует привязаться к барону так, что не сможет без него обходиться.

По прибытии на место назначения им пришлось немного подождать в веренице экипажей, образовавшейся у въезда в усадьбу, а потом еще выстоять в очереди перед дверьми бального зала, прежде чем их приветствовали сэръ Чарльз и леди Фоксмур со своей младшей дочерью Эмилией. Леди Фоксмур скрыла свою неприязнь к Ванессе и рассыпалась в любезностях перед лордом Синклером, который с надлежащим почтением к ней все это вытерпел, не выказав раздражения.

Гостиная была заполнена возбужденными гостями, звучала негромкая приятная музыка. Ванесса ощущала легкое волнение, но была полна решимости держаться с достоинством и не замечать косых взглядов великосветских сплетников и лицемеров. Слава Богу, в этом она поднаторела в юру своего замужества.

С самого начала барон решительно дал ей понять, что не позволит местным волчицам ее растерзать. Он добрых полчаса стоял с ней рядом, знакомя ее со всеми, кто с ним раскланивался, а потом настоял, чтобы она станцевала с ним первый танец. Столь явный интерес лорда Синклера к своей темной работнице не мог остаться незамеченным всевидящим сплетницами. И видя, что она пользуется его вниманием и поддержкой, они прикусили языки.

Дамиен был в ударе: обаятельный, обходительный и внимательный, он казался олицетворением галантности, что не должно не возбуждать Ванессу. Даже если он и притворялся, ей трудно было устоять перед его чарами, и она все сильнее ощущала себя во власти его мужского магнетизма. Вскоре дальновидное поведение барона стало приносить свои плоды: великосветские дамы держались от них на почтительном расстоянии, а джентльмены, как молодые, так и почтенного возраста, начали приглашать Ванессу на танец, не скупясь на

комплименты. Она позволила им вскружить ей голову и влечь ее подальше от опекуна.

На какое-то время она потеряла Дамиена из виду. А когда в перерыве между танцами она присела в кресло, чтобы освежиться бокалом крушона, то поймала себя на том, что невольно высматривает барона в толпе. Наконец она увидела его в дальнем конце зала, их взгляды встретились, и ее обдало жаром. Но очередной кавалер не дал ей времени на безмерные фантазии, и она вновь закружилась в танце, одаривши Дамиена улыбкой.

Вскоре она обнаружила, что среди присутствующих на балу Фоксмуров есть ее старые знакомые по Лондону, а с одной из них у нее даже сложились приятельские отношения. Летиция Перин в юности впервые вышла в свет в том же сезоне, что и Ванесса, примерно в одно время с ней выскочила замуж и вскоре тоже овдовела. Она заметила Ванессу и с приветливой улыбкой воскликнула:

— Какая неожиданная встреча! Мы не виделись целую вечность! Позволь мне тебя расцеловать! Я так рада тебя видеть, дорогая! Как вижу, ты пользуешься здесь громадным успехом! Я не могла протиснуться к тебе сквозь толпу поклонников!

— Ты тоже весьма преуспела, Петиция, — ответила Ванесса, скользнув взглядом по бриллиантовым серьгам, колье и кольцам своей старой знакомой. — Но как ты здесь очутилась? Ты живешь где-то неподалеку?

— Нет, но мой новый муж Роберт приехал сюда, чтобы проведать свою дочь от первого брака. Ты слышала, что я снова вышла замуж? Нет? Тогда взгляни на моего нового супруга, это вон тот добродушный пожилой толстячок, который угощается пуншем. Я теперь миссис Биверс. Роберт сделал состояние на торговле. Не могу сказать, что он пылкий и умелый любовник, но я им вполне довольна как мужем и другом. Я счастлива с ним, Ванесса! Роберт просто душа, он очень добр и внимателен ко мне, а большего мне и не нужно. Вот, посмотри, какие славные безделушки он мне подарил. Ты ведь знаешь, как я страдала после смерти моего первого супруга. Но все уладилось. И ты тоже, как я вижу, начала выходить в свет!

Ванесса вежливо улыбнулась в ответ.

— Мужчины от тебя без ума! Они наверняка считают, что ты обладаешь некими особыми прелестями, раз сам Князь Порока увлечен тобой. Раскрой мне свой секрет по старой дружбе, Ванесса!

— Но у меня нет никаких секретов, Петиция. Я служу компаньонкой сестры лорда Синклера, вот и все.

— Не прибедняйся, дорогая! Так или иначе, но все здешние светские дамы позеленели от зависти. Готова побиться об заклад, что любая из них с радостью прыгнет к барону Синклеру в кровать.

Ванесса похолодела от такой ее пронизательности, но не подала виду, что смущена. Между тем Петиция взглянула на Дамиена, который беседовал с матронами, и сказала:

— Я не корю тебя за то, что ты поддалась его чарам! Ни одна женщина не устоит перед этим мужчиной. Ведь он не только дьявольски обаятелен и хорош собой, но еще и богат! Пожалуй, сейчас он один из самых завидных женихов в Англии, хотя до сих пор и умудрялся ускользать от брачных уз.

— Я слышана о его любовных подвигах, — сказала Ванесса.

— Не советую в него влюбляться, моя дорогая! — перейдя на доверительный шепот, продолжала Петиция. — В прошлом году леди Варли выставила себя круглой душой на весь свет, попытавшись вернуть его расположение, когда он ее бросил. Вот что я скажу тебе, моя прелесть! Когда ты ему надоешь, подыщи себе богатенького престарелого покровителя. Он сперва накупит тебе нарядов, которых тебе хватит до конца жизни, потом станет украшать тебя бриллиантами.

|А там, глядишь, и предложит руку и сердце. Брак ваш вряд ли продлится долго, и может статься, что спустя всего несколько лет ты станешь богатой молодой вдовой.

— Я не собираюсь снова выходить замуж, — ответила Ванесса.

Петиция лукаво усмехнулась и, извинившись, покинула ее, чтобы поприветствовать другую свою добрую знакомую.

Оставшись одна, Ванесса призадумалась над ее советом. Уверенность Летиции в том, что они с Дамиеном — любовники, давала ей все основания предположить, что точно так же считают и многие другие. Следовательно, оказанный ей дамами прохладный прием объяснялся иными, более серьезными, чем она поначалу решила, причинами. Ее попытка скрыть интимный характер своих отношений с бароном за прозрачной ширмой службы у «него в качестве компаньонки Оливии с треском провалилась. Репутация одиозного Князя Порока исключала столь наивный обман; Значит, отныне ей суждено вечно носить клеймо его содержанки. Ванессе вдруг стало жарко в бальном зале, от шума у нее закружилась голова. Она выскользнула через открытые створчатые двери на балкон. Прохладный воздух летней ночи освежил ее разгоряченное лицо. На темном небосводе светила полная луна и сверкали звезды, но даже эта красота не вытеснила из ее сознания тревожные мысли.

Очевидно, репутация ее навсегда испорчена любовной связью с бароном. Но уж лучше прослыть дорогой кокеткой, чем допустить разорение своей семьи. Однако ей действительно пора позаботиться о своем будущем! В конце лета барон ее бросит, и тогда ей, возможно, пригодится совет Легации. О любви в ее положении даже мечтать не приходилось, разумнее было уже сейчас начать присматривать для себя покровителя на будущее. О повторном замужестве ей и думать не хотелось, она уже достаточно натерпелась от своего первого мужа-гуляки.

Звук чьих-то шагов вывел Ванессу из размышлений и заставил ее обернуться. Качающейся походкой к ней приближался подвыпивший господин, в котором, приглядевшись, она узнала старшего сына одного местного сквайра. Обдав ее перегаром, он прислонился спиной к перилам балкона и промычал:

— Это вы, леди! Как я рад, что застал вас тут одну.

— Я собираюсь вернуться в зал, — холодно ответила Ванесса, вовсе не горя желанием познакомиться с ним поближе.

— Умоляю, не уходите! — Молодой человек схватил ее за руку. — Раз Князь Порока вас бросил, я готов его заменить. Не сомневайтесь, я могу быть ласков!

— Вам вряд ли понравится, если я скажу вам, что я думаю о вас! — отрезала Ванесса.

Настырный господин бесцеремонно привлек ее к себе и начал тискать ее груди, сжимая запястье. Ванесса вскрикнула от боли и негодования.

Внезапно на балконе появился Дамиен. Он оторвал наглеца от Ванессы и, легонько его придушив, наставительно сказал:

— Извинись перед дамой, Генри!

Молодой человек откашлялся и, пробормотав слова извинения, поспешно удалился.

Дамиен обернулся к Ванессе, которая потирала ладонью болезненное запястье, и спросил:

— Надеюсь, он не успел вывихнуть тебе руку, мой ангел? Все еще не оправившись от потрясения, она медлила с ответом, гневно глядя ему в глаза. Похождения ее беспутного муженька доставили ей в свое время немало неприятных минут, но еще ни разу с ней не обращались так бесцеремонно, как сегодня. Связавшись с Дамиеном, она обрекла себя на суровые и неожиданные испытания. Он не мог не предвидеть этого, когда предлагал ей стать его любовницей. Он знал, что, приняв его предложение, она погубит свою репутацию. И в этом, несомненно, заключалась его главная цель.

— Не беспокойтесь за меня, барон! — с деланной улыбкой воскликнула наконец Ванесса. — Я смогла бы за себя постоять. Но мне доставляет удовольствие терпеть нападки ваших знакомых. Одни из них отпускают колкости в мой адрес, другие, как этот пьяный дурак, откровенно распускают руки.

— Вы желаете покинуть бал? — спросил Дамиен.

— Представьте себе, нет! — с вызовом ответила она. — Я не струшу и стерплю этот балаган до конца, чтобы не дать нашим милым друзьям и соседям повод лишний раз посмеяться надо мной.

И, гордо вскинув подбородок, она прошла мимо него к ям бального зала, притворившись, что не замечает удивленных взглядов выбежавших на шум гостей.

Остаток вечера Ванесса как ни в чем не бывало предавалась веселью, но вновь надела холодную маску, как только барон приказал дворецкому вызвать к подъезду его экипаж.

По дороге домой они долго молчали.

— Мне не следовало настаивать на вашем приезде на бал, — наконец сказал Дамиен.

— Да, вы совершили ошибку, — подтвердила Ванесса. — Мое присутствие там лишь усилило общее мнение, что мы с вами любовники.

— Мне искренне жаль, что вы подверглись нападению этого грубияна, — сказал барон.

— Неужели? А мне показалось, что вас это позабавило. Разве не чего-то в этом роде вы добивались, вынашивая свой план отмщения мне за унижение своей сестры?

Дамиен стиснул зубы, внезапно ощутив укол совести. Он действительно поначалу меньше всего думал о репутации Ванессы. Но с тех пор многое изменилось. Теперь он мог лишь сожалеть о тех оскорблениях, которым она подверглась по его вине.

Ему бы следовало проявить благородство и освободить ее от взятых на себя унижительных обязательств. Но он пока еще не в силах был с ней расстаться. Поэтому он промолвил:

— Все это еще не поздно исправить.

— Вы так думаете? И каким же образом? Ситуация вряд ли изменится до осени, а потом скорее всего ухудшится. Пока я буду жить в вашей усадьбе, мне ничто не будет угрожать. Но как только я ее покину, то немедленно попаду в разряд отвергнутых вами любовниц и стану посмешищем.

— Этого не случится, если вы сами порвете со мной, миледи, — возразил барон. — Достаточно будет лишь распустить слух, что вы меня бросили, разочаровавшись во мне.

Ванесса хотела было возразить, что никто этому не поверит, но воздержалась от поспешных замечаний, а вместо этого сказала с неожиданной для самой себя язвительностью:

— Пожалуй, я приму ваше предложение к сведению и когда-нибудь им воспользуюсь, барон!

Дамиен помрачнел и буркнул:

— Вы вправе покинуть мое имение в любой момент, даже сейчас!

— Увы, это невозможно, милорд! Расплачиваться за мой необдуманный поступок придется моим бедным сестрам. Поэтому я полностью выполню взятые на себя обязательства и останусь здесь до конца лета, — с горечью ответила Ванесса.

Глава 12

Разбудила ее на следующее утро Оливия. Въехав в кресле-каталке в спальню Ванессы, она воскликнула:

— Я сгораю от нетерпения узнать, как прошел бал!

Ванесса, все еще не проснувшаяся окончательно, подавила зевок и, похлопав глазами от яркого солнечного света, хлынувшего в комнату, как только служанка отдернула штору, спросила:

— Нельзя ли сначала велеть подать мне чаю?

— Я знала, что ты так скажешь! — улыбнувшись, промолвила Оливия. — Сейчас горничная принесет сюда легкий завтрак.

— Это совсем другое дело, — оживилась Ванесса и спустила с кровати ноги.

Через минуту юная горничная внесла на подносе тарелку с ячменными лепешками и горячий шоколад в чашках. Ванесса отхлебнула горячего ароматного напитка и сразу же ощутила бодрость. Оливия отпустила служанок и, тоже откусив шоколада, нетерпеливо промолвила:

— Ну рассказывай же, как все там было!

— Чудесно! — лаконично ответила Ванесса и потянулась за печеньем. — Все было великолепно, я прекрасно провела вечер.

— Однако до меня дошли слухи, что Дамиен вынужден был с кем-то подраться, защищая твою честь, — заметила Оливия.

— До драки дело не дошло, — поморщившись, ответила Ванесса. — Просто один ваш местный ловелас перебрал пунша и полез ко мне целоваться. Твоему брату пришлось вмешаться. Но злые языки все переиначили. Короче говоря, все это пустяки, на которые не нужно обращать

внимания.

— И кто же этот нахал? — спросила Оливия, совершенно не удовлетворенная таким ответом.

— Кажется, его зовут Генри Марш, — неохотно ответила Ванесса.

— Генри? Да как он посмел?! — с негодованием воскликнула Оливия. — Мне он никогда не нравился. Это такой наглец! Ах, как я тебе сочувствую, бедная Ванесса. Представляю, какой отвратительный вид у него был, когда он напился. Вот негодяй!

— Да, общение с ним не доставило мне удовольствия, — призналась Ванесса. — Это послужило мне хорошим уроком на будущее. Впредь я поостерегусь оставаться наедине с незнакомцем. Пожалуй, я вообще буду избегать подобные сборища.

Оливия огорченно нахмурилась.

— Так я и думала! — сказала она. — Я чувствовала, что ты станешь объектом злословия местных сплетниц. И все это из-за Дамиена! Самая добропорядочная женщина обречена на насмешки и сплетни, если она дерзнет появиться в свете в его компании. Уж такая у него репутация! Боже, ну почему в мире столько несправедливости! Почему нам, невинным женщинам, приходится расплачиваться за грехи мужчин? Взять хотя бы меня: по вине моего распутного отца и унаследовавшего все его пороки брата мне постоянно приходится вести себя в общественных местах так, будто бы я непорочный ангел, чтобы быть выше любых подозрений. Нет, это нечестно!

Ванесса промолчала, не испытывая желания в чем-либо упрекать Дамиена. Как это ни странно, она перестала на него злиться после того, что произошло этой ночью. Более того, она была даже благодарна ему за то, что он помог ей избавиться от страхов.

— Послушай, я знаю выход из этой ситуации, — подумав, промолвила Оливия. — Дамиен должен исправить ошибку и загладить свою вину перед тобой. А для этого ему нужно на тебе жениться.

Ванесса не смогла сдержать улыбку.

— Я говорю вполне серьезно! — горячо воскликнула Оливия. — Ты должна обольстить Дамиена, сделать все, чтобы он в тебя влюбился и сделал тебе предложение. Тогда мы с тобой станем сестрами! Вот здорово!

Ванесса порадовалась за ее хорошее настроение, однако ответила, что этот план нереален.

— Разумеется, тебе придется постараться! Ведь заставить Дамиена жениться далеко не просто, — продолжала строить воздушные замки наивная девушка. — Мне кажется, что ты ему нравишься. Но он поклялся, что никогда не женится, вот в чем проблема! Он говорит, что любовь погубила наших несчастных родителей, и он не собирается повторять их ошибки.

Ванесса покачала головой. Идея Оливии казалась ей смехотворной. Дамиен Синклер не относился к категории влюбленных мужчин, а влюбиться в сестру своего смертельного врага он тем более не мог себе позволить.

— Общеизвестно, дорогая Оливия, что развращенные не способны влюбиться. В любом случае я не собираюсь еще раз выходить замуж.

Лицо Оливии побледнело и вытянулось от досады.

— Пожалуй, я действительно чересчур размечталась. Но мне очень хотелось бы иметь такую сестру, как ты, Ванесса!

Они еще немного поболтали о более приземленных материях, и Оливия удалилась, чтобы дать Ванессе возможность одеться.

Оставшись в спальне одна, она почувствовала внезапный прилив меланхолии и, закрыв глаза, прилегла. О том, чтобы вернуть себе доброе имя, нечего было и думать. Поэтому ей не оставалось ничего другого, как последовать совету Летиции и подыскать себе богатого покровителя...

Пронзенная оригинальной идеей, она открыла глаза и снова села на кровати, намереваясь хорошенько обдумать пришедший ей в голову вопрос: как воспользоваться создавшейся ситуацией и обернуть в свою пользу репутацию развратницы? Чем роль любовницы хуже, чем роль законной супруги? Ведь в ее теперешнем положении у нее развязаны руки! Содержанка пока еще не считается собственностью своего покровителя и не бесправна, словно рабыня!

А разве все падшие женщины непременно обречены на позор и жалкое существование? Если верить молве, то некоторые из лондонских куртизанок весьма преуспели в своей профессии и теперь живут в свое удовольствие, пользуясь благоволением влиятельных вельмож, изредка посещающих их будуары. Но ей вряд ли удастся пополнить ряды жриц любви, для этого ей не хватает профессиональных навыков. Впрочем, поправила себя Ванесса, сблизившись с Дамиеном, она уже многому научилась...

Да, конечно же, именно Дамиен ей и поможет! Ванесса поджала губы, преисполнившись решимости воспользоваться предоставившейся ей возможностью с наибольшей выгодой для себя. Кто, как не Князь Порока, лучше других знает слабости джентльменов? Кто, как не Дамиен, может дать ей дельный совет в искусстве обольщения? Раз уж злая судьба свела ее с этим человеком, нужно сделать все от нее зависящее, чтобы спасти своих бедных сестричек от неудачного замужества и обеспечить им безбедное существование.

Она вызывающе вскинула голову, словно бы бросая вызов всем лицемерам высшего света, которые наверняка попытаются опорочить не только ее, но и всю ее семью, если пронюхают о ее успехах на новом поприще. Что ж, подумала Ванесса, пусть злословят, зато ее младшим сестрам не придется выходить замуж против своей воли. Ради их счастья и благополучия она была готова навсегда распрощаться с прежней жизнью и превратиться в падшую женщину.

Ванесса понимала, что обратного пути из вертепа нет. Но содержать своих обедневших родственников только на жалованье гувернантки или компаньонки тоже невозможно. И раз уж за ней все равно закрепилась дурная слава распутницы, не лучше ли извлечь из этого пользу?

Она решительно откинула одеяло и, вскочив с кровати, стала одеваться, чтобы разыскать Дамиена прежде, чем ее покинет мужество. Сегодня оно ей было необходимо, как никогда прежде, потому что она собиралась попросить Князя Порока обучить ее искусству обольщения.

Дамиен припал к шее своего гнедого мерина и пришпорил его, понуждая скакать еще быстрее. Барон был очень зол на себя за допущенные им ошибки. Его бесило то, что он недооценил ожидающие Ванессу трудности в общении с местным благородным обществом, не предусмотрел всю степень жестокости высшего света, не предотвратил хамскую выходку старшего сына сквайра на балконе во время бала. И, что больше всего удручало его, не предвидел собственную реакцию на такой поворот событий, в результате чего разнервничался

и, потеряв самообладание, проникся чувством вины за все огорчения, которые Ванесса испытала в последние дни.

Изгнать охватившее его уныние Дамиен решил с помощью проверенного средства — хорошей верховой прогулки. И потому он до седьмого пота гонял свою лошадь по полям и пригоркам, заставляя ее перепрыгивать через вечнозеленые изгороди и ручьи, встречавшиеся у него на пути, нестись галопом и по лесным тропинкам, и по аллеям парка. Однако на этот раз даже быстрая езда не помогла Дамиену избавиться от обуревавших его мрачных ощущений и томления в чреслах. Он наконец сообразил, что нелепо срывать злость на невинном благородном животном, и придержал скакуна, чтобы тот передохнул. На горизонте появились грозные тучи, прогремел гром, предвещая жестокий ливень. И барон, повернув коня, пустился в обратный путь к усадьбе Палисандровая Роща.

Его план избавиться от навязчивого вождения и мыслей о Ванессе не сработал, недельное отсутствие в имении не облегчило его страдания. Она засела у него в печенках и упрямо не желала оттуда выбираться.

Стоило ему лишь войти в музыкальную гостиную и увидеть ее за фортепьяно, как сердце его затрепетало, а в крови забурлила страсть. Основной инстинкт вынуждал его тотчас же заключить эту женщину в объятия, но он сумел обуздать похоть и притворился равнодушным.

Его напускная холодность, однако, чуть было не сменилась порывом бурных чувств, когда он увидел Ванессу в ее золотистом вечернем платье. Этот великолепный наряд делал ее похожей на сказочную принцессу, способную пленить воображение любого мужчины. В чреслах Дамиена вспыхнуло пламя, и ему пришлось собрать в кулак всю свою волю, чтобы укротить желание подхватить Ванессу на руки и, отнеся в спальню, овладеть ею, вместо того чтобы везти на бал.

Он стойчески боролся с вождением на протяжении всего ужина, изо всех сил старался держаться величественно и хладнокровно. Слава Богу, Ванесса молча вытерпела его надменное поведение и не задала никаких вопросов о причинах его замкнутости и молчаливости. Возникшая в их отношениях теплота исчезла, как он того и хотел, но, как это ни странно, ему стало недоставать ласкового взгляда Ванессы и ее радостной улыбки. Лишившись ее дружественного расположения, барон стал увядать, как сорванный цветок.

Пьяная выходка обнаглевшего местного повесы на балконе дома Фоксмуров прорвала плотину терпения барона, его гнев вырвался наружу, он едва не задушил грубияна в ослеплении яростью и потом еще долго не мог успокоиться. Лишь чудом ему удалось воздержаться от желания овладеть Ванессой в карете и тем самым несколько успокоиться самому и поднять ей настроение.

Дамиен пробормотал проклятие и, встряхнув головой, напомнил себе, что когда-то он поклялся не повторять роковой ошибки своего папаша и не дать страсти свести себя раньше срока в могилу.

Тем не менее с мучившим его вождением нужно было что-то делать. Он по-прежнему желал только одну Ванессу, в чем убедился, устояв от соблазнов на вечеринке в доме Клуна. Такое развитие событий не устраивало Дамиена, и он продолжал мучительно искать выход из сложившегося положения.

Он стиснул зубы, признав, что случилось именно то, чего он всегда опасался: всеми его помыслами и чувствами овладела одна женщина, и лишь она могла унять пылающую в нем

страсть. Переубедить себя в этом не имело смысла, оставалось одно — собраться с духом и ждать, во что выльется вся эта история.

Из размышлений его вывел стук копыт какой-то другой лошади. Дамиен поднял голову и вздрогнул, разглядев в приближающейся к нему всаднице предмет своей страсти. Ванесса была одета в обыкновенный костюм для верховых прогулок, однако выглядела чудесно. Одного взгляда на нее было достаточно, чтобы Дамиен снова ощутил вожделение. Ванесса подъехала к нему и, остановив коня, промолвила:

— Мне нужно с вами поговорить, барон! Я хочу просить вас об одном одолжении...

— Я всегда готов служить вам, миледи, — с напускной учтивостью отвечал Дамиен, отметив, как аппетитно покраснели ее щеки и как волнующе вздымается грудь. К его удивлению, Ванесса спрыгнула с лошади и, отпустив ее щипать зеленую траву, уставилась на темнеющую за полем рощицу, словно бы намеренно избегая смотреть барону в глаза.

Одолеваемый любопытством, он терпеливо ждал, когда она начнет излагать свою просьбу.

— Я подумала, милорд, — наконец сказала она, — и пришла к заключению, что в создавшейся ситуации мне следует предпринять некоторые решительные шаги.

— Что вы имеете в виду, миледи? — с подчеркнутой учтивостью спросил Дамиен.

— Вы не можете не согласиться со мной в том, что наши отношения не остались без внимания общественности. За мной укрепилась скандальная слава падшей женщины. Вот я и подумала, что мне следует воспользоваться этим в своих интересах...

Дамиен удивленно вскинул бровь, все еще не понимая, к чему она клонит. Глубоко вздохнув, Ванесса выпалила:

— Я хотела бы взять у вас несколько уроков обольщения мужчин и удовлетворения их желаний!

Барон нахмурился и пробурчал:

— Я вас не понимаю...

Ванесса вскинула подбородок и, глядя ему в глаза, отчетливо произнесла:

— Я хочу знать все, что следует знать распутнице! Хочу научиться подчинять себе самого пресыщенного плотскими утехами распутника, с тем чтобы, когда вы меня покинете в конце лета, я могла бы обзавестись состоятельным любовником, не слишком обеспокоенным моим постыдным прошлым.

У Дамиена перехватило дух. Нет, она определенно шутит! Однако Ванесса продолжала развивать свою кощунственную мысль спокойным и тихим голосом, свидетельствующим о серьезности ее неправдоподобного на первый взгляд намерения.

— Я решила, что нужно поступать практично, отдавая себе отчет в том, что женщина, лишенная средств к существованию, обречена на моральное падение. Так уж устроен этот суровый мир! Я не могу его перестроить. Но в моих силах подладиться под его жестокие законы и извлечь из этого пользу. Вот почему я хочу стать дамой полусвета и, добившись на этом поприще успеха, помочь своим бедствующим сестрам.

От этих слов барон оторопел и потерял дар речи.

— Срок нашего договора истечет через два месяца, — продолжала Ванесса, не замечая, что взгляд барона остекленел. — За это время я хочу подготовиться к новому образу жизни. Я подумала, что, став притягательной для мужчин, я смогу со временем найти себе любовника по душе. Я была бы вам чрезвычайно благодарна, если бы вы, барон, помогли мне своими практическими советами. Ведь в искусстве обольщения вы непревзойденный мастер, и мне вряд ли удастся найти себе лучшего наставника, чем вы.

В голове барона воцарился хаос. Ванесса просила его обучить ее приемам, известным блудницам, с тем чтобы потом с их помощью вытягивать деньги из доверчивых богачей.

Ванесса развеяла остатки его сомнений, тихим голосом подведя итог всему сказанному ею ранее:

— Короче говоря, милорд, я хочу, чтобы вы превратили меня в распутницу.

Она закончила свой монолог подкупающей развратной улыбкой. Но глаза ее оставались при этом печальными. И, взглянув в них, Дамиен ощутил в горле ком и побагровел от охватившей его ярости. В голове его возникло множество вопросов, а в душу вкралось подозрение, что она просто-напросто вознамерилась вытянуть из него кругленькую сумму денег. Неужели Ванесса Уиндем ничем не отличается от всех своих корыстных предшественниц? Неужели ею движет холодный тонкий расчет? Может быть, она только прикрывает свои непомерные аппетиты заботой о бедных сестрах? Однако странно, что она не требует, чтобы он женился на ней, а лишь просит обучить ее искусству обольщения других богачей! Выходит, она обернула его же оружие против него самого! И поразила его в самое сердце!

Барон сделал глубокий вдох и попытался взять себя в руки. Если мыслить трезво, подумал он, то ему нужно не возмущаться, а радоваться такой просьбе. Если Ванессе удастся найти себе богатого покровителя, то ему уже не придется терзаться чувством своей вины за то, что он разрушил ее жизнь. Теперь он вправе относиться к ней хладнокровно, как к исполнительнице условий их взаимовыгодной сделки, и не более того.

Но Дамиен почему-то не был уверен, что сможет это сделать.

Рассуждая логически, ему следовало признать, что просьба Ванессы предполагает прекрасное решение всех их проблем. Он получал возможность предаваться с ней сладострастным забавам, не заботясь о последствиях и радуясь тому, что наваждение, обуявшее его, постепенно исчезнет само собой и он, пресытившись роскошным телом Ванессы, без особого сожаления расстанется с ней.

Так отчего же он опасается, что не перенесет условий их нового соглашения? Почему его охватило неприятное ощущение, напоминающее панику? Откуда возникла эта подозрительная тяжесть в сердце?

Дамиен встряхнул головой, отгоняя все страхи и сомнения, и чужим голосом произнес:

— Хорошо, моя радость. Я постараюсь выполнить твои пожелания.

Занятия Дамиен предложил начать в тот же день, поскольку не видел разумных причин их откладывать.

За окном моросил дождик, холодный сумрак в спальне привносил в атмосферу их первого

дневного randevу оттенок отчужденности и бесстрастности. Ванесса ожидала барона, усевшись на диванчике. Он появился из тайного хода, одетый в бриджи, сапоги и рубашу с распахнутым воротом.

— Нет, моя прелесть, так любовника не встречают! — улыбнувшись, произнес он, заметив, как она бледна и напряжена. — Да, очевидно, придется начинать обучение с азов. Посмотри на себя в зеркало! У тебя такое лицо, словно бы ты ждала палача.

Он взял ее за руку и, нежно поцеловав в запястье, на котором пульсировала синяя жилка, с теплой улыбкой добавил:

— Запомни, мой ангел, первое правило: встречать любовника нужно с радостным выражением лица, чтобы он — подумал, что ты сгорала от нетерпения, поджидая его. А для того чтобы создать такое впечатление, лучше облачиться к его приходу в платье, подчеркивающее твои дамские прелести. Если желаешь, я помогу тебе переодеться, дорогая!

— Я справлюсь сама, благодарю, — срывающимся голосом ответила Ванесса, встала с дивана и пошла за ширму, чтобы надеть халатик. Дамиен сел на диванчик и крикнул ей вслед:

— Не забудь, мой ангел, что всем своим видом ты должна обещать любовнику удовольствие. Это столь же необходимое условие любовного свидания, как и декорации на сцене перед началом спектакля. Если ваша встреча происходит ночью, то не помешает зажечь свечи и поставить на столик графинчик с любимым коньяком твоего избранника. Все эти маленькие знаки внимания подчеркнут твое расположение к нему.

— А что нужно помнить, готовясь к свиданию с ним днем? — спросила она, надевая атласный халат кремового цвета.

— Дневная интимная встреча требует немного большего воображения. Цель же остается прежней: создать у мужчины впечатление, что он — единственный человек во всем мире, которому ты жаждешь отдаться, встречи с которым ждешь с замирающим сердцем.

Ванесса подумала, что именно так ждала она встречи с ним самим, и начала внимательно рассматривать себя, глядя в зеркало. Лицо все еще оставалось бледным и напряженным.

— Еще один полезный совет, — послышался бархатистый голос Дамиена, — Переодевайся на глазах любовника, медленно снимая каждый предмет туалета и следя за выражением его лица. Ты увидишь, как разгораются его глаза, как он возбуждается, и сама получишь удовольствие от этой игры. Ты ведь хочешь немного пощекотать себе нервы, подчиняя свой воле богатого клиента, не так ли?

При этих словах Ванесса вздрогнула, как от удара плетью, и подумала, что ей предстоит изрядно потрудиться, прежде чем она научится относиться к интимным встречам столь же хладнокровно, как Князь Порока. Она вскинула подбородок и величественно вышла из-за ширмы.

Барон внимательно оглядел ее с ног до головы и сказал:

— Неплохо, но для куртизанки несколько скромновато! Нужно быть более раскрепощенной, мой ангел!

Он встал с дивана и, подведя Ванессу к большому зеркалу, вынул у нее из волос заколки. Золотистые локоны рассыпались по ее плечам. Неуловимым движением Дамиен распахнул

полы халата, и в зеркале отразилась ее стройная обнаженная фигура. Скользнув по ней оценивающим взглядом завязтого негодяя-развратника, он промолвил:

— Такое великолепное тело, самой природой предназначенное для любовной утехи, не стоит прятать под одеждой.

Ванесса поежилась от нежного прикосновения к ее коже его пальцев, чувствуя, как все ее тело охватывает похоть.

— Нет, милая моя, не закрывай глазки! Смотри на себя! Он наклонился и поцеловал ее в шею, потом легким движением снял с нее халат и воскликнул:

— Взгляни, как ты прекрасна!

Она почувствовала, как он провел пальцем по ее спине, затем увидела его руки на своих грудях — и охнула, пронзенная тысячью раскаленных иголочек. Ее соски набухли и отвердели, щеки и шея стали пунцовыми. Ладони барона скользнули по ее животу и бедрам, затем снова начали ласкать груди. Дыхание Ванессы стало отрывистым и учащенным, она оттопырила зад и выпятила грудь.

— Ты прирожденная соблазнительница, — пробормотал Дамиен, просовывая язык ей в ухо. — Ради обладания таким шикарным женским телом любой мужчина не пожалеет состояния. Очувтившись же в твоих объятиях, он забудет, как его зовут.

Легкий вздох сорвался с ее губ. Барон прижался низом живота к ее ягодицам, и она почувствовала, как его отвердевшее мужское естество проникает в ее промежность. Охваченная жаром, Ванесса закрыла от удовольствия глаза, но Дамиен строго сказал:

— Нет, смотри! Ты должна все видеть.

Ванесса повиновалась. Его пальцы нежно поглаживали груди и живот, теребили разбухшие соски, похожие на розовые бутоны. С каждым мгновением Ванесса все сильнее нуждалась.

— Мне хочется ласкать тебя бесконечно долго, дотрагиваясь до самых сокровенных участков твоего тела, — шептал ей на ухо Князь Порока, — покрывать тебя своими поцелуями, согревая своим дыханием твою бархатистую кожу.

Его страстные поцелуи повергали ее в трепет, она млела от прикосновений его пальцев к ее соскам, плотнее прижимаясь задом к его напрягшемуся фаллосу. Глаза ее подернулись поволокой, лицо покраснелось, обретя откровенно похотливое выражение. До знакомства с Дамиеном она и не предполагала, что настолько порочна, и сейчас с удовольствием разглядывала в зеркале свое обнаженное тело, извивающееся в умелых руках барона. Он то оттягивал ее соски, то потирал их, сжав пальцами, то целовал ее шею, то страстно дышал и сосал мочку уха, просовывая язык в ушную раковину. Внезапно его рука соскользнула ниже, к ее таинственным темным кущам на лобке, и палец проник в ее огнедышащую потайную пещеру, в которой было тепло и сыро, словно в оранжерее, где росли экзотические цветы. Из груди Ванессы вырвался долгий и томный стон, и барон промолвил, одобрительно улыбнувшись:

— Запомни второй мой совет: не стесняйся громко выражать свои эмоции! Стоны блудницы возбуждают мужчину, от них он вспыхивает, как порох. О, я вижу, что тебе нравятся мои ласки, ты стала совсем мокренькой. Теперь можно погрузить в твое росистое лоно еще один пальчик. Я немного ими подвигаю, и тебе станет еще приятнее.

Ванесса вскрикнула в полный голос, пронизанная блаженством, словно молнией, лепестки ее ароматного бутона набухли и покрылись капельками нектара. Вся ее промежность пылала, она бесстыдно охала и стонала, закатывая глаза.

— Вот так, мой ангел! — подбадривал ее барон. — Не стесняйся, кричи что есть мочи, дай волю своим чувствам!

Груды ее набухли, она вся дрожала от страсти, дыхание ее участилось, над верхней губой выступила испарина, по бедрам текли липкие душистые струи, перед глазами все плыло...

Внезапно она задергалась, потрясенная мощнейшим оргазмом, охнула, вытаращив глаза, и обмякла в руках Дамиена.

Он не преминул этим воспользоваться в своих интересах: взял ее за плечи и наклонил вперед, так, что она вынуждена была упереться руками в стену, чтобы не упасть. Затем он извлек из панталон свой внушительный фаллос и, упершись головкой в ложбину между ягодицами Ванессы, осевшим от страсти голосом приказал ей:

— Расслабься, мой ангел! Все будет хорошо! Поняв его намерения, Ванесса затаила дыхание и шире раздвинула ноги. Секунды ожидания показались ей вечностью. С неторопливым изяществом большого мастера своего дела барон примерился и резко вогнал свой любовный меч в ее потайной проход по самую рукоять. На мгновение свет померк в ее глазах, она взвизгнула и наклонилась еще ниже. Князь Порока удовлетворенно зарычал и начал быстро работать торсом. Ванесса замотала головой и повела бедрами. Барон крепче сжал их своими сильными руками и усилил натиск. Даже если бы Ванессе захотелось ретироваться, ей не удалось бы это сделать. Раскаленный меч, казалось, пронзал ее насквозь. Постепенно боль превратилась в райское наслаждение, ритмичные мощные толчки Дамиена приводили Ванессу в иступление. Она задрожала, охнула и принялась сама вертеть бедрами, чтобы обострить необычные ощущения и насладиться ими в полной мере. Груды ее налились, соски отвердели, дыхание участилось, она словно бы превратилась в клубок переплетенных эмоций. После очередного толчка ее свело судорогой, из глаз посыпался слезы, из раскрытого рта вырвался утробный стон. Дамиен тоже вскрикнул, как дикарь, и, содрогнувшись, проливая ее лоно семя. Подхваченная теплой ласковой вол-Ванесса улетела к сверкающим звездам...

Очнувшись, она обнаружила, что стоит, упершись руками в стену и расставив ноги, в довольно-таки неудобной позе.

— Для первого урока это весьма неплохо, — бархатистым баритоном похвалил ее Дамиен, застегивая пуговицы на панталонах. — Закрепив свои навыки, ты станешь первоклассной кокоткой, мой ангел.

Последнее замечание разрушило хрупкое очарование момента. Вернувшись в суровую реальность, Ванесса распрямилась, ощущая тягостную пустоту в своей еще не остывшей потайной пещере. Дамиен в точности исполнил ее просьбу: преподал ей хороший урок, сопроводив его полезными советами. Но почему-то Ванессу охватило отчаяние, она зябко поежилась. Еще никогда в жизни она не чувствовала себя такой удовлетворенной. Но вселившаяся в ее тело холодная пустота пугала. Слегка покачиваясь на ватных ногах, Ванесса побрела к ширме одеваться.

Глава 13

Первый урок разврата оказался весьма болезненным, однако Ванесса сочла его очень полезным и вознамерилась продолжать брать уроки у Князя Порока. Раз уж он пошел ей

навстречу и согласился обучить искусству обольщения, нужно отбросить все эмоции и терпеливо постигать эту трудную науку.

Дамиен на деле доказал ей, что он великолепный наставник. Занятия теперь проводились не только ночью, но и днем, а также по утрам. Для уроков Дамиен и Ванесса использовали время, пока Оливия принимала ванны или массажные процедуры. Помимо практических занятий, барон читал своей ученице лекции по теории обольщения: объяснял, как подогреть коньяк и подавать его любовнику, как пользоваться духами и ароматическими маслами, как создавать нужный антураж в своем будуаре, как пробуждать в мужчине похоть.

— Помни, что любовь — это искусство, а ты — актриса, — любил повторять он.

— Но раньше вы говорили, что любовь — это игра, барон, — возражала она.

— Разница не столь уж и велика, — с улыбкой парировал он. — И не перебивай своего учителя, лучше слушай и запоминай. Научись владеть своим телом так, чтобы каждое твое движение воспламеняло в любовнике страсть. Своей реакцией на его ласку ты можешь его возвеличить, а можешь и низвергнуть в пропасть. Создавай у него впечатление, что тебе нравится к нему прикасаться. Твои глаза должны повергать его в трепет. Когда же он будет дотрагиваться до тебя, нужно изображать восторг и страстность, намекая, что ты по нему истосковалась.

Опытность Дамиена в любовных утехх поражала Ванессу, а его методика возбуждения доказывала, что он волшебник, способный разжечь ее самые темные желания.

Она постоянно находилась во власти его чар. Стоило Дамиену лишь взглянуть на нее своими серебристыми глазами, как она начинала млеть от вожделения, уверенная в том, что он действительно ее страстно хочет. Но остатки здравого смысла, чудом сохранившиеся у нее вопреки регулярным интенсивным урокам беспутства, иногда подсказывали ей, что это только один из приемов непревзойденного барона соблазна.

Особое внимание Дамиен уделял процессу раздевания чины. Он заставлял Ванессу медленно снимать с него одежду, а потом ложился на диван и предлагал ей изучать свое тело.

Поначалу его бесстыдство ее смущало, но потом стало возбуждать. Обнаженный Дамиен казался ей языческим богом. Его изумительные формы повергали ее в благоговейный трепет, особенно — огромный подрагивающий фаллос.

Дамиен с улыбкой наблюдал за ней из-под полуопущенных век, обрамленных длинными черными ресницами. Завороженная его взглядом, Ванесса впадала в транс и, раскрыв рот, смотрела, как он сжимает свой разбухший член в кулаке и начинает медленно двигать рукой вниз и вверх.

— Тебе нравится смотреть на меня, мой ангел? — спрашивал при этом он.

— Очень, — шепотом отвечала Ванесса и облизывала пересохшие от волнения губы.

— Тогда приблизься и поласкай меня!

Она с удовольствием присаживалась на край дивана и начинала гладить его грудь и бедра, не уступающие своими формами мраморным фигурам древнегреческих героев. И когда она, судорожно вздохнув, двумя руками сжимала фаллос, то на миг свет мерк у нее перед глазами, а в лоне вспыхивало пламя.

Распалившееся воображение рисовало ей красочные картины их предыдущих интимных свиданий. В памяти воскресали уже испытанные ею острые ощущения. С особой нежностью поглаживала она лиловую бархатистую головку органа, доставившего ей столько чистой радости и неземного удовольствия. Пальцы непроизвольно сжимали крепкий ствол, опутанный набухшими пульсирующими жилками, и в ее самом сокровенном месте тотчас же тоже возникала легкая пульсация.

Глаза Дамиена подергивались дымкой, его дыхание становилось громче и учащенное, лоно Ванессы испускало нектар, терпение ее лопалось, и она, задрвав подол юбки, бесстыдно усаживалась верхом на Дамиена. Он хватал ее за крутые бедра и принимался яростно вгонять в нее свой нефритовый жезл.

Ванесса быстро приходила в неистовство и, закинув голову, с надрывом умоляла его:

— Глубже! Еще! Еще! Еще!

Он не щадил ее в такие мгновения, отчего ей становилось так хорошо, что она, зажмурившись, пускалась на нем вскачь. Он помогал ей, ритмично подбрасывая вверх ударами снизу. Словно опасаясь упасть на полном скаку с кровати на пол, Ванесса плотнее прижималась низом живота к его лобку и отчаянно вертела задом до тех пор, пока из ее груди не вырывался дикий стон и она, содрогнувшись, не падала ничком на его вздымающуюся мускулистую грудь.

Очнувшись от легкого обморока, Ванесса обнаруживала, что урок продолжается. Барон с прежним воодушевлением овладевал ею, снисходительно приговаривая:

— Твое усердие похвально, дорогая, но придется повторить все сначала, чтобы научиться владеть собой. Вперед, мой ангел!

Изнурительные практические занятия так изматывали Ванессу, что она долго не могла потом отдышаться и унять дрожь в коленях. К своему ужасу, она к тому же обнаружила, что не способна защититься от его эротических чар. Магнетизм барона воздействовал на нее, как дурманное зелье: возбуждал, опьянял и лишал ее воли к сопротивлению. Более того, Ванесса пристрастилась к своим новым греховным занятиям и уже не могла без них обходиться. Оставалось ей лишь одно — сдать на милость коварного искусителя.

Но еще опаснее были нежные чувства, просыпавшиеся в ней в минуты полной расслабленности после утоления желания.

Порой она ловила себя на том, что забыла, как очутилась во власти Князя Порока. Был только один способ защитить от Дамиена свое сердце — это вытравить из него эмоции.

Барон наставлял Ванессу не только в искусстве владения своим телом, но и в житейских вопросах, знание которых ей могло пригодиться в будущем как куртизанке. Он объяснял, что потребуется от нее за пределами будуара, в светских салонах и фешенебельных гостиных лучших домов Лондона. Давал советы по части выбора украшений и туалетов, квартир и экипажей. Рекомендовал ей проявлять неподдельный интерес к занятиям своих будущих покровителей, всегда поддерживать светский разговор, почаще улыбаться, не выказывать усталости и скуки, стараться выглядеть обворожительной и независимой.

— Разумеется, женская красота — это основа успеха куртизанки, но не только внешние данные делают женщину желанной, — сказал однажды он с загадочным видом.

— В самом деле? И какие же именно женские добродетели могут заинтересовать мужчину?

— Очень многие: острый ум, хорошие манеры, обаяние, непосредственность, интуиция, наблюдательность, отзывчивость. Обладая такими качествами натуры, даже невзрачная провинциалка имеет шанс завоевать сердце джентльмена.

— А вам, милорд, встречались настолько привлекательные и очаровательные дамы, что вы не могли перед ними устоять?

— Да, и не раз! Но я быстро разочаровывался в них. Признаться, я предпочитаю никем надолго не увлекаться, чтобы не повторить роковую ошибку отца.

Вспомнив, что барон однажды рассказывал ей печальную историю, приключившуюся с его родителями, Ванесса задумалась. Не в ней ли причины замкнутости барона Синклера? Не потому ли он столь неожиданно прекратил приходить к ней по ночам, что испугался собственных чувств? Неужто трагическая судьба отца так потрясла Дамиена, что он зарекся идти по его стопам? Ванессе стало грустно, однако она заставила себя улыбнуться: ведь в ее нынешнем положении позволить себе искренне выражать чувства было для нее непозволительной роскошью! Впасть же в меланхолию было просто опасно.

Порой в душу Ванессы закрадывалось сомнение, что она сумеет собраться с духом и воплотить свой план стать куртизанкой в реальность. Ей было противно представлять себя в постели с чужим мужчиной, своим единственным любовником и покровителем она хотела видеть только Дамиена Синклера.

Но рассудок упрямо твердил ей, что замысел ее верен и после уроков, взятых у Князя Порока, она без труда обворожит любого состоятельного джентльмена и решит все свои финансовые проблемы, в частности спасет от нищеты своих бедных сестер.

Когда же волна отчаяния грозила накрыть ее и увлечь в пучину депрессии, Ванесса решительно гнала тоску прочь, утешаясь мыслью, что не она первая вознамерилась пойти к благополучию этим скользким извилистым путем. История человечества знает немало добившихся успеха кокоток, куртизанок, ночных бабочек, райских пташек, твердила себе она. Однако вслед за этим напрашивалась горькая правда, заключающаяся в том, что все они — обыкновенные потаскухи. Да, она собиралась стать публичной девкой, пусть и элегантной, но все же шлюхой. Это ей следовало зарубить у себя на носу и не рисовать свое будущее в розовых тонах.

Если Господь наделил ее красотой, так почему бы ей мим не воспользоваться? Ведь что ни говори, лучше быть продажной свободной женщиной, чем бесправной женой деспота, целиком зависящей от его прихотей. Став куртизанкой, она обретет долгожданную свободу и отряхнет оковы притворной общественной морали и зависимости от великосветских лицемеров.

Сделав такой вывод, Ванесса начала еще прилежнее изучать и, уроки Дамиена и с удвоенным рвением закреплять их и время практических занятий.

С особой тщательностью барон наставлял ее в искусстве владеть своим телом.

— Ты способная ученица, мой ангел, — говорил при этом он. — Но тебе еще многому нужно научиться. Пока что ты лишь начинаешь познавать глубину своей страстности, делаешь первые робкие шаги в искусстве любви.

И барон стал знакомить ее с особенностями воздействия на человеческие чувства ароматических веществ — кремов, духов и масел. Потом, желая закрепить урок практическим занятием, он расстелил на кровати поверх парчового покрывала несколько простыней и велел

Ванессе снять платье. Когда она осталась голой, он уложил ее на кровать и начал натирать ее тело ароматическим маслом. Его руки так умело массировали ее шею, плечи, руки, живот, спину, ягодицы и бедра, что постепенно она ощутила приятное жжение. Лежа на спине, Ванесса следила за проворным движением его пальцев, едва прикасавшихся к ее животу и бедрам, но доставлявших ей при этом колоссальное удовольствие.

Дамиен на мгновение прервал массаж и, пристально взглянув ей в глаза, сказал:

— Сейчас будь особенно внимательна и все запоминай! Этим способом ты когда-нибудь воспользуешься сама, если тебе придется иметь дело с мужчиной, по каким-то причинам неспособным в достаточной мере возбудить тебя так, чтобы твое лоно увлажнилось перед соитием. Показываю!

И, повертев у нее перед носом растопыренными масляными пальцами, он наклонился и деловито ввел ладонь в ее пещеру удовольствия, надавив подушечкой большого пальца на чувствительный бугорок в основании лобка.

Ванесса ахнула и, содрогнувшись от охватившего ее блаженства, закрыла глаза, забыв, что нужно следить за каждым движением мастера. Вскоре она погрузилась в мир неземных наслаждений и тихонько постанывала, поводя крутыми бедрами.

В другой раз Дамиен объяснил ей, как пользоваться для подобных утех розами. Для этого он заставил ее раздеться то чулок и корсета и, встав напротив зеркала, взглянуть на свое отражение.

Ванесса покраснела, увидев, как бесстыдно она выглядит в таком виде: соски отчетливо вырисовывались под кружевом, а лобок вообще остался неприкрытым.

— Кстати, напомни мне, когда мы поедем в Лондон, что нужно купить тебе другой, более изящный корсет. Этот слишком простоват, чтобы подчеркнуть в должной мере всю красоту твоего бюста.

— А мы действительно поедем в Лондон? — прищурившись, спросила Ванесса.

— Разумеется! Лондон — лучшее место для поиска покровителя, мой ангел. Разумеется, мы будем действовать скрытно, представляя тебя компаньонкой моей сестры. Но тебе пора начать привыкать к лондонскому полусвету, иначе потом ты можешь вовремя не распознать грозящую тебе опасность. Ведь в злочных заведениях, в которых тебе придется побывать, опасности подстерегают женщину на каждом шагу. Мир страстей полон коварства!

— Я надеюсь, что Князь Порока научит меня, как избежать беды? — с улыбкой спросила Ванесса.

— Обязательно, мой ангел! А сейчас подойди ко мне. Он сидел в кресле, держа в руке алую розу на длинном стебле. Покраснев до корней волос, Ванесса встала напротив него, раздвинув ноги и выпятив груди.

Дамиен скользнул изучающим взглядом по ее обнаженным прелестям, улыбнулся и, погладив цветком соски, принялся дотрагиваться бархатистыми лепестками до срамных губ.

Ванесса судорожно вздохнула. Глаза ее округлились.

Дамиен оторвал от цветка лепесток и протянул его ей:

— Попробуй теперь сама!

— А что нужно делать?

— Поласкать им себя!

Щеки Ванессы стали пунцовыми, но барон стоял на своем:

— Учти, мой ангел, что твой будущий любовник, возможно, не всегда будет удовлетворять тебя. И вот тогда-то роза поможет тебе восполнить его упущение.

Она неохотно подчинилась, взяла лепесток и провела им по своей промежности. Кровь вскипела у нее в жилах от необыкновенного ощущения, ей казалось, что возле ее сокровенного места порхает мотылек.

— Мне ужасно стыдно, — призналась она. — Ведь это так низко! Это настоящий разврат!

— Заблуждаешься, мой ангел! Истинный разврат у тебя еще впереди! А пока продолжай ублажать себя, не смущайся. Представь, что тебя гладят мои пальчики.

Ванесса снова откусила от сладкого запретного плода, и лепесток розы, которым она поглаживала преддверие лона, стал влажным от ее нектара.

Глаза Дамиена, внимательно следившего за ее действиями, потемнели от вожделения.

— Твои соски отвердели, милая, — прошептал он. — Означает ли это, что ты возбуждаешься?

— Да... Но не так, как от твоих прикосновений... — пролепетала она.

— Я тронут, — улыбнулся Дамиен. — Значит, ты готова к следующему уроку.

Он наклонился и, отстранив от промежности ее руку, крепко поцеловал ее в самое чувствительное местечко. Ванесса оцепенела.

— Обожаю аромат розы! — промурлыкал Дамиен и стал облизывать всю промежность.

Ванесса с трудом устояла на Ногах. Дамиен распрямился и, раздев ее полностью, уложил на кровать. Ее волосы рассыпались по подушкам, бедра непроизвольно раздвинулись, и горящему взору барона предстало восхитительное зрелище. Он сглотнул подступивший к горлу ком и стал раздеваться, хрипло говоря:

— Сейчас ты узнаешь, насколько приятен может быть подлинный разврат.

Ванесса покрылась испариной от охвативших ее сладостных предчувствий. Внутри у нее вспыхнул пожар. Голый и возбужденный Дамиен залез на кровать и, встав на колени между ее аппетитными бедрами, пронзил ее огненным взглядом. Но овладеть ею он не спешил, что еще больше заинтриговало Ванессу.

Барон наклонился к ее грудям, молящим о ласке, и стал обводить языком ее торчащие соски. Ванесса бесстыдно застонала.

— Сейчас я покажу тебе, как можно ртом довести человека до безумия... — прохрипел Дамиен.

Он принялся дразнить ее соски кончиком влажного языка, все сильнее возбуждая Ванессу

каждым своим прикосновением к ее нежнейшей коже, пронизанной сетью сосудов. Наклонившись еще ниже, он стал лизать ее темную ароматную расселину, поросшую курчавыми волосами. Ванесса закинула голову и повела бедрами. Дамиен впился ртом в промежность и прикусил ее трепетный бутончик. Она завизжала.

Барон вошел во вкус и стал облизывать ее заветное местечко, располагающееся чуть пониже в ложбине темных страстей. Ванесса утробно застонала, соски ее встали торчком, спина выгнулась дугой, тело затрепетало, низ живота обдало жаром.

— Я хочу целовать тебя повсюду, моя радость! — приговаривал Дамиен. — Хочу изучить все твои выпуклости и углубления, сделать своими все твои сокровенные уголки. Хочу слышать твои громкие стоны и томные вздохи, ведь они сводят меня с ума...

По бедрам Ванессы пробежали огненные струйки, воображение стало рисовать ей непристойные картины, рассудок помрачнел, зато чувства обострились.

— Я хочу, чтобы ты произносила мое имя, изнемогая от похоти, кричала его в исступлении экстаза, — шептал барон, творя языком чудеса, обжигая ее своим жарким дыханием, доводя до безумства своими поцелуями. И все это он делал с большим чувством, не спеша.

Ванесса хрипло зарычала. Угадав ее желание, он ввел в ее росистое лоно сжатые пальцы и принялся ритмично двигать рукой, продолжая облизывать промежность, горячую и липкую от естественных соков. Она еще выше задрала свои согнутые в коленях ноги, словно бы приглашая Дамиена войти в нее.

Он судорожно втянул ноздрями воздух и впился ртом в ее распускающийся бутон.

Ванесса ахнула и, не в силах терпеть его умопомрачительные ласки, попыталась вывернуться. Дамиен сжал ее запястья и стал активнее лизать темную расселину. Сок хлынул оттуда ручьями, перепачкав ему губы и подбородок. Он удовлетворенно облизнулся и возобновил свое занятие, причмокивая от удовольствия, как счастливый младенец. Стоны Ванессы стали громче, эмоции захлестывали ее. Она металась на кровати, закинув голову и вытаращив глаза. Дамиен хрипло выкрикивал эротические слова, что-то о том, как сильно он ее хочет. Его зубы впились в ее нежную розовую плоть, язык дразнил тончайшие перепонки, дыхание становилось все учащеннее.

— Дамиен! — взмолилась Ванесса. Он медленно лизнул ее всей шершавой поверхностью своего длинного языка, и она затряслась в экстазе, не стерпев этих сладчайших мучений. Сок брызнул из ее горячего лона ему в лицо, промежность свело судорогой. Дамиен распрямылся и, не торопясь, вошел в нее.

Перед глазами у Ванессы поплыли оранжевые круги. Она дико взвыла и, выгнувшись дугой, принялась двигаться в одном темпе с ним. Дамиен вдохновенно работал торсом, издавая дикие крики и рычание. Наконец Ванессу словно бы пронзило молнией, и она затрепетала в его объятиях. Барон потерял самообладание и впал в экстаз, мощный и ослепительный. Они обнялись и вместе провалились в сладостное забытие...

Когда же они вернулись в реальность, то обнаружили, что не хотят разжимать объятия, и, прижавшись друг к другу, задремали. Отдохнув, Дамиен перекатился на спину и почувствовал что кожа на спине саднит, поцарапанная Ванессой в экстазе. Он усмехнулся, вспомнив, как пронзительно и дико она кричала. Значит, он довел ее до исступления и на этот раз, полностью удовлетворив все ее тайные вожеления. Но при этом и сам он испытал райское наслаждение.

Значит, он заблуждался, надеясь, что со временем насытится ею! Следовательно, ему не удалось избавиться от наваждения. Его страсть не угасла, а вспыхнула с удвоенной силой. План его провалился, не исполненный и наполовину. Ванесса не насыщала его, а лишь пробуждала в нем сексуальный голод, причем такой, какого он еще никогда не испытывал. Ему хотелось снова и снова овладеть ею, слипаться с ней в одно целое, превратиться в ее наваждение.

Дамиен мысленно чертыхнулся и решил, что пора вывезти Ванессу в Лондон. Чем быстрее она найдет там себе нового покровителя, тем скорее сам он обретет покой. Ему было не впервой сбывать с рук любовницу, так что он расстанется с ней без особых огорчений, как и с ее предшественницами.

Он умышленно не стал строить догадок о том, что почувствует, узнав, что Ванесса наконец-то отдалась другому.

Ведь именно к этому все и шло с самого начала их странной сделки. Он обучит ее искусству обольщения и, благословив напоследок, пожелает ей счастья с новым любовником, способным по достоинству оценить все ее добродетели.

Глава 14

Все было окончательно решено: в Лондон они отправлялись в следующий понедельник, поскольку, как сказал Ванессе Дамиен, в этот день ему требовалось лично присутствовать при завершении одной важной сделки. Ванесса же в это время получала возможность пройтись по магазинам и пополнить свой гардероб. Оливия с воодушевлением поддержала эту идею.

Как ни настаивала Ванесса на том, чтобы она тоже поехала с ними в Лондон, Оливия упорно отказывалась, утверждая, что еще не готова к утомительному путешествию за пределы родных пенатов. По секрету она призналась своей компаньонке, что ей хочется отдохнуть от назойливой опеки брата и насладиться покоем в одиночестве.

Ванессе оставалось лишь утешаться соображениями, что в конце лета ей все равно придется расстаться с Оливией. К тому же в Лондоне барон намеревался пробыть всего несколько дней, и эта непродолжительная разлука могла стать своеобразной проверкой готовности Оливии к самостоятельной жизни.

Нужно было предупредить о своем отъезде брата и попросить его воздержаться от randevu с Оливией на недельку-другую. Но брат вот уже несколько дней как не появлялся, вероятно, опасаясь случайно встретиться с Дамиеном. Впрочем, подумала Ванесса, его исчезновение могло объясняться тем, что он наконец-то обрел душевное равновесие и перестал испытывать потребность униженно вымаливать у девушки прощение.

Брат объявился накануне отъезда Ванессы из усадьбы, когда она, уединившись после полудня в парке, читала книгу в тени развесистого вяза. К счастью, вокруг не было ни души.

— Где ты пропадал? — спросила Ванесса у брата, как только он сел рядом с ней на скамейку. — Я подумала, что ты уехал домой.

— Как могла ты предположить такое, сестра? — с укором воскликнул Обри. — Просто я не мог выкроить ни одной свободной минуты. Ведь я поступил на службу.

— Ты меня разыгрываешь? — с недоверием спросила Ванесса.

Обри вздохнул и развел руками.

— Очень жаль, что родная сестра перестала мне верить, но я, видимо, заслуживаю того своим ужасным поведением. Нет, дорогая Ванесса, я говорю вполне серьезно: теперь я служу одному богатому господину по имени Джонас Гудвайн. Он недавно купил имение Брантли-Холл, а в скором времени получит титул баронета. Я обучаю его джентльменским манерам.

Ванесса всплеснула руками: услышанное поразило ее не меньше, чем признание Обри в любви к Оливии.

— Я выступаю в роли его личного секретаря, — продолжал свой невероятный рассказ. — На деле же мои обязанности сводятся к даче мистеру Гудвайну полезных житейских советов. Ему льстит, что у него в услужении находится виконт. Что с тобой, сестричка? Почему ты вытаращила глаза? Что в этом удивительного?

— И ты еще спрашиваешь! — возмущенно воскликнула Ванесса, поборов оторопь. — Какой черт дернул тебя пойти и лакеи?

— Откровенно говоря, мне надоело бездельничать, — признался брат, сделав серьезное лицо. — Все напасти, свалившиеся на меня, возникли от праздности. Не могу же я вечно рассчитывать только на тебя, мне давно пора самому зарабатывать на жизнь. Нынешняя служба меня устраивает, за свои труды я получаю хорошее вознаграждение. Если так пойдет и дальше, то в скором времени я расплачусь со всеми своими кредиторами.

Он потупился и, понизив голос, добавил: — Я не могу себе простить, что вынудил тебя стать содержанкой барона Синклера. Я понимаю, что мне никогда не искупить свою вину перед тобой, Ванесса, но обещаю приложить все усилия, чтобы доказать тебе, что ты не зря пошла на такую жертву.

От волнения Ванесса едва не пустила слезу умиления. У нее запершило в горле. Наконец-то ее беспутный братец взялся за ум! Его намерения заслуживали похвалы. Но вот надолго ли ему хватит терпения вести добропорядочную жизнь?

— Надеюсь, что со временем у тебя все наладится, — произнесла наконец она.

— Я постараюсь добиться расположения Оливии. Усадьба Брантли-Холл находится всего в десяти милях отсюда, так что я смогу иногда навещать ее, хотя бы тайно, до тех пор, пока об этом не проведают барон или же она сама не велит мне исчезнуть с ее глаз.

— Кстати, Обри, — спохватилась Ванесса, — я чуть было не забыла предупредить тебя, что завтра мы с бароном уезжаем в Лондон.

Обри нахмурился, всерьез встревоженный этим известием.

— Не кажется ли тебе, Ванесса, что это опрометчивый шаг? В Лондоне твоя тайная связь с Дамиеном может стать явной, и тогда тебе не миновать сплетен. Что скажут люди, увидев тебя в обществе Князя Порока?

— Но я остановлюсь в своем доме! И потом, в Лондоне мы пробудем всего несколько дней, пока барон не уладит свои дела. Мне кажется, что тебе лучше пока воздержаться от встреч с Оливией, во всяком случае, до моего возвращения.

— Почему? — Обри удивленно вскинул брови.

— До сегодняшнего дня, мой дорогой братец, я не противилась вашим встречам, поскольку сама на них присутствовала, — ответила, глядя в его потемневшие карие глаза, Ванесса. — Мне казалось, что ваши тайные свидания благотворно сказываются на ее здоровье. Но я бы не хотела, чтобы ты вновь ненароком ее обидел, оставшись с ней наедине. Ты и без того причинил ей много вреда. Я не хочу рисковать.

— Значит, я не пользуюсь твоим доверием, сестра? — с искренним сожалением, граничащим с душевной болью, воскликнул Обри. — Я люблю Оливию и вырву себе сердце, если снова ее обижу.

Ванесса встревоженно и подозрительно посмотрела на брата, не на шутку озабоченная такой клятвой. Да вполне ли он здоров? Не помутился ли у него рассудок? А может быть, он действительно влюблен в Оливию? Если так, то имеет ли она право вмешиваться в их отношения? Не навредит ли она их счастью?

— А что говорит об этом Оливия? — спросил Обри.

— Мы не обсуждали это в последнее время.

— Так спроси, хочет ли она, чтобы я исчез. Я поступлю так, как она скажет. — Он встал со скамьи и добавил: — Тебе, конечно, трудно верить мне после всего того, что ты пережила по моей вине, но я действительно стал другим.

После его ухода Ванесса еще долго не могла успокоиться и размышляла над его словами.

Она допускала, что подлинная любовь может изменить мужчину и что такое случилось с ее братом. Полюбив Оливию, он задумался над своей жизнью и, потрясенный ее ничтожностью и убогостью, поклялся впредь жить по-другому.

Но даже если легкомысленный прежде Обри претерпел столь поразительную метаморфозу, то почему бы Дамиену Синклеру тоже не перемениться?

Возможно, он и позволял себе некоторые вольности в плотских утехах, однако был не настолько испорчен и развращен, как она предполагала поначалу. Он еще не окончательно погряз в пороке, у него сохранились остатки совести, о чем ярко свидетельствует его трогательная забота о своей сестре. Всякий, кто видел, как он печется о ней, мог бы сказать, что у него доброе сердце.

А при его возможностях и богатстве Дамиен, конечно же, мог добиться в жизни гораздо большего, принести людям еще очень много добра! Но ему требовался побудительный мотив, чтобы пересмотреть свои взгляды на окружающий мир, и таким мотивом могла бы стать истинная любовь. Однако больших надежд на то, что свершится чудо и Князь Порока отдаст ей свое сердце, Ванесса не испытывала, барон ей казался слишком неприступным. Она не осмеливалась даже надеяться, что он влюбится в нее.

Впрочем, надежда на это все же теплилась в ее сердце, порой пробуждая в теле неукротимое вожделение. Вот и теперь внезапный приступ похоти пронзил ее плоть с такой силой, что она даже перепугалась и заерзала на скамейке. Усилием воли погасив вспыхнувшее в жилах пламя, она заставила себя собраться с мыслями и обдумать сложившуюся ситуацию серьезно, не отвлекаясь на глупости.

Позволить себе витать в розовых облаках романтических фантазий она не могла. Самое разумное в ее нынешнем положении было по-хорошему завершить отношения с Дамиеном, а

потом уехать в Лондон и начать привлекать к себе внимание богатых поклонников.

Только так ей удастся изменить свою жизнь к лучшему. А когда ей наконец-то улыбнется удача, она забудет о своем мимолетном романе с обаятельным Князем Порока.

Если бы во время путешествия в Лондон Ванесса не принимала близко к сердцу угрюмый вид Дамиена, становившегося все более мрачным по мере того, как экипаж приближался к городу, она получила бы от него больше удовольствия. По прибытии на место барон даже не дал ей времени отдохнуть. Доставив ее в особняк Ратерфордов, он настоял на том, чтобы она быстренько умылась и переделась и уже спустя час повез ее в музыкальный театр «Друри-Лейн». После спектакля барон пригласил ее в Зеленую гостиную, где отдыхали актеры, и заставил наблюдать, как молоденькие актрисы договариваются о свидании со своими темпераментными обожателями, ищущими их благосклонности.

Отвозя Ванессу домой, Дамиен не проронил ни слова.

Следующий вечер они провели в игорном доме, чтобы Ванесса изучила правила азартных игр и не выглядела белой вороной рядом со своим будущим покровителем, если тот окажется заядлым игроком и завсегдаем подобных заведений.

Ванессу покорило лишнее напоминание о ее жалком жребии, но еще сильнее задела ее бесстрастный взгляд и холодный тон Дамиена. Однако она не выказала недовольства и даже сумела изобразить на лице веселость и беззаботность.

Вечером следующего дня барон повез ее на костюмированный бал, где она могла созерцать флирт не слишком респектабельных дам с их кавалерами и учиться премудрости обольщения у засидевшихся в невестах старых дев, распушивших хвост перед неказистыми женихами, которых они пытались заманить в свои дырявые сети.

Все эти странные экскурсии в мир порока Дамиен объяснял желанием познакомить Ванессу с его нравами и порядками. Сам он чувствовал себя в зыбком сумрачном царстве суетных удовольствий столь же уверенно, как и в блестящем благородном обществе. Ванесса быстро смекнула, что этот пошлый мирок является кривым зеркалом высшего света: жены здесь были не в почете, зато трогательное внимание джентльмены уделяли любовницам, демонстрируя завидную преданность.

Дабы предостеречь Ванессу от опасностей, таящихся в ее будущей профессии, Дамиен свозил ее на рынок Ковент-Гарден, где бойко шла торговля «живым товаром» для не слишком требовательных клиентов. Здесь фланировали и совсем юные блудницы с внешностью монашек, и потасканные уличные девицы, продающиеся за гроши. Жизнь этих падших женщин, опустившихся на самое дно большого города, была суровой и, как правило, недолгой.

Ванесса сделала из всего увиденного вывод, что по сравнению с ними находится в куда более выгодном положении: ведь она собиралась торговать собой только по высоким расценкам и к тому же выбирать покупателей по собственному усмотрению. При этом обязательным условием сделки было предоставление ей свободы и роскоши.

Чрезвычайно повезло ей и с наставником: Дамиен вел себя корректно и не осуждал ее за сделанный выбор, во всяком случае, вслух. И если порой она и замечала в его глазах гнев или раздражение, то предпочитала думать, что это игра ее воображения.

Днем дел у нее было не меньше, чем ночью: заботясь о ее внешнем облике, Дамиен возил ее по ателье модисток, специализирующихся по пошиву будуарных аксессуаров и сексуального

нижнего белья. Один из предметов ее туалета барон выбрал сам — это были белые замшевые подвязки с искусно вышитыми на них золотыми нитками розами.

Все ее робкие попытки протестовать против столь непомерных трат Дамиен отметал со свойственной ему галантностью, мягко возражая ей в том духе, что, мол, так он выражает ей свою благодарность за ее заботу об Оливии.

Но Ванесса не могла избавиться от ощущения неловкости и втайне вела учет стоимости всех его подарков, лелея в душе надежду, что когда-нибудь сумеет вернуть ему долг. Увы, расплатиться за подаренные им ей драгоценности она даже не надеялась, настолько они были дороги.

Перед поездкой в увеселительный сад Воксхолл-Гарденз барон подарил ей браслет и кольцо из крупных изумрудов в дополнение к роскошному вечернему платью. Браслет она сумела надеть сама, хотя и повозившись с хитроумным замком, но когда очередь дошла до ожерелья, Дамиен пришел ей на помощь. Ощувив горячей кожей прикосновение его холодных пальцев, она затрепетала: ведь он дотронулся до нее впервые за все время их пребывания в Лондоне! Каждый вечер он провожал ее до порога ее дома, сухо прощался и уходил, не пытаясь не только пройти в спальню, но даже обнять и поцеловать.

И сколько бы она ни убеждала себя, что он поступает так для ее же пользы, исподволь подготавливая к неизбежной разлуке, ее тело тосковало по его ласкам, на которые он не скупился еще совсем недавно, в пору их тайных ночных свиданий.

— Вы балуете меня, милорд, — сказала она, поводя плечами.

— Не более, чем я баловал всех твоих предшественниц, — холодно сказал Дамиен.

Пронзенная ревностью и обидой, Ванесса резко обернулась и замерла, потрясенная его элегантно-синим сюртуком и кремовым парчовым жилетом, строгость линий которых подчеркивала его холодный надменный облик. Она была потрясена его напоминанием о том, сколь мало она для него и сравнением ее с другими его любовницами. Ей не нужны были ни шикарные наряды, ни драгоценности, она жаждала дружбы, нежности, любви...

Судорожно вздохнув, Ванесса позволила Дамиену накинуть ей на плечи зеленую парчовую мантилью и, взяв его под руку, вместе с ним вышла на улицу. Забравшись в карету и откинувшись на спинку сиденья, она погрузилась в невеселые размышления.

Внезапно открывшаяся ей жуткая истина повергла ее в отчаяние: вопреки всем доводам разума и требованиям инстинкта самосохранения она влюбилась в Дамиена.

Все минувшие недели она обманывала себя, отказываясь признать, что очарована им окончательно и бесповоротно, околдована и заморожена им навсегда. Она не могла не поддаться обаянию его острого ума, обходительных манер, искренней заботы как о ней, так и о своей сестре, а в результате совсем потеряла голову. Ее сердце отныне принадлежало одному лишь ему, нежному и страстному любовнику, пробудившему в ней чувственность и освободившему ее от нелепых страхов.

Потрясенная этим открытием, Ванесса уставилась невидящим взглядом в окно кареты.

Как всегда, Дамиен угадал ее настроение и вкрадчиво спросил:

— Тебе нездоровится? Ты сегодня какая-то тихая, задумчивая. Что случилось?

— У меня слегка разболелась голова, — вымучив улыбку, ответила Ванесса.

Она встрепенулась и попыталась внушить себе, что оснований для паники у нее нет, все это только игра воображения.

Дамиен не должен знать, что он вдребезги разбил ее хрупкое сердце, она не нуждается ни в его сочувствии, ни в насмешках. И когда настанет час расставания, она не позволит себе глупых истерик, как его предыдущая содержанка, а просто холодно простится с ним раз и навсегда.

Ванессе уже доводилось бывать в Воксхолл-Гарденз, но это было еще до кончины ее супруга. В этих тенистых кущах с чудесными аллеями, посыпанными гравием и освещаемыми разноцветными фонарями, особенно приятно было летними вечерами: здесь играл оркестр, выступали вокалисты, устраивались грандиозные фейерверки, били фонтаны.

Неспешная прогулка успокоила Ванессу, а во время концерта она сумела привести в порядок мысли. В антракте Дамиен повел ее в буфет, где они отведали нежнейшей ветчины, нарезанной тончайшими ломтиками, жареных цыплят, пирога с голубиным мясом, клубники со сливками, вишен и фруктового мороженого.

Ванесса позволила себе немного крепкого пунша, и вскоре алкоголь ударил ей в голову. Вот почему она повела себя весьма легкомысленно, когда проходившая мимо их столика веселая компания, состоявшая из нескольких подвыпивших молодых людей и двух девиц в довольно скандальных платьях, остановилась, и один из джентльменов, узнав Дамиена, развязно воскликнул:

— Привет, Князь Порока! Присоединяйся к нам, старина! Мы идем развлекаться в Темный Уголок. Ха-ха-ха!

Все его спутники переглянулись и залились вульгарным смехом. Неожиданно для себя Ванесса улыбнулась и глупо хихикнула. Она слышала, что так называемый Темный Уголок славится творящимися там безобразиями. Влюбленные парочки, уединившиеся в гротах и беседках, порой так увлекались поцелуями, что не могли совладать с чувствами и переходили к непристойным взаимным ласкам. В результате неосмотрительные девицы теряли как свою невинность, так и доброе имя.

— И прихвати с собой свою даму! — добавил другой веселый господин, бесстыдно плясь на зардевшую Ванессу.

Вся компания прыснула со смеху, очевидно, приняв спутницу Князя Порока за даму полусвета.

Ванесса потупилась, а Дамиен помрачнел и сделал им рукой знак убраться восвояси. Но не успела Ванесса перевести дух, как на дорожке появилась прогуливающаяся парочка. Джентльмена Ванесса сразу узнала, это был лорд Хаутон, приятель ее покойного мужа. Но женщина, державшая его под руку, была ей не знакома. Судя по ее очаровательной внешности — красивому лицу, белокурым волосам с серебряным отливом и пышной фигуре, — это была одна из дорогих куртизанок.

Проходя мимо Ванессы и Дамиена, лорд Хаутон приветствовал их легким поклоном. Его прекрасная спутница мелодичным голосом воскликнула:

— Чарльз, дорогой, представь меня своим приятелям! Лорд Хаутон побагровел и, вновь кивнув Ванессе, промолвил:

— Леди Уиндем, лорд Синклер! Позвольте представить вам миссис Суонн, изумительную актрису.

Услышав это имя, Ванесса почувствовала головокружение и на миг онемела, поэтому ограничилась вежливым кивком.

— Я знакома с Князем Порока, — проворковала блондинка, — буду рада видеть вас, милорд, на моем новом спектакле в театре «Хеймаркет». Между прочим, миледи, я знала вашего супруга, — добавила она, хищно улыбнувшись.

— В этом нет ничего удивительного, — с трудом ответила Ванесса. — Мой покойный супруг был очень общительным человеком и обожал актрис.

Серебристая Лебедь стала для Роджера последней любовницей, именно из-за этой роковой красотки он и погиб на дуэли. Но скандальная слава ничуть не смущала актрису. Скривив в насмешливой улыбке пухлые алые губы, она горделиво вскинула подбородок и, дотронувшись указательным пальчиком до изумрудного ожерелья на своей шее — точной копии того, что было на Ванессе, воскликнула:

— У Князя Порока отменный вкус к драгоценностям, не так ли?

Кровь ударила Ванессе в голову, когда она сообразила, что оба кольца подарены Дамиеном.

— Да, вы правы, — с дрожью в голосе ответила она, чувствуя себя разъяренной и оскорбленной таким поворотом событий.

Лорд Хаутон, явно смущенный дерзкой выходкой своей спутницы, поспешил подхватить ее под руку и увести прочь.

Оставшись наедине с Дамиеном, Ванесса залпом осушила бокал с пуншем и взглянула барону в глаза.

Он потупился, и она, осмелев от выпитого спиртного, с вызовом спросила:

— Это одна из ваших бывших любовниц, барон?

— Да, но наш роман продолжался недолго, — виноватым тоном ответил он. — Впрочем, я никогда не пытался изобразить из себя монаха, миледи, и не скрывал от вас, что имел много любовниц в прошлом.

Ванесса вздохнула, подумав, что он вряд ли станет монахом и в обозримом будущем. Тот факт, что Дамиен не скрывал от нее свои многочисленные любовные связи, не мог смягчить удар, который она испытала, узнав, что он находился в интимной связи с женщиной, ставшей причиной нелепой гибели ее мужа. Как не мог он облегчить и внезапный приступ ревности, охвативший ее, который грозил повергнуть ее в отчаяние. Как она могла позволить себе надеяться, что он когда-нибудь станет другим, этот избалованный и самонадеянный ловелас, прозванный Князем Порока! Удрученная осознанием своей недалёковидности и наивности, Ванесса стиснула зубы и потупилась. Ей захотелось выпить допьяна, и она попросила Дамиена заказать еще графин пунша.

Когда они встали из-за стола, ноги ее подкашивались, а голова кружилась. Тяжело опираясь на руку барона, Ванесса неверной походкой добрела вместе с ним до берега реки, куда Дамиен привел ее посмотреть фейерверк, и окончательно отупела от грохота и ярких вспышек ракет,

взрывающихся в вечернем небе.

Возвращаясь с обзорной площадки, они снова встретили веселых знакомых Дамиена, и на этот раз дам с ними уже не было. Молодых людей заметно покачивало.

— Поехали с нами, Князь Порока! — крикнул один из них. — Мы собираемся прокатиться по лондонским борделям и ночным клубам. Повеселимся от души!

— Вы же видите, что я с дамой! — раздраженно ответил Дамиен.

— Захвати и ее с собой, нам будет веселее! — воскликнул другой господин и, поднеся к глазам лорнет, выразительно взглянул на грудь Ванессы.

Она изобразила на лице улыбку и, посмотрев на Дамиена, сказала:

— Я никогда не бывала в борделе! Мне кажется, что экскурсия туда будет мне полезна — для расширения кругозора.

— Я так не думаю, — сухо ответил барон, пытаясь увести ее поскорее от пьяной мужской компании.

— Отчего же? Разве вы не обещали показать мне самые опасные места порочного дна Лондона? — возразила Ванесса. — А что может быть порочнее борделя?

— Это так, однако куртизанки высокого класса туда не ходят, опасаясь испортить свою репутацию дорогих женщин, — пояснил барон.

Ванесса встала как вкопанная и с жаром воскликнула:

— А вот я слышала, что дамам разрешается появляться там в полумаске! Почему бы и мне этим не воспользоваться?

— Поверь, дорогая, тебе там не понравится! — стоял на своем Дамиен.

— Позвольте мне самой решать, что мне нравится, а что — нет! — топнув ножкой, вскричала Ванесса.

Дамиен затрясся от гнева и вытаращил глаза.

— Если вы отказываетесь сопроводить меня туда, — привела свой решающий аргумент Ванесса, — тогда я попрошу сделать это ваших замечательных друзей.

Глава 15

Сопровождая Ванессу в один из шикарнейших борделей Лондона, Дамиен кипел от ярости. Ему совершенно не хотелось приводить ее в это гнездо порока и знакомить с теми сомнительными развлечениями, которым он еще недавно сам предавался.

С каждой минутой он становился все мрачнее, проклиная себя за то, что отправился с Ванессой в увеселительный сад. И надо же было этим нахальным франтам свалиться ему на голову! Встреча со своей бывшей любовницей тоже не улучшила его настроение.

Изумруды он подарил Ванессе, желая подчеркнуть ими ее естественную красоту, оттенить золотистый оттенок ее шелковистых волос. Покупая ей ожерелье и браслет, он упустил из

виду, что такие же безделушки он подарил в свое время Элизе Суонн. Он и не мог этого помнить, поскольку, во-первых, с тех пор прошло несколько месяцев, а во-вторых, драгоценности для актрисы выбирал его секретарь.

Дамиен огорченно пожевал губами, подумав, что ему следует извиниться перед Ванессой за случившееся или, на худой конец, все ей объяснить.

До этого неудачного вечера он был вполне доволен тем, как они проводят время в Лондоне. За несколько минувших дней он сумел отдалиться от Ванессы, во всяком случае, не вступал с ней в физическую близость, сведя до минимума возможности для уединения с ней и сохраняя вежливую холодность во время вынужденного общения. Все это далось ему с колоссальным трудом, поскольку охладить свою страсть к этой женщине и подчинить вожделение рассудку оказалось далеко не просто. Стоило ему лишь прикоснуться к ней, как в сердце его пробуждалась нежность, а в чреслах — похоть.

Вот почему барон не позволял себе расслабиться и не допускал и намека на нежные чувства, общаясь с Ванессой. Задушевные полночные беседы навсегда остались в прошлом, им не было места в их сегодняшних взаимоотношениях. И когда его порой охватывали романтические воспоминания о чудесных мгновениях сердечной близости с ней, когда ему становилось тоскливо и одиноко, он утешался мыслью, что такова плата за избавление от наваждения.

Обучение Ванессы премудростям обольщения продвигалось достаточно быстро и успешно, и барон уже предвкушал тот день, когда он сможет умыть руки и со спокойной душой избавиться от нее. Во всяком случае, ему хотелось в это верить...

— Мы встретим здесь ваших приятелей? — спросила Ванесса, возвращая своим вопросом Дамиена к реальности.

Он усмехнулся и холодно ответил:

— Вряд ли! Они скорее всего застрянут в клубе любителей бичевания. Не думаю, что вы испытываете желание отведать для возбуждения розог или плетки.

— Вы правы, такое развлечение мне не по душе, — ответила Ванесса, передернув плечами.

Барон не дал ей возможности спросить, какого рода развлечения их ожидают в клубе, на крыльце которого они стояли, и забарабанил кулаком в дверь. Ванесса даже не могла представить себе, какой гнусный разврат творится в заведении мадам Фуше. Те приятные игры, в которые она играла с Дамиеном в своей спальне, были детскими забавами по сравнению с суровыми извращениями, которым предавались искатели острых ощущений в кабинетах этого борделя. Что ж, подумал Дамиен, он покажет ей и этот пошлый уголок Лондона, возможно, увиденное здесь отобьет у нее охоту впредь посещать подобные сомнительные заведения.

Открывший им дверь дворецкий пропустил Князя Порока в прихожую, не задавая лишних вопросов. К ним навстречу тотчас же вышла хозяйка, мадам Фуше, и с заметным французским акцентом спросила:

— Как милорд хотел бы развлечься у нас сегодня? Одарив ее обаятельной улыбкой, барон промолвил:

— Моя спутница впервые в заведении такого рода, мадам. Поэтому нам бы хотелось для начала побыть простыми зрителями.

— Разумеется, как вам угодно, — ответила мадам Фуше, не выказывая удивления в связи со скромностью запросов своего постоянного клиента. — Я могу предоставить в ваше распоряжение отдельный кабинет и прислать туда, по вашему усмотрению, юношу или даже двух молодых людей, чтобы они развлекли мадам.

Дамиен стиснул зубы и холодно ответил:

— Мы решим это немного попозже, а пока я прошу вас предоставить моей даме полумаску: она желает сохранить свой визит сюда в тайне, поэтому меры предосторожности ей не помешают.

— Все будет исполнено, милорд!

Мадам Фуше извлекла из сумочки полумаску и, протянув ее Ванессе, поинтересовалась, не нуждаются ли гости в сопровождающем. Барон ответил, что он справится сам, поскольку знает это заведение как свои пять пальцев.

— Как вам будет угодно, — сказала мадам Фуше. — Если вам что-то понадобится, дайте мне знать.

С этими словами она удалилась, оставив гостей развлекаться по своему усмотрению.

Дамиен провел свою спутницу через прихожую в незаметный альков и, отдернув бархатную занавеску, предложил ей взглянуть в небольшое окошко, из которого открывался вид на шикарный салон, обставленный дорогой мебелью. Изумленному взору Ванессы предстали несколько юных красоток в прозрачных одеждах, сидящих и стоящих в соблазнительных позах.

— Здесь клиенты выбирают себе партнерш на вечер, — пояснил Дамиен. — Лучших девиц уже разобрали, остались только посредственные.

— Они всегда так одеты? — спросила Ванесса.

— Нет, разумеется! — снисходительно улыбнувшись, ответил Дамиен. — Когда клиент их выберет, они переодеваются в наряды, соответствующие его запросам. В их распоряжении богатейший выбор платьев. Мадам Фуше запаслась дамской одеждой на любой вкус. К услугам джентльменов, желающих развлечься с девственницей, здесь всегда имеются девицы, изображающие школьниц и юных горничных. Невинность они волшебным способом обретают вновь с той же легкомысленностью, с какой ее утрачивают. Жаждающие вкусить от более запретного плода могут полакомиться монашкой или воспитательницей. А желающие приятно провести время в обществе знатной дамы — заказать в отдельный кабинет герцогиню или даже королеву. Если фантазии клиента уносят его в гарем арабского шейха, свои мечты он может воплотить, попросив хозяйку этого заведения предоставить в его распоряжение смуглокожих рабынь. Кстати, не хочешь ли посмотреть, что сейчас происходит в гареме?

Ванесса неуверенно кивнула, ощущая в крови бурление вожделения и пунша. Она не сожалела, что выпила лишнего, горячительный напиток смягчал уколы совести и заглушал отчаянные призывы рассудка опомниться, пока не стало поздно, и бежать из борделя.

Заметив на ее лице смятение, барон чуть заметно усмехнулся и, подхватив ее под руку, увлек по длинному коридору, говоря на ходу:

— В комнатах на этом этаже обычно развлекаются большие компании. Желающие уединиться могут воспользоваться свободными номерами на втором этаже.

Он остановился возле устроенной в стене ниши и, заведя в нее свою спутницу, отдернул занавеску на окне. Взглянув в него, Дамиен выразительно хмыкнул и, тяжело вздохнув, отступил в сторону, давая возможность Ванессе полюбоваться действием, происходящим в большой гостиной.

Ее взору предстало просторное помещение, декорированное в стиле покоев восточного султана и наполненное дымом курящихся благовоний. Несколько обнаженных мужчин лежали на шелковых подушках, их головы были обмотаны тюрбанами. Один из них меланхолично баловался со своим возбужденным причиндалом, наблюдая голую девицу, исполняющую танец живота. Извивающееся в танце гибкое тело танцовщицы блестело от масла, на ее запястьях и щиколотках сверкали мониста. Другие женщины усердно натирали своих клиентов ароматическими маслами и потчевали их восточными сладостями и виноградом, одновременно трогая их половые органы.

Ванесса отшатнулась от окна, потрясенная сценой массового разврата. Щеки ее стали пунцовыми от стыда. Какой бес попутал ее прийти сюда? Но отступить было поздно, тем более что она сама настояла на том, чтобы Дамиен показал ей этот вертеп.

Барон вскинул брови, но воздержался от каких-либо замечаний и завел ее в следующий альков.

— Здесь ты имеешь возможность полюбоваться сценой нападения пиратов на судно, — сказал он, приглашая Ванессу подойти к окну. — Очень познавательное зрелище.

На сей раз комната была декорирована под палубу корабля, захваченного морскими разбойниками. Несколько голых пленниц были привязаны к мачтам, с одной из них забавлялся один из пиратов, — с покрасневшим от возбуждения лицом он яростно вгонял свой фаллос в промежность пышнотелой «пассажирки», повизгивающей то ли со страху, то ли от избытка профессионального рвения.

В другом углу комнаты трое мужчин с энтузиазмом сосали, щипали и облизывали груди и преддверие лона связанной девушки, один из них вдобавок овладевал ею самым жестким образом. Судя по стонам и выражению лица красотки, она была этим очень довольна. Ванесса тоже была поражена колоссальными размерами члена насильника.

— Некоторые богатые светские дамы, склонные к острым ощущениям, платят большие деньги за то, чтобы побыть в шкуре захваченной пиратами пассажирки, — сказал барон. — А мужчины, испытывающие потребность в насилии, могут безнаказанно дать здесь волю своей фантазии.

Охваченная приливом похоти, Ванесса сглотнула ком и передернула плечами.

— Тебе не мешает овладеть техникой привязывания мужчины к столбикам кровати, — добавил Дамиен. — Твой будущий покровитель может оказаться любителем подобных игр.

Она поморщилась от этого неприятного напоминания о ее участии. Барон предложил ей продолжить учебную экскурсию и пройти в следующий альков.

— На этот раз ты увидишь своеобразный бал-маскарад. Но гости пришли сюда не только ради того, чтобы потанцевать и полакомиться изысканными яствами и напитками. Взгляни сама!

Зал, представший взору Ванессы, был освещен ярче, чем все предыдущие помещения: свет свечей в канделябрах отражался в зеркалах, обрамленных позолоченными рамами.

На полу в беспорядке валялась одежда, на помосте для музыкантов колыхалась гора переплетенных обнаженных тел. Гости часто и без сожаления обменивались партнершами. У Ванессы перехватило дух, коленки ее затряслись, а лицо побледнело.

Она отпрянула от смотрового окошка, и Дамиен спросил:

— Продолжим экскурсию, или с тебя довольно?

— Пожалуй, с меня хватит, — осевшим голосом ответила она. — Вот уж не думала, что люди способны опуститься до такого скотства.

— Милая моя, — усмехнулся барон. — То, что ты видела, — только цветочки! В Лондоне более сотни заведений такого рода, и даже на этой улице есть еще несколько борделей. Там собираются любители пыток, гомосексуалисты и зоофилы.

— А кто это такие? — спросила Ванесса.

— Любители секса с партнерами одного с ними пола и содомисты, извращенцы, совокупляющиеся с животными, — спокойно объяснил Дамиен.

— И вы — прославленный участник всех этих безобразий, — заметила Ванесса, кусая губы и раздувая ноздри. — Не случайно же вас зовут Князем Порока!

— Не советую слепо верить молве, — ответил Дамиен, с трудом сдерживая ярость. — На самом деле я предпочитаю иметь дело с нормальными женщинами, способными и желающими возбуждать меня и вместе со мной получать удовольствие. А теперь, раз ты не хочешь остаться здесь, позволь мне отвезти тебя домой.

Он грубо схватил ее за руку, но Ванесса вырвалась и с вызовом воскликнула:

— Но мы еще не побывали на втором этаже! Обидно потерять возможность побывать и там, раз уж мы все равно здесь! Или вы вдруг стали трусом?

— Хорошо, мой ангел, — прищурившись, с ледяной улыбкой промолвил Дамиен. — Подожди минутку, я только отдам распоряжение мадам Фуше. — И, оставив ее в алькове одну, он быстро пошел куда-то по коридору. В его отсутствие Ванесса не стала наблюдать сцену свального греха, а попыталась успокоиться и собраться с духом для продолжения знакомства с борделем. На второй этаж она решила подняться, надеясь, что разврат, творящийся там, не столь разнуздан, как безобразия, свидетельницей которых она стала. Ей казалось, что лучше заранее знать, с чем она может столкнуться, снова очутившись по воле судьбы в подобном заведении.

Вскоре вернулся Дамиен, держа в руке ключ. Он сказал, что в их распоряжение предоставлена отдельная комната, и предложил ей туда пройти. Войдя следом за ней в спальню, он запер дверь и спросил:

— Может быть, ты хочешь прибегнуть к услугам юношей мадам Фуше? Они исполнят любые твои просьбы и наверняка оставят тебя очень довольной.

Прежде чем ему ответить, Ванесса оглядела помещение. Отделанное в малиновых и сиреневых тонах, оно было освещено приглушенным светом ламп с темными абажурами. Большая кровать с четырьмя столбиками по углам была застлана черным атласом. На столике, стоявшем возле изголовья, лежали фаллоимитаторы из слоновой кости и черепаший панцирь, стеклянные шары, хлысты, а также еще какие-то странные приспособления, назначение которых Ванесса

затруднялась даже приблизительно себе представить.

Справившись с оторопью, охватившей ее после вопроса Дамиена, она вскинула подбородок и, обернувшись лицом к барону, спросила:

— Допустим, что я изъявлю желание воспользоваться их услугами. Что тогда?

— Тогда тебя ожидают новые яркие впечатления, — саркастически ухмыльнувшись, ответил Дамиен. — Не исключаю, что они расширят твои познания в сексе.

— Возможно, — неопределенно заметила она. — А здесь есть потайные смотровые окна?

В глазах барона вспыхнули злые огоньки, он стиснул зубы и процедил:

— Разумеется, миледи. Но я попросил, чтобы к ним никого не подпускали. — По скулам его заходили желваки.

— Пожалуй, сегодня я воздержусь от услуг лакеев, — сказала Ванесса, не осмелившись пробудить в нем зверя.

— Хорошо, — промолвил барон. — Меня это радует, так как я пока еще не готов разделить тебя с незнакомцами.

Он подошел к Ванессе и поцеловал ее грубо и страстно.

Она ответила ему столь же бесцеремонным поцелуем, давая волю своим темным желаниям. Сегодня она решила вести себя как продажная девка, не заботясь о соблюдении правил приличия. Их языки скрестились, как две шпаги, и стали плясать боевой первобытный танец. Дамиен явно пытался сломить волю Ванессы к сопротивлению, но она не собиралась ему уступать.

Безжалостно впившись в нее губами, он сжал пальцами ее тугие ягодицы. Ванесса выпятила губы и стала поводить крутыми бедрами, прижимаясь к нему низом живота. Барон зарычал и стал лихорадочно расстегивать крючки на ее платье. Ванесса задрожала, чувствуя, как оно соскальзывает с ее покатых плеч. Дамиен наклонился и стал сосать ее торчащие соски. Она застонала, закинув голову. Он начал покрывать поцелуями ее бархатистую шею. Сердце Ванессы готово было вырваться из грудной клетки.

Не медля ни секунды, барон проворно раздел ее догола и уложил на холодную атласную простыню. Лишь тогда она увидела, что потолок комнаты зеркальный и в нем отражается ее белое тело, распростертое на черном атласе.

— Здесь все устроено так, чтобы ты получила максимум удовольствия, — промурлыкал Дамиен и потянулся к шелковой ленте, свисающей со столбика кровати, чтобы привязать к нему ее запястье. — Ты не собираешься строить из себя скромницу, оказавшись в борделе?

— Надеюсь, что я останусь довольна своими новыми впечатлениями, — ответила Ванесса, решив идти до конца.

— Я постараюсь сделать все, что в моих силах, — с насмешкой сказал Дамиен и деловито привязал лентами к столбикам обе ее руки. Ноги, к ее громадному облегчению, он оставил свободными.

Затем он встал и, взяв со столика фаллоимитатор из слоновой кости, сел рядом с ней.

— Теперь ты полностью в моей власти, — сказал он, пронзив ее страстным взглядом, и начал водить округлым концом предмета по ее промежности и ляжкам. По коже Ванессы побежали мурашки, ей стало и тревожно, и приятно. По загадочному выражению лица Князя Порока было трудно угадать, как он распорядится искусственным фаллосом. В промежности Ванессы возникло томление, ее бутончик в основании лобка начал распускаться, в нем возникла пульсация. С губ ее сорвался легкий вздох.

Теперь она поняла, почему некоторым женщинам нравится ощущать себя зависимыми от властных и сильных мужчин и что они испытывают, когда лежат голые на кровати со связанными руками, не зная, что с ними случится в следующий миг.

Дамиен продолжал легонько дотрагиваться до нее фаллоимитатором, ничем не выказывая своих намерений.

Ванесса беспокойно заерзала на кровати, испытывая легкую боль и удручающую пустоту в своем лоне, сочащемся нектаром. Казалось, барон собирался еще долго мучить ее, слегка поглаживая по срамным губам игрушкой, выточенной из слоновой кости, и обводя ею трепетный бутончик, но не надавливая на него, как хотелось бы того Ванессе.

— Дамиен! — воскликнула она, больше не в силах все это терпеть.

— Спокойно, мой ангел! Ты пока не готова, — ответил князь Порока чужим бесстрастным голосом.

Но Ванесса давно созрела: об этом свидетельствовали ее забухшие срамные губы, блестящие от соков, и торчащие розовые соски груди.

Дамиен еще немного позабавился с ней, проводя фаллоимитатором по раскрывающимся лепесткам ее ароматной розы, потом погрузил его в ее росистое лоно и начал ритмично двигать им там, дотрагиваясь другой рукой до сосков. Ванессу охватила крупная дрожь, она раздвинула ноги, согнув их в коленях.

Барон вогнал в нее фаллоимитатор до упора, и она громко застонала, пронизанная новыми яркими ощущениями с головы до кончиков пальцев.

— Кажется, я тебе угодил, — пробормотал Дамиен, ускоряя свои возвратно-поступательные движения. — Как я вижу, ты получаешь удовольствие от насильственных действий, моя прелесть.

С этими словами он вогнал костяной фаллос до самых глубин ее таинственной пещеры. Ванесса завилыла задом и запрыгала на кровати, ленты впились в ее запястья, доставляя остроты ее ощущениям, мышцы лона сократились, соски еще больше отвердели и набухли, а во всем теле вспыхнул огонь. До желанного облегчения оставался один миг... когда внезапно рука Дамиена замерла.

Ванесса открыла глаза и увидела, что он внимательно рассматривает ее, насмешливо улыбаясь.

— Ты слишком торопишься, мой ангел! — сказал он и, оставив фаллоимитатор там, где он был, встал с кровати.

Проклятие едва не сорвалось с губ Ванессы. Как он посмел оставить ее на грани оргазма, дрожащую от возбуждения и разочарования, униженную и беспомощную! Отражавшаяся в зеркале на потолке голая женщина покрылась алыми пятнами, свидетельствовавшими о крайней степени ее сексуального возбуждения, взор ее был дик, соски напоминали острые пики, а пышные белые бедра блестели от испарины и нектара.

Она закусила губу, чтобы не застонать от отчаяния. Барон знал, что делает, он нарочно довел ее до такого жалкого, постыдного состояния.

Между тем Дамиен начал медленно раздеваться, не сводя с Ванессы пристального взгляда. Его напрягшийся фаллос слегка подрагивал, почти дотрагиваясь головкой до живота. Стенки лона Ванессы непроизвольно стиснули холодный твердый кусок слоновьего бивня, а воображение нарисовало ей горячий пенис Дамиена, проникающий в ее влажную расселину. Она едва не закричала от всепоглощающего желания ощутить его в себе.

Он приблизился к ней, обнаженный и готовый овладеть ею, сел на кровать и, вытащив фаллоимитатор из лона, спросил:

— Не хочешь ли ты почувствовать в себе настоящую вещь, а не ее жалкую имитацию, мой ангел?

— Да, и как можно скорее! — выдохнула она.

Дамиен занял исходное положение между ее бедрами и, прижавшись головкой фаллоса к преддверию лона, взглянул ей в глаза. Она закинула голову и замерла. Победно ухмыльнувшись, барон вогнал в нее свой причиндал по самую рукоять. Ванесса зажмурилась и, потрясенная бурным экстазом, застонала во весь голос. Одна за другой по ее телу прокатились горячие волны, она заметалась по кровати.

— Еще, Дамиен! Еще! Еще!

Кровь моментально вскипела в жилах Дамиена, он утратил самообладание и стал овладевать ею, как дикарь, — безжалостно, жадно, стремительно и напористо, словно задавшись целью преподать ей такой урок, который запомнился бы ей навсегда, заставил вспоминать его, даже лежа в объятиях другого...

Ванесса закинула ноги ему на спину и, сжав его бока бедрами, словно безумная запрыгала вместе с ним, изнемогая от сладострастия. Хрипя и рыча, он вновь и вновь вгонял в нее свой нефритовый жезл до упора. Ванесса охала и стонала, мотая головой. И когда она огласила будучи истощенным криком, в очередной раз испытав оргазм, барон с хриплым рыком выплеснул в нее всю скопившуюся в его чреслах ярость. По его напрягшемуся телу пробежала дрожь, он охнул и, ослепленный снопом искр, вспыхнувших у него перед глазами, рухнул на Ванессу.

Они долго лежали не шевелясь, охваченные блаженством, прежде чем Дамиен услышал подозрительное всхлипывание и, подняв голову, увидел на щеках Ванессы слезы.

— Я причинил тебе боль? — испуганно спросил он, перекатываясь на бок. — Что случилось, мой ангел?

Она судорожно сглотнула ком и, взглянув на него, ответила:

— Ничего страшного, просто мне в глаз попала соринка. Но по странному выражению ее лица Дамиен догадался, что она его обманывает.

Уставившись остекленелым взглядом в окно кареты, увозившей их с Дамиеиом все дальше на север из Лондона, Ванесса вспоминала события минувшей бурной ночи, охваченная столь же пасмурным настроением, как и погода в этот серый дождливый полдень.

Она солгала барону, он действительно причинил ей боль. Но не физическую, напротив, соитие доставило ей огромное плотское удовлетворение. Пожалуй, такого блаженства она еще никогда не испытывала.

Но он ненароком ранил ее сердце, продемонстрировав своим нарочито-бесстрастным поведением в заведении мадам Фуше, что интересуется лишь ее телом, а не тем, что творится в ее душе. И, потрясенная его холодностью, она с пронзительной ясностью поняла, что мечтала о недостижимом, тогда как в действительности не имела права даже надеяться, что он полюбит ее.

Как ни странно, Дамиен тоже был не в восторге от посещения борделя. Во всяком случае, вид у него был очень сердитый, когда он провожал ее домой. А прощаясь, он огорошил Ванессу заявлением, что желает утром вернуться в Палисандровую Рошу.

— Как? Уже завтра? К чему такая спешка? — спросила она.

— Да, первоначально я намеревался пробыть в Лондоне несколько дольше, но сейчас вижу, что потребность в этом отпала: ты уже достаточно хорошо ознакомилась с нравами лондонского полусвета. Вряд ли я смогу научить тебя чему-то помимо того, что ты знаешь.

В этом он был прав: впечатлений, полученных ею за последнюю неделю, Ванессе хватило бы до конца жизни. Так что она совершенно не расстроилась, узнав о намерении барона вернуться в усадьбу. Дурно пахнущее дно Лондона и мирок вызывающей роскоши и разврата, которые показал ей Дамиен, не манили ее к себе, так как человек, в которого она была безнадежно влюблена, внезапно исчез. Вместо нежного любовника и душевного друга Ванесса видела теперь рядом с собой развращенного повесу по прозвищу Князь Порока. Такая поразительная метаморфоза произошла с Дамиеиом Синклером всего за несколько дней.

Ванессе стало так грустно, что у нее разболелась голова. Ей было нестерпимо больно осознавать, что она сама выдумала образ ласкового и заботливого возлюбленного, убедив себя в том, что такова действительная сущность Дамиена, которую он скрывает за маской вертопраха и повесы.

Предмет ее раздумий в это время мрачно смотрел в другое окошко кареты, погруженный в собственные невеселые мысли.

Он корил себя за то, что поддался уговорам Ванессы и отвез ее в бордель мадам Фуше. Увиденное там настолько потрясло ее, что она не смогла скрыть своего огорчения и разочарования. Но не в борделе, а в нем, Дамиене, своем нынешнем покровителе и наставнике.

Естественно, Ванесса знала, какую жизнь он ведет, да он и не скрывал этого от нее. Но, увидев своими глазами гнусный разврат, в котором он тоже принимал раньше участие, она содрогнулась, поскольку ужасная реальность превзошла ее худшие ожидания. Отныне у нее сложилось стойкое представление о нем как о распутнике и дебошире, она окончательно убедилась, что он закоренелый извращенец и негодяй.

Об этом свидетельствовали и ее слезы, и плохо скрытая ложь. А ему, как это ни удивительно,

хотелось бы добиться искренности в их отношениях.

Может быть, он чем-то напомнил Ванессе ее покойного супруга? Может быть, она внутренне содрогнулась, обнаружив, что он мало чем отличается от беспутного сэра Роджера, принесшего ей столько боли и позора? Или же горечь возникла в ее душе после неожиданной встречи с Элизой Суонн? Барон наморщил лоб, напрягая память. Да, конечно! Последний скандал в благородном обществе, связанный с именем сэра Роджера, был вызван его гибелью на дуэли из-за актрисы по имени... Элиза Суонн!

Вот, оказывается, где собака зарыта! Вот почему Ванесса побледнела» как мел, услышав это имя! Дамиен мысленно чертыхнулся, проклиная себя за то, что не придал этому значения, приняв болезненную реакцию Ванессы на слова и жесты Элизы за банальную ревность. Однако, как он лишь сейчас понял, причина ее потрясения заключалась не только в том, что актриса афиширует свою пошлую интрижку с ее беспутным муженьком. Сильнее всего Ванессу огорчил тот факт, что сэр Роджер погиб из-за той же куртизанки, с которой позже развлекался и барон Дамиен Синклер! Ожерелье и браслет, подаренные им, стали последней каплей, которая вывела ее из душевного равновесия и подтолкнула на сумасбродство. Ведь именно после той нелепой сцены в беседке, где они до этого мило беседовали и закусывали, Ванесса напилась пунша и, опьянев, потребовала, чтобы он отвез ее в бордель. Роль его подвыпивших приятелей во всей этой некрасивой истории казалась Дамиену незначительной, винил во всем он только себя самого.

И дернул же его черт повезти ее в заведение мадам Фуше, словно какую-нибудь прожженную куртизанку! С другой стороны, разве не к этому она сама стремилась? И разве не в многоопытную кокетку он вознамерился превратить ее?

От этой головоломки у Дамиена голова пошла кругом. Сам дьявол вряд ли решил бы эту шараду. Одно ему стало ясно: он не сможет продолжать притворяться, что его не волнует намерение Ванессы стать проституткой. Она, как и Оливия, не годилась для жизни в мире разврата и зла. Пора было покончить с этим фарсом и найти иной, менее пагубный для нее способ улучшить свое благосостояние и обрести финансовую независимость. Если он немедленно не положит конец сложившимся между ними фальшивым отношениям, от которых его уже тошнило, тогда ему уж точно никогда не обрести умиротворения. В окно кареты назойливо стучал мелкий дождик. Туман сгущался. На душе у Дамиена скребли кошки. Он презирал себя за то, что взялся обучать Ванессу искусству обольщения. Ведь в результате он не только растлил ее, но и подтолкнул в объятия великосветских развратников. Следовательно, теперь ему нужно было защитить ее прежде всего от себя самого. Он был обязан так поступить, если в нем осталась еще хоть капля благородства.

К тому времени, когда они достигли усадьбы Палисандровая Роща, дождь прекратился. В доме их встретил мрачный дворецкий Крофт. На вопрос Дамиена, где Оливия, он ответил, что она в саду, разговаривает со своим гостем.

Ванесса обмерла. Первой ее мыслью было, что к Оливии пришел Обри. С замирающим сердцем она последовала за бароном через гостиную в сад. Вдалеке громыхнул гром.

Спустя минуту они увидели Оливию, сидящую в своем инвалидном кресле под развесистой липой. Напротив нее на скамейке сидел Обри. Молодые люди о чем-то тихо беседовали, взявшись за руки.

Барон ускорил шаг, выражение его лица не предвещало для Обри ничего хорошего.

Завидев его, молодые люди оцепенели.

Дамиен остановился, охваченный яростью, и молча уставился на обидчика своей сестры.

Обри встал и, почтительно поклонившись, промолвил:

— Здравствуйте, милорд!

Лицо его оставалось спокойным, хотя он и видел, что барон готов задушить его. Первой нарушила тягостное молчание Оливия.

— Я не ждала тебя сегодня, Дамиен, — сказала она.

— Какого дьявола ему тут надо? — гневно спросил Дамиен. — Разве я не предупредил, что не желаю его видеть?

— Он пришел, потому что я его пригласила, — сказала Оливия.

Дамиен вытаращил глаза, отказываясь этому верить. Шумно втянув ноздрями воздух, он сжал кулаки и обрушил весь спой гнев на юношу.

— Немедленно покиньте мою усадьбу! — вскричал он. — Иначе я прикажу выпроводить вас отсюда!

Ванесса сжала его локоть, опасаясь, что он бросится на нее и схватит его за горло, как сделал это на балконе дома Фоксмуров, когда подвыпивший сын сквайра попытался ее поцеловать. Сейчас дело могло закончиться трагедией, поскольку Дамиен явно не владел собой, а Обри не собирался отступить.

— Я пришел, чтобы просить Оливию стать моей женой, — сказал юноша. — Мы любим друг друга и просим вас, милорд, благословить наш брак.

— Это правда, Дамиен! — воскликнула Оливия. — Пожалуйста, не сердись!

— Молчи, сестра! Не вмешивайся! — крикнул Дамиен. — Я попрошу сейчас же отвезти тебя в дом.

— Ты не вправе разговаривать со мной как с ребенком! — вскричала девушка. — Я уже не маленькая.

— Уверю вас, барон, что я раскаиваюсь в содеянном, — сказал Обри.

— Я простила его, Дамиен! — добавила Оливия.

— Не вмешивайся, Оливия! Я этого не потерплю! — прикрикнул на сестру Дамиен.

Ванесса болезненно поморщилась от его резкого тона, однако Оливия вскинула подбородок и с вызовом воскликнула:

— Я не позволю тебе так обращаться со мной! Ты не смеешь разрушать мое будущее.

Ванесса повисла у барона на руке, умоляя его успокоиться, но он проигнорировал ее просьбу и разгневанно крикнул:

— А я не допущу, чтобы ты окончательно его лишилась! Однажды ты уже поплатилась за свою доверчивость!

— Какое тебе до меня дело! — вскричала девушка. — Оставь меня в покое! Лучше возвращайся в Лондон и развлекайся, как раньше. — Она закусила губу и наморщила носик. Видя, что сестра готова разрыдаться, Дамиен смягчился, но не отказался от попытки ее урезонить.

— Послушай меня, Оливия, — сказал он. — Этот человек однажды уже разрушил твою жизнь. Разве не так?

— Да, раньше мне тоже так казалось. Но теперь я поняла, что заблуждалась. Я не осмелилась сразу сказать тебе об этом, Дамиен, но на прошлой неделе я почувствовала боль в ступне. А вчера она возобновилась. Ты понимаешь, что это значит? Мои конечности обрели чувствительность, следовательно, скоро я снова буду ходить! Я выздоравливаю!

— Ванесса, увези мою сестру в дом, мы с ней поговорим обо всем позже! — сказал барон.

— Прошу вас, милорд, выслушайте их! — взмолилась она, хотя и знала, что в минуту гнева с ним лучше не спорить.

Дамиен резко обернулся и, полоснув ее обжигающим взглядом, воскликнул:

— Это все ты подстроила! Как же я сразу не догадался! Ты знала, что они тайно встречаются, и потворствовала этому. Признавайся, Ванесса, это так?

— Она ни в чем не виновата! — поспешила встать на ее защиту Оливия. — Это я попросила ее присутствовать при наших с Обри встречах...

Ванесса не собиралась молча сносить оскорбительный тон барона, она в сердцах воскликнула:

— Оливия — взрослая девушка и отвечает за свои поступки! Они с Обри любят друг друга, это очевидно! Мне кажется, что они заслужили право самим решать, как им жить дальше. Обри сделал ей предложение, и вы не вправе мешать их счастью.

— Ванесса! Что ты говоришь? Ведь он вертопрах, ловелас и обманщик! — в ярости вскричал Дамиен.

— Все это в прошлом, барон! — невозмутимо парировал Обри. — Вы правы, я вел беспутную жизнь, но я поклялся стать другим. До встречи с вашей сестрой, милорд, я не задумывался над своим легкомысленным поведением. Впрочем, я понимаю, почему вы противитесь нашему браку... Вам трудно поверить в искренность моих слов.

— Как вы догадливы, юноша! — насмешливо воскликнул барон. — Я вижу вас насквозь! Вы хотите спасти свою шкуру и завладеть ее долей наследства. Что еще могло заставить вас сделать предложение калеке?

Оливия вздрогнула, услышав это обидное слово, и густо покраснела. На глазах у нее показались слезы.

Дамиен вздрогнул, сообразив, что выразился непозволительно резко, но извиняться не стал, будучи чересчур разгорячен. У Ванессы защемило сердце: похоже было, что он способен походя оскорбить любого, даже того, кто его искренне любил.

— Вы не правы, милорд, — помрачнев, промолвил Обри, начиная терять терпение, — я не разлюбил бы Оливию, даже если б она осталась калекой на всю жизнь.

— Я вам не верю! Вы охотник за приданым, виконт! Но вы просчитались: я вправе не дать ей ни гроша!

— Я знаю, милорд, но меня это не пугает. Я смогу обеспечить свою жену. Возможно, она не будет купаться в роскоши, но бедность ей не грозит.

— Одних ваших добрых намерений мало! Надеждами сыт не будешь, — саркастически заметил барон.

— Это так, однако я сделаю все, что в моих силах, чтобы Оливия была счастлива со мной! — пылко ответил Обри.

— По-моему, вы забыли, что не заплатили по карточным долгам, — холодно сказал Дамиен. — Пока вашим имуществом вправе распоряжаться только я.

— Нет, я этого не забыл, — ответил Обри, не потеряв самообладания.

— Тогда зарубите у себя на носу и кое-что еще: скорее я отправлю вас в преисподнюю, чем допущу, чтобы Оливия стала вашей женой.

Оливия стукнула кулачком по подлокотнику кресла и вскричала, едва не плача:

— Я люблю его, Дамиен! Я действительно его люблю!

— Он опять заморочил тебе голову, сестра! Этому проходимцу нельзя верить! — ответил Дамиен.

— Нет, Дамиен, он не лжет! Я сердцем чувствую, что он искренне меня любит. У меня было достаточно времени, чтобы все хорошенько обдумать. Поначалу я действительно хотела заставить его заплатить за все обиды, которые он мне нанес. Но потом я его простила. Прости и ты его, Дамиен!

— Никогда! — отрезал барон, с ненавистью глядя на юношу. — Вам лучше поскорее убраться отсюда, виконт, иначе я всажу в вас пулю.

Ванесса повисла у него на руке, испуганная таким поворотом разговора, и взмолилась:

— Прошу вас, барон, не трогайте его!

Дамиен вырвал руку и обжег ее гневным взглядом.

— Повторяю, — сказал Обри, пытаясь сохранить спокойствие, — мне не нужно богатство Оливии, лорд Синклер! Но я докажу, что достоин ее любви.

— Все это детский лепет! — воскликнул Дамиен. — Пока вы прячетесь за ее юбкой, как спрятались за юбкой своей сестры, чтобы не возвращать мне карточный долг!

Обри сжал кулаки и шагнул вперед. Оливия испуганно вскрикнула. Обри замер на месте, оглянувшись и, взглянув на нее, сказал:

— Хорошо, я уйду ради тебя. Но не навсегда! — Он взял со скамьи свою шляпу и,

поклонившись, удалился.

Ванесса не сомневалась, что брат не отступится от Оливии и однажды вернется, чтобы выяснить отношения с Дамиеном. Ей не хотелось даже думать, чем это может кончиться.

Проводив его взглядом, Оливия набросилась на Дамиена.

— Ты не имел права его прогонять! — закричала она. Дамиен подозвал лакея и приказал ему увезти ее в дом.

— Если Обри не вернется, я возненавижу тебя! — вскричала девушка.

Барон стиснул зубы и отвернулся, ничего не ответив.

Охваченная гневом и страстным желанием доказать ему, что он не прав, Ванесса молча ждала, что он скажет. Она давно предчувствовала, что рано или поздно такой разговор состоится, еще с того момента, как Обри впервые объявился в усадьбе Палисандровая Роща.

— Я жду, чтобы ты объяснила, почему позволила своему брату преследовать мою сестру, — наконец глухо промолвил Дамиен. — Мало ему того, что она стала из-за него калеккой?

Ванесса судорожно вздохнула и твердо ответила:

— Оливии ровным счетом ничего не угрожало. Я всегда была с ней рядом. До тех пор, пока вы не увезли меня в Лондон.

— Как ты посмела втайне от меня потворствовать их встречам?

— Они хотели разобраться, насколько серьезны и глубоки их чувства! Я не могла запретить им встречаться.

— Как компаньонка моей сестры ты обязана заботиться о ее благополучии. Но ты пренебрегла своими обязанностями! — воскликнул Дамиен.

— Я прекрасно знаю, в чем состоят мои обязанности в отношении Оливии, — спокойно ответила Ванесса. — И я в первую очередь пеклась о ее пользе.

— Неужели? И ты думаешь, что я в это поверю? Выходит, бедственное положение собственного брата тебя не волнует? Да ты просто строила за моей спиной козни, чтобы помочь ему заполнить состояние Оливии, вот и все.

— Я не строила козней, у меня и в мыслях этого не было! Оливия тосковала по Обри и зачахнет с тоски, если вы не позволите ей выйти за него, — ответила Ванесса, смело глядя барону в глаза. Она способна решать сама, что для нее лучше, и вы не должны ей мешать.

Барон сжал от злости кулаки и, подойдя к дереву, взмахнул руками, словно бы собираясь стукнуть кулаком по стволу.

— Твой брат — пустой вертопрах и коварный охотник за чужим богатством. Он испортил моей сестре жизнь и репутацию. Я ему не верю! — вскричал он.

— Может быть, Обри прежде и был таким, каким вы его считаете, милорд, — ответила Ванесса, — но теперь он другой. В своих опрометчивых поступках он раскаялся, а перед Оливией извинился. Более того, он желает спасти ее доброе имя, женившись на ней.

Препятствуя их браку, вы совершаете ошибку. Я уверена, что они будут счастливы вместе. Обри умен, образован, а его титул, виконта превосходит ваш, милорд. Недавно он поступил на службу секретаря к одному из ваших соседей и скоро поправит свое благосостояние. А главное — он любит Оливию, которая отвечает ему взаимностью.

— Да что может знать о любви сопливая девчонка! — вскричал Дамиен, позеленев от злости.

— Полагаю, что она знает о ней гораздо больше, чем вы, барон! Ведь она искренне любит Обри. Какое вы имеете право вставать у нее на пути?

Дамиен затрясся от ярости и закричал:

— Я ее старший брат и обязан оградить ее от негодяев, подобных твоему братцу! Я не позволю, чтобы Ратерфорд и дальше морочил ей голову.

— Тем самым вы погубите ее окончательно, милорд! Выйдя за Обри, Оливия станет виконтессой и обретет почет и уважение в свете. А как еще она может смыть пятно со своей репутации?

— Значит, единственный выход из сложившейся ситуации для нее — это стать супругой своего обидчика? Очень мило!

— А что еще вы можете ей предложить, барон? Вы полагаете, что она будет счастлива, выйдя за кого-то другого, пусть и более достойного ее? Она не сможет забыть Обри и будет страдать в браке с нелюбимым человеком, как страдала я. Такого я не пожелаю даже своему врагу. Оливия скорее предпочтет остаться старой девой! Либо найдет себе покровителя. Вы хотите, чтобы она, как и я, превратилась в кокетку?

Этот вопрос задел Дамиена за живое. Лицо его стало суровым, он недовольно пробурчал:

— Вы с ней находитесь в разных обстоятельствах, поэтому такое сравнение неуместно.

— Вы правы, милорд, — согласилась Ванесса. — Она богатая наследница и в отличие от меня может делать выбор. Так зачем же лишать ее этой счастливой возможности?

— Похоже, ты пытаешься сделать из меня главного злодея в этом фарсе! — недовольно воскликнул Дамиен.

— Нет, милорд! Я прошу вас быть благоразумным и взглянуть на ситуацию трезво! — сказала Ванесса.

— Два месяца тому назад Ратерфорд был известен мне как заядлый картежник и вертопрах, — саркастически произнес Дамиен. — Как же ты можешь быть уверена, что случившаяся с ним чудесная метаморфоза необратима?

— Да, в этом я не уверена, — ответила Ванесса. — Но я точно знаю, что у моего брата доброе сердце, и верю, что он уже никогда не огорчит Оливию.

Дамиен упрямо сжал зубы.

— Я не хочу подвергать ее риску, — процедил он. Ванесса в отчаянии топнула ножкой и срывающимся голосом воскликнула:

— Не кажется ли вам, милорд, что вы лицемерите, вешая на Обри эти позорные ярлыки? Да

как вообще судить кого-либо, имея сомнительное прошлое и репутацию закоренелого развратника? Молчите? Тогда я задам вам еще один вопрос, Князь Порока! Считаете ли вы, что мой брат более испорчен и порочен, чем вы сами? Видимо, вы просто не хотите попытаться кого-то полюбить или же обделены такой потребностью и не заслуживаете, чтобы вас любили. Но есть мужчины, которые действительно стремятся стать лучше и чище!

Она замолчала, ожидая от Дамиена ответа, но он продолжал хранить молчание. Ванесса криво усмехнулась и добавила, тяжело вздохнув:

— Прощу меня извинить, милорд, но я намерена навестить Оливию. Сейчас она, как никогда, нуждается в сочувствии и поддержке.

С этими словами она повернулась к барону спиной и ушла в дом.

Кипя от ярости, Дамиен снова замахнулся кулаком на липу, но опомнился и, прислонившись к ее стволу спиной, задумался над словами Ванессы. Его не удивило то, что она встала на защиту своего брата, иного и не следовало от нее ожидать. По-видимому, рассуждал барон, она действительно не плела против него интриг, а руководствовалась лучшими побуждениями. И ее упрек ему был справедливым ведь до последнего времени он только и делал, что купался в удовольствиях и искал новых развлечений. Снискав репутацию закоренелого развратника, он не имел права осуждать других за их безнравственные поступки. С позиции Ванессы, Обри в сравнении с ним — невинный агнец!

Но так или иначе, подумал Дамиен, речь идет вовсе не о нравственности барона Синклера, а о судьбе виконта Ратерфорда. И на вопрос, достоин ли этот человек стать мужем Оливии или нет, мог быть лишь один ответ — нет, нет и нет!

Оливии придется с этим смириться, она просто ничего не понимает в силу своей молодости и наивности. А со временем рана в ее сердце заживет, и она поблагодарит своего старшего брата за то, что он уберет ее от происков этого негодяя.

Дамиен не сомневался, что именно так все и случится. Ведь сумел же он сам преодолеть свое увлечение Ванессой!

Стоит только захотеть — и можно разорвать любые, даже самые крепкие оковы!

Придя к такому умозаключению, барон немного успокоился и побрел в дом.

Глава 17

Усадьба Палисандровая Роща превратилась в осажденную военную крепость. Зависшую в воздухе тревогу ощущали даже слуги. Разлад между бароном и его сестрой напоминал им размолвку покойного хозяина имения со своей супругой, об этом Ванесса узнала от экономки, с которой успела подружиться.

Оливия почти не выходила из своей комнаты, Дамиен целыми днями метался верхом на лошади по окрестностям, и Ванесса уже начала терять надежду исправить эту огорчительную ситуацию.

Однажды она спросила у Оливии, что она думает о предложении, сделанном ей Обри, но девушка лишь метнула в нее колючий взгляд и молча отвернулась к окну, поджав губы.

— Я должна знать, что ты не переменяла своего отношения к моему брату, — сказала

Ванесса. — Ты все еще его любишь?

— Скажи лучше откровенно, что ты не хочешь, чтобы он женился на калеке! — огрызнулась Оливия. — Успокойся, я не намерена привязывать его к своему инвалидному креслу. Когда-то мне хотелось, чтобы и он помучился вместе со мной. Но тогда я была еще на него сердита. Но теперь, когда у меня появилась надежда на выздоровление, я уже не хочу принуждать его к браку со мной. Ты ведь хочешь убедить меня в том, что я совершу ошибку, выйдя за Обри, верно?

— Нет, ни в коем случае! Я убеждена, что лучше остаться одной, чем потом жалеть, что вышла замуж, последовав чьему-то недобросовестному совету, — с горькой улыбкой ответила Ванесса. — Учитывая мой собственный печальный опыт замужества, я не рискну давать тебе рекомендации в сердечных делах. Однако, не будучи экспертом в вопросах брака, я склонна полагать, что если ты его действительно любишь...

— Я люблю его, Ванесса! Это правда! И он любит меня.

— Это прекрасно! Тем не менее нельзя забывать о практической стороне дела. Наша семья, при всех ее связях, никогда не была богата. У Обри полно долгов. А ты не знаешь, что означает претерпевать денежные затруднения, Оливия. Если твой брат лишит тебя твоего состояния, наказав таким образом за своеволие, тебе придется столкнуться с непривычными трудностями. Они могут повергнуть тебя в отчаяние. Тебе будет нелегко расстаться с роскошью!

— Мне на нее наплевать! — воскликнула девушка. — Я не буду страдать, лишившись всего, на что успела насмотреться. Я знаю, что счастье не купишь, как нельзя купить истинную любовь, семейное согласие и уютный дом. Обри рассказал мне о своих сестрах, Фанни и Шарлотте, и мне захотелось иметь таких же сестер, как они и ты, стать частью вашей семьи.

— В таком случае ты непременно ею станешь! — искренне воскликнула Ванесса.

Удовлетворенная услышанным от Оливии, она не стала обременять ее другими своими опасениями, в частности, о том, что Дамиен может предотвратить их с Обри свадьбу, просто застрелив его. И что, даже если барон воздержится от этой грубой меры, он может оказать на Обри финансовое давление. Оливия даже не подозревала, насколько Обри зависим от Дамиена, как не догадывалась она и о постыдной сделке своего брата с сестрой своего должника, предусматривающей списание карточного долга в обмен на ее сексуальные услуги.

Однако в любой момент барон мог отказаться от договора с Ванессой и лишить Ратерфордов их имения, тем самым нанеся Обри сокрушительный ответный удар. И тогда у них с Оливией вообще не будет дома.

Ванесса поджала губы и постаралась убедить себя, что все ее тревоги беспочвенны. Пусть Дамиен и повеса, погрязший в бесчисленных грехах, в нем еще сохранилось благородство. И коль скоро она удовлетворяет его как любовница, он обязан выполнять условия договора.

К ее немалому облегчению, Дамиен решил устроить в усадьбе ужин для своих друзей и приказал повару приготовить обильное угощение. Это дало Ванессе основание надеяться, что после вечеринки атмосфера в доме разрядится, а у барона поднимется настроение и пропадет охота мстить Обри.

Проснувшись на другое утро довольно рано, Ванесса успела застать барона в столовой, прежде чем он уехал на верховую прогулку. На ее вопрос о том, кто приглашен на ужин, он ответил с неохотой:

— Это мои приятели по Лиге адских грешников. Я не мог их не принять у себя. Все они едут в охотничье угодье, расположенное неподалеку от моего имения, и хотят переночевать у меня. Так что это даже к лучшему, что Оливии сейчас нездоровится.

— Желаете ли вы, милорд, чтобы я присутствовала на ужине? — спросила Ванесса.

— Поступай как хочешь, — сухо ответил Дамиен.

— А что вы мне рекомендуете?

— Мне все равно. Только имей в виду, что мои безнравственные приятели порой позволяют себе скабрзные шутки. Вряд ли они тебя позабавят.

— Возможно, вы правы, милорд. Но согласитесь, жаль упускать шанс проверить, насколько я преуспела в науке, которую вы мне преподаете. Кроме того, на вечеринке я могла бы завязать полезные знакомства. Ведь именно в кругу таких людей, как ваши друзья, мне и предстоит искать покровителя.

— Делай как знаешь, — пожав плечами, повторил барон. — После ужина мы засядем играть в карты, как обычно, по-крупному. Этот опыт тебе тоже может пригодиться в будущем.

Хотя Дамиен и сохранял напускное равнодушие, предстоящий приезд приятелей по Лиге серьезно удручал и беспокоил его. В былые времена барон с энтузиазмом предавался в их обществе всем забавам и утехам, на какие только хватало выдумки у этих закоренелых грешников. И случалось, что в своих фантазиях он, как и другие, заходил очень далеко. Но в последнее время, пресытившись дикими оргиями и безобразными кутежами, Дамиен утратил к ним интерес.

Отчасти его былой пыл остудило происшествие с Оливией, вынудившее его стать более осмотрительным и рассудительным. И естественно, ему не хотелось, чтобы его юную сестру увидели повесы вроде лорда Клуна. Однако более всего он склонен был оберегать от своих друзей Ванессу. Клун явно не случайно уже несколько раз вскользь намекал, что он не прочь с ней позабавиться. И он вряд ли упустил бы такой шанс, если бы ему подвернулся удобный случай. Вечеринка в кругу друзей располагала к флирту наилучшим образом.

Что же делать? Представив, в какую игру могут втянуть Ванессу забавники из Лиги адских грешников, Дамиен заскрежетал зубами. Пора прекратить эту глупую затею с обучением ее искусству обольщения богатых именитых бездельников. Довольно потворствовать разврату в собственном доме!

Прибытие после полудня в усадьбу Палисандровая Роща веселой компании великовозрастных шалунов во главе с Клуном, пребывавшем, как обычно, в прекрасном расположении духа, не подняло Дамиену настроение. Тем не менее Клун, гомерически хохоча, с воодушевлением рассказал ему, как накануне они с приятелями разыграли лорда Лемтона, хозяина охотничьего домика, являвшегося конечным пунктом их нынешнего путешествия.

— Вчера он так увлекся горячительными напитками, что, добравшись до дома, уснул как убитый. Каково же было его удивление, когда, проснувшись, он обнаружил, что находится в Гайд-парке: кто-то перенес его туда ночью вместе с кроватью. Бедняга был вынужден возвращаться домой босиком, укутавшись в одеяло, и в результате подхватил насморк и не смог поехать вместе с нами на охоту. Мне пришлось его заменить и возглавить поход. Ха-ха-ха!

Дамиен знал почти всех из одиннадцати джентльменов, сопровождавших Клуна, за

исключением Николаса Сейбина, племянника графа Укклиффа. Этот господин проживал в Америке и владел в Виргинии флотилией коммерческих судов, а в Англию прибыл, чтобы заключить несколько крупных сделок. Учитывая его обширные семейные связи и сказочное состояние, Клун предложил ему вступить в Лигу и пригласил на охоту.

— С вашей стороны весьма великодушно оказать гостеприимство чужаку, лорд Синклер, — сказал Николас Сейбин, пожимая руку барону Сийклеру.

— Мне это не в тягость, а чужаком я вас не считаю, раз за вас ручается Джереми.

— Да, я могу за него поручиться! — пробасил Джереми Клун. — Он свой парень. А каким отменным ямайским ромом он угостил нас вчера! Ха-ха-ха!

Мистер Сейбин улыбнулся, не обидевшись на панибратский тон Клуна и добродушный хохот, которым он сопровождал свои слова. Высокий и атлетически сложенный, этот белокурый американец с загорелым обветренным лицом и умными темно-карими глазами походил на авантюриста и флибустьера. Пока гости собирались в большой гостиной на ужин, он тихо сидел у камина в кресле, пребывая в сонливо-благодушном настроении. Но едва лишь разговор зашел о принудительной вербовке американских моряков в британский военно-морской флот, как в глазах его вспыхнули дьявольские искорки и он включился в спор. По его резким репликам Дамиен догадался, что эта проблема его серьезно волнует.

Спор вскоре обрел опасный накал, и Дамиен уже стал подумывать, как лучше перевести его в другое русло, когда в зал вошла Ванесса. Все разом умолкли и повскакивали с мест, приветствуя даму. Она была в бледно-голубом вечернем платье из люстрина, прекрасно подчеркивающим стройность ее фигуры и особую волнующую красоту. Представляя джентльменам леди Уиндем, барон почувствовал, что все они приятно взволнованы и поражены ею, — об этом свидетельствовал масляный блеск в их округлившись глазах.

Особенно выразительно ощупывал ее своим похотливым взглядом Клун, чем привел Дамиена в едва сдерживаемое бешенство. С огромным трудом барон взял себя в руки и сохранил на лице невозмутимое выражение, хотя в душе у него все бурлило и кипело.

Нервное напряжение Дамиена не спадало, и на протяжении всего ужина он то и дело поглядывал на Ванессу, сидевшую на дальнем конце стола и мило ворковавшую со своими соседями. Оказалось, что некоторых приятелей Дамиена она знала еще со времени своего замужества, так что чувствовала себя в их окружении достаточно раскованно.

Особенно заинтересовали ее рассуждения американца, а возможно, и его импозантная внешность, что пробудило в Дамиене ревность. К сожалению, ему плохо удавалось ее скрывать. Всякий раз, когда Ванесса мелодично и звонко смеялась, он сжимал кулаки и скрежетал зубами. А стоило ей лишь благосклонно улыбнуться кому-то из гостей, как он мысленно чертыхался. Но проклинал он при этом не Ванессу, а себя, за то, что обучил ее этой многообещающей улыбке. И вот теперь она всем своим поведением доказывала, что прекрасно усвоила его уроки и научилась использовать свои познания на практике.

Дамиена так и подмывало встать и увести ее из гостиной, подальше от своих сластолюбивых приятелей. Усилием воли подавляя это желание, он не мог не отметить комизма ситуации: ведь он сам же и содействовал превращению Ванессы в первоклассную куртизанку, а теперь негодует, вместо того чтобы радоваться ее успехам.

Когда ужин подошел к концу и Ванесса оставила джентльменов, дабы не мешать им наслаждаться портвейном и беседой в чисто мужском кругу, все гости не преминули задать

хозяину дома несколько щекотливых вопросов о ней. Дамиен, однако, отказался удовлетворить их любопытство в отношении ее благосостояния и нынешней роли в имении, ограничившись сведениями, которые сообщил им ранее, а именно, что она компаньонка его сестры. Клуну не терпелось начать карточные баталии, и все перешли в малую гостиную, где расселись за двумя столами. Одна компания затеяла игру в пикет, другая предпочла вист.

Позвали и Ванессу, она отказалась участвовать, сказав, что неискушенна в картах, однако согласилась остаться в качестве наблюдателя. В полночь, сославшись на усталость, она покинула гостиную, несмотря на протесты всех присутствовавших, и ушла к себе. Дамиен вздохнул с облегчением, радуясь, что теперь его ничто уже не будет отвлекать от игры.

Постепенно и другие гости начали вставать из-за стола, утомленные вином, выпитым в изрядном количестве, и удрученные проигрышем. Наконец все разошлись по своим комнатам, и в гостиной остались только Клун и барон Синклер. Стрелки каминных часов показывали три часа ночи, когда Клун, зевнув, завел разговор о Ванессе, ради которого он так долго боролся с желанием лечь спать.

— Ты был не слишком разговорчив, отвечая на вопросы об этой компаньонке твоей сестры, мой друг, — промолвил он. — И возбудил тем самым еще больший интерес к ней у всех. Это навело меня на мысль, что ты поступил так умышленно, желая позлорадствовать, глядя, как все мы зеленеем от зависти.

— Ты заблуждаешься, старина, — ответил Дамиен, подливая коньяка в бокал своего гостя.

— Леди Уиндем нельзя не увлечься, мой друг! — с плотоядной ухмылкой промурлыкал Джереми. — В ней сочетаются два достоинства — красота и ум, что делает ее особенно притягательной. Она очаровательна! И с твоей стороны, старина, будет нечестно лишить нас шанса позабавиться с ней. Предлагаю тебе пари!

— Пари? Поясни!

— Ставлю упряжку своих серых рысаков против шанса увлечь леди Уиндем.

— Но она не является моей собственностью, — ответил барон, прищурившись.

— Возможно, и так, однако ты обладаешь правом первенства на этот лакомый кусочек плоти. И без твоего согласия я не осмелюсь обхаживать ее, мой друг.

— Ты забываешь, что она благородная дама, дочь виконта, хотя временно и находится в затруднительных обстоятельствах! — резко заметил Дамиен.

— Ах, извини, впредь я буду называть ее леди. Так вот, я готов повысить ставку, несмотря на твое упрямство. Давай поторгуйся! Назови свои условия.

— Кажется, ты меня не понял, — вздохнув, промолвил барон. — Она не может быть предметом торговли.

— Все женщины продаются, — цинично ответил его благородный гость. — Вопрос лишь в цене. Назови мне ее цену!

Дамиен промолчал, нахмурившись. Но Клун не унимался.

— Судя по тому, с каким упорством ты пытаешься удержать ее при себе, ее добродетели

уникальны. Иначе мне трудно объяснить, почему ты не пресытился ими за два месяца. Для тебя такой срок — рекорд. И все же мне хочется надеяться, что рано или поздно она тебе надоест.

Дамиен угрюмо уставился в бокал с коньяком, в золотистой глубине которого ему чудились прекрасные глаза Ванессы. Похоже было, что она ему никогда не надоест.

Граф начал терять терпение.

— Могу я рассчитывать хотя бы на твое разрешение приударить за ней, после того как ваш роман завершится?

— Нет, — ответил барон.

— Нет? — Клун вскинул бровь. — Ты никогда не был ревнивцем и собственником, мой друг! Женщины для тебя — всего лишь временное развлечение, разовое удовольствие. Ты прослыл яростным противником увлечения какой-то одной красоткой и не позволил ни одной из своих бесчисленных любовниц обворовать тебя. Что же с тобой случилось?

— Ничего, — ответил, пожав плечами, барон. — Каким я был, таким и остался.

— А мне кажется, мой друг, что непокоримый Князь Порока наконец-то сдался и пленен! — сказал, пристально взглянув на него, граф Клун. — Я прав?

Дамиен осушил бокал и сказал, ощущая жжение в горле:

— Нет! Я не могу отдать тебе леди Уиндем, потому что она компаньонка моей сестры.

Граф Клун даже присвистнул, услышав это, и с видимым злорадством изрек:

— Не рассказывай мне сказки! Скажи честно, что влюбился в нее, но боишься это признать. Мой милый друг, я вижу тебя насквозь, меня обмануть тебе не удастся, как бы ты ни старался. Вот так чудо! Самый стойкий из нас оказался первым, кто признал свое поражение!

— Не торопишься ли ты с выводами, мой друг?

— А разве я не прав? — Граф подкупающе улыбнулся, но в его оскале чувствовалась угроза. — Можешь отпираться сколько угодно, я все равно останусь при своем мнении.

Он тряхнул головой и, поднявшись из-за стола, добавил:

— Советую тебе поостеречься, мой друг! Не то и глазом не успеешь моргнуть, как очутишься в силках приходского священника.

С этими словами Клун удалился, оставив Дамиена наедине с его мыслями, которые вдруг перемешались у него в голове. Что граф подразумевал под «силками приходского священника»? Неужели бракосочетание? Барону стало жарко.

До настоящего момента он даже не задумывался о возможности женитьбы на Ванессе. Но теперь понял, что это лучшее решение всех связанных с ней проблем.

Став его женой, Ванесса осталась бы в имении и продолжала ухаживать за Оливией, которая успела к ней привязаться. Их брак будет, разумеется, формальным, они останутся свободными от обязательств и будут жить так, как им того захочется.

Барон зажмурился, потрясенный осенившей его грандиозной идеей. Да, женитьба — лучший выход из сложившейся вокруг Ванессы непростой ситуации.

Ему и думать не хотелось о том, чтобы отдать Ванессу на забаву Клуноу или таким же гнусным развратникам, как он. От одной лишь мысли, что она будет улаживать другого мужчину, ему становилось не по себе. Тем не менее к этому все и шло, раз уж она вознамерилась добывать хлеб своим телом.

Дамиен вздрогнул, осознав, участником какого низкого фарса он стал, потворствуя такому развитию событий и поощряя недостойные намерения Ванессы. Ему вдруг вспомнился упрек, брошенный ею ему в саду в пылу спора о судьбе Оливии. Тогда в голосе Ванессы он уловил оттенок горечи, но не придал этому значения. Ведь она подчеркнула, что в отличие от Оливии у нее нет возможности самой выбирать жениха. А он еще больше закрепостил ее, превратив в свою наложницу! Да вдобавок стал обучать ее искусству разврата, чтобы поскорее избавиться от нее, а заодно и от своего непреодолимого вожделения.

Дамиен тупо уставился в бокал с коньяком. Лишь недавно он начал осознавать, до каких глубин унижения он довел Ванессу, как низко он вынудил ее пасть. Он редко испытывал стыд, но сейчас понял свою вину перед ней с пронзительной ясностью. Ведь он растлил ее, посвятив в искусство обольщения, растоптал ее и без того испачканную репутацию, сделав своей любовницей. Искупить свою вину и вернуть ей доброе имя он мог лишь женившись на ней. И только так он мог защитить ее от посягательства сластолюбцев вроде графа Клуна.

Значит, с горькой усмешкой отметил Дамиен, ему на роду написано стать жертвой своего наваждения. Женившись на Ванессе, он будет вынужден всю жизнь безропотно нести свой крест, и это станет ему заслуженным наказанием за все его грехи.

На следующее утро, когда гости покинули усадьбу, Дамиен пошел разыскивать Ванессу. Он нашел ее в библиотеке. Усевшись в кресле у окна, она читала книгу. Раньше, до их размолвки, она бы улыбнулась, увидев его в дверях. Теперь же в их отношения прокралась отчужденность, вытеснившая былую радость. И он сам, вполне сознательно, лишил себя счастья. От этих мыслей к его горлу подступил ком...

Взгляд барона скользнул по лицу Ванессы, ее высоким скулам и пухлым губам, и к охватившей его нервозности странным образом примешались нежность и вожделение, отчего по спине у него поползли мурашки.

Его рот искривился в горькой усмешке: вот бы посмеялись до колик его приятели, если бы увидели, как у него, Князя Порока, дрожат колени при виде женщины.

Почувствовав его присутствие, Ванесса подняла голову и спросила:

— Что вам угодно, милорд?

Дамиену было угодно овладеть ею немедленно, здесь же, в библиотеке. Он вошел в комнату и, прокашлявшись, произнес:

— Я хочу сделать тебе предложение.

— Какое же? — спросила Ванесса.

Дамиен почувствовал, что галстук сдавливает ему шею. Ослабив узел, он подошел к камину и, уставившись на пустой очаг, хрипло сказал:

— Предложение в буквальном смысле этого слова. Я прошу тебя стать моей женой.

В библиотеке воцарилась мертвая тишина. Сообразив, что ответа не дожидается, Дамиен подошел к ней поближе. Ванесса побледнела и спросила:

— Зачем?

Взгляд у нее был изумленный и настороженный, такой реакции на свое предложение барон не ожидал.

— Что означает твое «зачем»? — оправившись от оторопи, вежливо спросил он.

— Зачем вам жениться на мне, если вы и так преуспели в осуществлении своего плана отмщения?

— Став моей супругой, ты получишь то, к чему стремишься, — богатство. И тогда все твои проблемы будут решены. Ты ведь мечтаешь найти богатого покровителя? Чем я не подхожу на эту роль? Я знатен и богат.

Глаза Ванессы потемнели, словно море в полночь.

— Однажды я уже вышла замуж ради богатства, и это закончилось катастрофой, — прошептала она.

— Вряд ли стоит проводить аналогию между той ситуацией и нынешней, — ответил барон.

— Вы правы, однако я не понимаю, зачем вам на мне жениться.

— Считаю, что меня вынуждают к этому жесточайшие угрызения совести.

— Совести? Я вас не понимаю. Вам ли о ней говорить!

— Я чувствую себя виноватым перед тобой за то, что вынудил тебя стать моей любовницей. И хочу исправить свою ошибку.

— Вы хотите расторгнуть наш договор? И заявить о своих правах на наше родовое имение, которое Обри проиграл вам в карты?

— Да нет же, такого у меня и в мыслях не было! — теряя терпение, воскликнул Дамиен.

— Вас не устраивает, как я исполняю свои обязанности любовницы?

— Нет, напротив, я в восторге!

— Тогда зачем же вам жениться на мне?

— Чтобы не терзаться чувством вины за то, что я принудил тебя стать моей любовницей.

— Ах, так, значит, вы хотите сделать меня своей женой, чтобы вас не мучила совесть?

— А чем это не повод для женитьбы? Люди вступают в брак и по куда более сомнительным мотивам!

— У меня иное мнение на сей счет, милорд! Вероятно, я должна вас поблагодарить за такую

честь. Что ж, барон Синклер, я польщена вашим предложением и выражаю вам свою признательность. — Ванесса сделала глубокий вдох и добавила: — Однако вынуждена ответить вам вежливым отказом.

Барон выдержал паузу и, успокоившись, бесстрастно сказал:

— Я бы хотел услышать объяснения.

— Извольте. Причина проста: вы меня не любите. Следовательно, супружество не принесет счастья ни мне, ни вам. Однажды я вышла замуж по расчету, и все закончилось трагедией.

Дамиен смягчился, услышав это.

— Но я не буду тиранить тебя, как твой покойный супруг-мужлан, — потеплевшим голосом заверил он ее.

— Возможно, вы будете стараться вести себя прилично. Однако вряд ли вам удастся всегда совладать с собой. Узы супружества будут вам казаться невыносимой обузой, а я, видя ваши муки, тоже начну страдать.

— Ты требуешь, чтобы я гарантировал тебе соблюдение супружеской верности? — уточнил Дамиен, изумленно вытаращив глаза.

— Именно так, милорд! Это мое главное условие, — подтвердила Ванесса. — Вам нечего сказать, вы прирожденный повеса! Ваша беспокойная натура не создана для любви! Вами движут темные страсти, утолив которые вы утратите ко мне всякий интерес и вернетесь к своему прежнему образу жизни. И я опять окажусь в том же убогом положении, в каком была в пору моего первого супружества. Но мне это не нужно, с меня довольно оскорблений, скандалов и грязных сплетен в свете.

— Тебе их все равно не избежать, если ты станешь куртизанкой, — с ухмылкой заметил барон.

— Возможно. Но тогда я буду ставить условия. Став же вашей супругой, я потеряю свободу и превращусь в рабыню. Лучше быть свободной кокеткой, чем бесправной женой тирана и сумасброда, — ответила Ванесса.

— Значит, ты уверена, что наш брак не будет благополучным?

— Да, во всяком случае, для меня! У нас с вами нет ничего общего, барон, мы абсолютно разные люди.

— По-моему, у нас очень много общего. Например, мы оба обладаем горячим темпераментом! — воскликнул Дамиен, делая шаг к Ванессе.

Она замерла, охваченная трепетом, и Дамиен, взяв ее за руки, рывком поднял с кресла и обнял. Она не стала вырываться и позволила ему себя поцеловать.

— Вот видишь, оказывается, твоя плоть не согласна с доводами рассудка, — проникновенным голосом промолвил Дамиен, крепче сжимая ее в объятиях.

Ванесса прикусила губу и покраснела, чувствуя, как отвердевают и увеличиваются от страсти, охватившей ее, соски и как учащается дыхание.

— Не стану отрицать, что вы меня возбуждаете, милорд. Но люди вступают в брак не только

ради удовлетворения похоти. Супружество должно основываться на взаимной любви, заботе и помощи. Оно невозможно без общего дома и семьи. Мне хочется иметь детей, а вам, Дамиен, они не нужны.

Барон оцепенел.

— Вряд ли из меня получится хороший отец, — наконец вымолвил он, стряхнув оторопь. — Я не сумел стать даже заботливым старшим братом. Но мне нужен наследник, которому я смог бы передать свой титул. Поэтому я не стал бы возражать против рождения сына.

— Я не хочу, чтобы мой сын вырос таким же распутником, как вы, милорд, — тихо сказала Ванесса.

Дамиен вздрогнул, задетый ее словами, и ответил:

— Вероятно, мне следовало бы сделать тебе предложение в более романтической обстановке, при луне и с букетом алых роз в руке. Тогда, возможно, ты отнеслась бы к нему более благосклонно.

— Ни розы, ни лунный свет не заставят меня стать вашей женой! Прекратите этот спектакль, барон! Вы ведь не хотите жениться на мне, я для вас ничего не значу.

Глаза Дамиена потемнели от гнева. Он взял ее за руку и, прижав ладонью к своей промежности, спросил:

— Разве этот аргумент не опровергает твоё утверждение?

— Он свидетельствует лишь о ваших неумных сексуальных аппетитах, — ответила Ванесса. — Не сомневаюсь, что вы не испытываете недостатка в дамах, готовых их насытить. — Она высвободилась из его объятий.

— Ты тоже не обделена мужским вниманием! — воскликнул Дамиен. — Клун предлагал мне своих породистых лошадей в обмен на твою благосклонность к нему. Он делал тебе какие-то намеки? О чем ты шепталась с ним за столом? Он соблазнял тебя?

— Нет! Для меня это новость! — сказала Ванесса, краснея от смущения. — Ну и что же? Вы согласились отдать меня ему?

Барон обжег ее гневным взглядом.

— Я еще не настолько низко пал, чтобы отдать тебя на забаву извращенцу, подобному графу Клуно! — воскликнул он.

— Неужели вы приревновали меня к своему лучшему другу? Так вот почему вы поспешили сделать мне предложение! Он задел ваше собственническое чувство!

Лицо Дамиена исказилось гримасой боли. Ванесса судорожно вздохнула и поспешила исправить свою ошибку, добавив:

— Успокойтесь, милорд! Я не собираюсь становиться любовницей или содержанкой лорда Клуна, как, впрочем, и любого из его приятелей, гостивших у вас. Когда придет время, я сама побеспокоюсь о своем будущем. Вам не нужно за меня волноваться.

— Найти себе хорошего покровителя не так-то просто, — процедил Дамиен.

— Вы так считаете? Что ж, время все расставит по своим местам. А пока я здесь, пожалуйста, не сердитесь на меня из-за моего отказа, уверяю вас, он просто задел ваше самолюбие. Но когда-нибудь вы поймете, что вам повезло сегодня, и будете радоваться, что не надели на себя такую обузу, как я.

С этими словами Ванесса повернулась и вышла из библиотеки, оставив Дамиена одного среди множества мудрых книг.

Он плюхнулся в кресло и вцепился руками в волосы, проклиная и упрямую Ванессу, и себя за свой нелепый поступок.

Слегка успокоившись, он попытался разобраться, что подтолкнуло его на этот необдуманный шаг. Неужели ревность? Да, разумеется! Но еще и всепоглощающая страсть! А ведь поначалу в его планы вовсе не входило сходить с ума от постоянного желания обладать ею. Он собирался лишь соблазнить ее и, удовлетворив свое вожеление, расстаться с ней в конце лета без всякого сожаления. Как же случилось, что они с Ванессой обменялись ролями? Как удалось ей завоевать его сердце, надежно защищенное, как ему казалось, броней от происков коварных женщин? Как унять вышедшую из повиновения похоть? Как избавиться от болезненного влечения к Ванессе? Все эти вопросы требовали немедленного решения. Однако даже найдя ответы, он, похоже, все равно не обрел бы умиротворения. Потому что одного физического удовлетворения ему уже было мало для счастья. Как и Ванессе.

Глава 18

Стоя у окна своей спальни, Ванесса смотрела на цветущие в саду розы и, кусая губы, в сотый раз задавала себе один и тот же вопрос: а не совершила ли она роковую ошибку, отвергнув предложение Дамиена?

Прошло три дня после их разговора в библиотеке, и она успела за это время восстановить в памяти все его детали, вплоть от оттенков голоса барона и его жестов.

Однако того, что ей хотелось бы в нем обнаружить, она так и не нашла. Ни малейшего намека на любовь! А без любви брак с ним был обречен на крах.

Только настоящее чувство могло заставить Дамиена пересмотреть свой порочный образ жизни и угомониться, ограничившись любовью к одной женщине. Но ее он не любил — такова была суровая правда, с которой ей следовало смириться.

Она тяжело вздохнула. Лето было на исходе. Значит, скоро она станет свободной от обязанностей его любовницы и сможет начать новую жизнь, уже без Дамиена. Но где же взять силы, чтобы его забыть? Как залечить рану в своем сердце?

Чей-то торопливый стук в дверь прервал печальные размышления Ванессы. Она обернулась и крикнула:

— Войдите!

Вошел лакей, держа в руках серебряный поднос.

— Прощу меня извинить за беспокойство, миледи, — почтительно поклонившись, произнес он, — но посыльный доставил для вас письмо от лорда Клуна.

С какой стати ему ей писать, подумала Ванесса, беря с подноса запечатанное сургучом

послание графа. Разве что это как-то связано с Дамиеном, который рано утром ускакал в охотничий домик к своим приятелям, чтобы пострелять голубей. Она вскрыла печать и, развернув письмо, прочла:

«Леди Уиндем! Хотя оснований для серьезной тревоги и нет, я счел нужным сообщить вам, что с бароном Синклером случилось маленькое неприятное происшествие. Мы уже послали за доктором, однако он желает видеть вас. Воспользуйтесь моей каретой и немедленно приезжайте!»

Представив себе Дамиена, страдающего от раны, Ванесса едва не упала в обморок. Сжав рукой горло, она закинула голову и, закрыв глаза, мысленно помолилась за его исцеление.

— Я должна ехать! — хрипло промолвила она, накинула на плечи мантилью и, выбежав из дома, села в ожидавшую ее карету.

Кучер не жалел лошадей, и спустя час экипаж свернул с дороги на посыпанную гравием дорожку, ведущую через густой лес к охотничьему домику. Перед мысленным взором Ванессы сменялись кошмарные картины из ее прошлого, связанные со смертельным ранением в грудь ее супруга на дуэли. И хотя Клун писал в своей записке, что ничего страшного с Дамиеном не случилось, Ванесса чувствовала, что не успокоится, пока не убедится, что барон не умирает, истекая кровью.

Наконец карета остановилась напротив дома. Ванесса выбралась из нее без посторонней помощи и, взбежав по ступеням на крыльцо, едва не столкнулась с открывшим ей дверь лордом Клуном.

— Что с Дамиеном? Как он? — задыхаясь спросила она.

— Он сейчас наверху, отдыхает. Я провожу вас к нему! — ответил Клун и повел ее через прихожую по лестнице на второй этаж. Они прошли по длинному коридору со множеством дверей по обеим сторонам, наконец Клун остановился и, распахнув перед Ванессой дверь, пропустил ее в комнату.

Она сделала несколько торопливых шагов и замерла, обнаружив, что Дамиена нет на кровати.

— Но где же он? — растерянно спросила она.

— Полагаю, что он еще не вернулся с охоты, — без тени смущения ответил граф. — Надеюсь, леди Уиндем, что вы не рассердитесь на меня за мой невинный розыгрыш. Будьте моей гостьей, присаживайтесь!

— Как прикажете вас понимать, граф?

— Сейчас я все объясню, миледи! Ваше присутствие здесь необходимо, чтобы немного пошутить над моим старым другом Дамиеном.

— Выходит, он вовсе не ранен?

— Нет, он вполне здоров. Это был лишь предлог, чтобы выманить вас сюда.

— Я рада слышать, что барон в добром здравии, граф. Однако потрудитесь объяснить, зачем именно я вам понадобилась?! — с тревогой спросила Ванесса.

Клун обворожительно улыбнулся:

— Вам не нужно меня бояться, уверяю вас! Все будет хорошо.

Ванесса направилась было к двери, но граф встал у нее на пути.

— Уж не хотите ли вы задержать меня здесь против моей воли? — возмущенно спросила Ванесса.

— Да, но не надолго. Дамиен вот-вот вернется, — ответил Клун.

— Он вряд ли обрадуется, застав меня наедине с вами в спальне! — воскликнула Ванесса, все больше волнуясь.

— В этом я не сомневаюсь, — непринужденно согласился с ней граф. — Но жалко упускать такую возможность. С Дамиена уже давно пора сбить спесь, он слишком задирает нос в последнее время. Полагаю, с моей стороны будет чересчур смело предложить вам слегка развлечься со мной в его отсутствие?

— Да, граф, вы правы. Мне бы этого не хотелось, — ответила Ванесса, лихорадочно соображая, как бы ей отсюда улизнуть.

— Вы сердитесь, миледи, — с деланной печалью заметил Клун.

— А вы ожидали чего-то иного? Сначала вы напугали меня до смерти своим идиотским письмом, а теперь собираетесь держать меня здесь взаперти.

— Это так, но только шутки ради!

— У вас странное представление о шутках! Ничего смешного я в ней не вижу. Послушайте, граф, давайте договоримся: я немедленно уезжаю отсюда и обещаю ничего не рассказывать Дамиену. А вы навсегда оставляете меня в покое. Такие условия вас устраивают?

— Увы, нет, миледи. Потому что они идут вразрез с моим планом!

— Каким таким планом, граф? Что вы задумали?

— Проверить, насколько крепка привязанность к вам Дамиена.

— Привязанность ко мне? О чем вы говорите, лорд Клун?

— Видите ли, миледи, он всегда клялся, что никому не отдаст свое сердце. На прошлой неделе он тоже отрицал, что увлечен вами. Но я уверен, что он лукавит, и намерен это доказать, вынудив его признать в присутствии членов Лиги адских грешников, что влюбился в вас.

— Граф Клун! Вы либо болван, либо сумасшедший! — вскричала Ванесса.

Клун снисходительно улыбнулся:

— Пожалуй, и то и другое, миледи. Но позволю себе выразить надежду, что вы заинтересованы в удачном осуществлении моего плана больше, чем кто-либо другой. Разве вам не хочется узнать, удалось ли вам пленить сердце Дамиена?

— Возможно, только не таким жестоким образом!

— Иного способа вынудить барона признаться в любви к вам я не вижу, миледи, — сказал, разведя руками, Клун. — Собственно говоря, я стараюсь ради его же пользы. Если барон до сих пор пытается обмануть самого себя, то будет лучше, если он это наконец поймет. Я придумал весьма простой сценарий, который шокирует его и заставит выказать свои истинные чувства.

— А мне, как я догадываюсь, в этом розыгрыше отведена роль приманки, — сказала Ванесса, с тревогой глядя на графа.

— Вы угадали. Видите ли, миледи, у нас принято совмещать вылазки в охотничьи угодья с плотскими удовольствиями. Для этого мы приглашаем сюда дам легкого поведения. Вечером, когда вернется Князь Порока, я намекну ему, что на этот раз пригласил для развлечения вас. И все сразу станет ясно по его реакции на мои слова. Уверен, что он не совладеет с приступом ревности.

— Боюсь, что он придет в ярость, граф. И это может плохо кончиться для вас, — заметила Ванесса.

— Да будет вам, миледи! — с улыбкой воскликнул Клун. — Мы с Дамиеном старинные приятели. В худшем случае он поставит мне фонарь под глазом. Но ради истины я готов рискнуть!

— Боюсь, что барон этим не ограничится, — пробормотала Ванесса. — И тогда вам не поздоровится.

— Разумеется, я не стану втягивать вас в скандал, — успокоил ее граф. — Вы побудете в этой комнате, правда, под замком, чтобы не улизнули раньше времени.

Ванесса вытаращила глаза.

— У вас будет все необходимое, чтобы скоротать время, миледи, — добавил Клун. — Служанка подаст вам чаю, закуски, вина, все, что пожелаете.

— Как это великодушно с вашей стороны, граф! — язвительно заметила Ванесса.

Без лишних слов Клун выскользнул за дверь и запер ее снаружи на ключ. Ванесса поморщилась от досады и метнулась к окну. Но и оно было заперто, а прыгнуть на гравийную дорожку, разбив окно, она не решилась, опасаясь покалечиться.

Она сделала успокаивающий вздох и попыталась утешиться мыслью, что все это происходит с ней понарошку, в конце концов, лакей в усадьбе Палисандровая Роща знает, где она находится.

Так-то оно так, язвительно возразил ей внутренний голос, но ведь прислуга в доме Дамиена вряд ли всполошится, если она не вернется к ночи домой. Все подумают, что она с бароном. Ванесса отвернулась от окна и принялась нервно расхаживать из угла в угол.

Главное, что Дамиен жив и здоров, внушала себе она, пытаясь успокоиться. А маленькие неудобства, вызванные дурацкой затеей Клуна, она как-нибудь перетерпит, раз уж у нее все равно нет иного выхода. От досады Ванесса болезненно поморщилась. Бездельники вроде Клуна с каждым днем ей становились все более неприятны. А ведь именно среди таких, как он, она вознамерилась найти себе покровителя. Какая глупость!

Однако сейчас, как ни крути, ей следовало вести себя разумно и подыграть графу. Ведь если Дамиен заметил бы, что она возмущена, он пришел бы в ярость. И тогда безобидный фарс в

охотничьем домике мог перерасти в громкий скандал, что окончательно погубило бы ее репутацию, и без того уже подмоченную.

Компания вернулась с охоты в приподнятом настроении. Как водится, все собрались в оружейной комнате, чтобы отведать отменного эля и обменяться небылицами о своих приключениях и трофеях, ничуть не смущаясь укоризненных взглядов чучел голов оленей, вззирающих на них стеклянными глазами со стен.

Дамиен угрюмо молчал, с трудом борясь с желанием оставить надоевшее ему общество искателей удовольствий. Его мысли были в этот момент далеко.

Взрыв смеха оторвал барона от невеселых размышлений. Он встрепенулся и, обернувшись, увидел, что на него пристально смотрит Клун.

— Я чувствую, что ты что-то замышляешь, — сказал Дамиен.

— Верно. Я приготовил для тебя сюрприз, — с обворожительной улыбкой ответил граф и, обернувшись к их американскому гостю, добавил: — Дорогой Николас! Ты еще не имел удовольствия испытать наш обязательный для всех новичков ритуал посвящения их в действительные члены Лиги адских грешников! Сегодня тебя ожидает истинно райское наслаждение.

Раздались пьяные голоса, предлагающие поднять за это бокалы.

— В самом деле? — спросил мистер Сейбин. — Любопытно, какое именно?

— Ты должен будешь удовлетворить дюжину прекрасных юных дев и их очаровательную королеву.

— Знатная оргия! — заметил кто-то из охотников.

— Вовсе нет! — возразил другой. — Это экзамен на выносливость. Нужно управиться со всеми красотками до восхода. А потом они выскажут свое мнение о ваших подвигах и поделятся с нами своими впечатлениями.

— Нам всем пришлось пройти через это, — сказал лорд Торнхилл.

— Я помню, бедняга Пендергаст чуть было не испустил дух после схватки с королевой. Она измочалила его так, что он потом долго не мог пошевелить ни ногой, ни рукой! — воскликнул лорд Читем и громко расхохотался.

— Предлагаю тост за здоровье Князя Порока! — крикнул кто-то. — Он единственный, кто побил все рекорды выносливости!

Все начали дружно восхвалять достоинства Дамиена и чокаться. Барон тоже поднял бокал, демонстрируя свою признательность собратям по клубу развратников.

Посыпались плоские шутки и каламбуры на тему правил вступления в его члены, сопровождаемые взрывами смеха. Наконец Клун вновь взял слово и довел до сведения всех присутствующих, что он нашел прекрасную королеву для сегодняшней церемонии.

— Но прежде чем мы утвердим эту кандидатуру, я должен заручиться согласием Князя Порока. Дамиен, ты поднимешься со мной наверх, чтобы взглянуть на нее?

— Так она уже здесь? — спросил кто-то.

— Разумеется! — кивнул граф. — Вряд ли кто-нибудь из вас сможет предложить равную ей кандидату. И все же мнение барона Синклера, признанного знатока дамской красоты, станет решающим.

— Так покажи ему скорее свою красавицу! — крикнул Читем.

Что-то насторожило Дамиена в голосе Клун, но он все-таки встал со стула и неохотно пошел вместе с ним на второй этаж. Клун постучался в дверь и, отперев ее, пропустил Дамиена вперед.

Войдя в комнату, барон увидел стоявшую спиной к ним у окна женщину. Ее фигура показалась ему знакомой. Она медленно повернулась, и Дамиен остолбенел.

Ванесса окинула его холодным надменным взглядом. Барон посмотрел на Клун, состроившего невинную мину, и спросил:

— Что все это значит? Что она здесь делает?

— Разве она не подходит для роли королевы этой ночи? — бархатистым голосом спросил, в свою очередь, Клун.

Дамиен сжал кулаки, представив Ванессу в роли королевы разнузданного шабаша, и, прищурившись, с недоверием задал свой следующий вопрос:

— Ты действительно хочешь, чтобы она участвовала в этой гнусной оргии? И ты согласна, Ванесса?

Клун поспешил ответить за нее:

— Она еще не дала окончательного ответа, хотя я и пытался уговорить ее согласиться. Если честно, то я выгнал ее сюда, чтобы узнать твою реакцию на ее появление здесь.

— Что? — Дамиен побледнел, чувствуя, как вскипает в нем кровь. Ему стало все ясно: Клун заманил Ванессу в охотничий домик обманом. Ведь не случайно дверь ее комнаты была заперта на ключ! Ванессу удерживали в этом вертепе против ее воли. — Ах ты, мерзавец! — вскричал он и, схватив графа за галстук, с силой приложил его лбом об стенку. — Такая реакция тебя устраивает?

Граф потряс головой и, потеряв ладонью лоб, победно расхохотался.

— Вполне! Я и не надеялся, что ты позволишь кому-то даже прикоснуться к ней.

— Мы будем драться с тобой на шпагах! — стиснув зубы, прохрипел Дамиен.

Клун насмешливо ослабил в ответ:

— Где же твоя хваленая выдержка, где безразличие, которым ты так кичишься, Князь Порока? Если ты не влюблен в нее, почему же ты бесишься, узнав, что я хочу сделать ее королевой ночи?

У Дамиена задрожали от ярости губы. Он схватил Клун за глотку и, едва не задушив его, вскричал:

— Замолчи! Она под моей защитой!

— Ты продолжаешь упорствовать, мой друг! — прохрипел Клун. — Причина явно в другом...

— Отпустите его немедленно, барон! — закричала Ванесса, напуганная до смерти этой сценой. — Вы его задушите!

В комнату вбежали несколько человек, привлеченные подозрительным шумом. В коридоре тоже раздался топот ног.

— Что за чертовщина здесь творится? — спросил Торнхилл.

— Дамиен! Отпустите его! — умоляла барона Ванесса. Лицо Клуна стало багровым. Николас Сейбин решил вступить за него и, положив руку на плечо Дамиена, спросил:

— Вы решили его убить?

— А разве это не ясно? — огрызнулся Дамиен, не ослабляя хватку.

Лишь общими усилиями подоспевших охотников драчунов удалось разнять. Однако лорд Синклер не угомонился.

— Я требую удовлетворения! — вскричал он. — Выбор оружия за тобой, Клун!

Ванесса ахнула и прошептала:

— Боже! Опять...

— Торнхилл и Мэттьюс будут моими секундантами, — заявил Дамиен, с ненавистью глядя на графа, и, взяв Ванессу за руку, увел ее из комнаты, провожаемый изумленными взглядами своих приятелей.

Глава 19

Возвращаясь на двуколке вместе с Дамиеном домой, Ванесса тряслась от перенапряжения и недобрых предчувствий. Барон продолжал клокотать, переполненный гневом, и скрежетать зубами. И только когда впереди показались знакомые каштановые деревья, растущие по бокам аллеи, ведущей к усадьбе Палисандровая Роща, она собралась с духом и спросила:

— Вы действительно будете драться с графом Клуном?

— Я не намерен отказываться от дуэли, — с улыбкой злодея ответил барон.

— Но ведь это всего лишь неудачная шутка! Вполне безобидная, так стоит ли она того, чтобы проливать из-за нее кровь? — попыталась урезонить его Ванесса.

— Хорошенькая шутка! Клун опозорил тебя перед сборищем первостепенных негодяев всей Англии! На мой взгляд, это далеко не безобидная выходка, — ответил Дамиен.

— Теперь весь свет узнает, из-за кого разразился этот скандал! Будь вы более благоразумны, ваши приятели и не догадались бы, что на роль королевы ночи избрана я! — с упреком воскликнула Ванесса.

— Разумный ответ все равно не устроил бы Клуна, — возразил ей Дамиен. — Он умышленно

вывел меня из терпения. Ему не следовало держать тебя под замком.

Теперь уже разозлилась Ванесса.

— Он вел себя не по-джентльменски, я не спорю, — сказала она, стараясь говорить спокойно. — Но ведь все кончено! Так для чего же раздувать скандал, устраивая дуэль? Умоляю вас, милорд, забудьте эту скверную историю и не позорьте меня!

— Забыть такое оскорбление? — возмущенно вскричал барон. — Нет, я подобных обид не прощаю! Я не потерплю, чтобы оскорбляли даму, находящуюся под моим покровительством!

— Да кто дал вам право судить других? — взорвалась Ванесса. — Как вы смеете играть чужими жизнями? Сначала вы хотели застрелить Обри, теперь собираетесь проткнуть шпагой Клуна. Похоже, вы возомнили себя равным Богу!

— Довольно! Я не собираюсь это обсуждать! — прервал ее Дамиен, дьявольски сверкнув глазами.

Ванесса умолкла, испуганно поджав губы. До конца поездки она не проронила ни слова, хотя внутри у нее все клокотало. Но едва лишь двуколка остановилась напротив дома барона, терпению ее пришел конец. Решительно проследовав прямо в свою комнату, она переоделась в дорожное платье и вызвала двух горничных, чтобы они помогли ей уложить ее вещи в чемоданы. Пока девушки занимались этим, она приказала дворецкому подготовить для нее экипаж, с тем чтобы добраться на нем до почтовой станции и там, пересев в дилижанс, доехать до Лондона, откуда сразу же отправиться в свое имение в Кенте.

Когда слуги отнесли чемоданы в карету, Ванесса в последний раз окинула взглядом спальню, где она за короткое время познала и неопишное удовольствие, и нестерпимую душевную боль, вышла в коридор и, тихонько прикрыв за собой дверь, спустилась по лестнице, даже не заглянув к Оливии. Проститься с ней, находясь в сильном волнении. Ванесса не решилась, рассудив, что разумнее объяснить все в письме по прибытии домой.

Проходя по коридору мимо кабинета Дамиена, она увидела, что барон сидит за письменным столом и осматривает дуэльные пистолеты весьма изящной работы. Смертельно побледнев, она собралась с духом и спросила:

— Значит, вы не передумали?

— Нет, — ответил, даже не взглянув на нее, Дамиен.

— Вы понимаете, что вас могут убить?

— Я рассчитываю на победу, поскольку считаюсь отличным стрелком, — последовал бесстрастный ответ.

— И вас не мучает совесть? Вы ведь можете убить беднягу Клуна! Или жизнь другого человека вы не цените и в грош?

— Моя честь не позволяет мне пойти на попятную! — горделиво вскинув голову, сказал барон.

— О какой чести вы говорите, милорд? Это смешно! Двое испорченных, безответственных мальчишек не поделили приз! Я не желаю становиться свидетелем этого позора. Мне претит даже мысль о том, что кто-то из вас будет ранен или убит! Я уезжаю.

— Куда? — изумленно спросил Дамиен, лишь сейчас сообразив, что на ней надета дорожная накидка.

— Домой, в свое имение, — ответила Ванесса.

— А как же наш уговор?

Глаза Ванессы потемнели от гнева.

— Срок, предусмотренный им, почти истек! — воскликнула она. — Если мой отъезд вы расцените как нарушение условий нашей сделки, пусть так оно и будет. С меня довольно!

На лице барона не дрогнул ни один мускул. Звенящим от негодования голосом Ванесса крикнула:

— Хотите знать, почему я вам отказала? Ответ перед вами! — Она кивнула на дуэльные пистолеты. — Я не была уверена, что в один прекрасный день вас не привезут домой раненым или убитым. С меня хватит кошмаров о гибели Роджера, я по горло сыта его скандалами и грязными сплетнями о его амурных приключениях. Всего этого мне больше не надо.

Дамиен остался невозмутимым, как каменная статуя. Ванесса возмущенно воскликнула:

— Но что самое непостижимое, так это ваш дурацкий, бессмысленный образ жизни! Члены вашей идиотской Лиги лезут из кожи вон, пытаюсь перещеголять друг друга в изощренных развлечениях и извращенных удовольствиях. Но разве распутство хотя бы раз принесло вам настоящую радость?

Дамиен цинично усмехнулся и тоже задал ей вопрос:

— А если бы я зарекся впредь дебоширить и распутничать? Это заставило бы тебя изменить свое решение? Ты бы согласилась тогда стать моей женой?

В комнате повисла напряженная тишина. Ванесса не знала, что ему ответить. Барон ухмыльнулся и попытожил:

— Тебе нужен в мужья не грешный живой человек, а святоша.

Глаза его стали пустыми и бесцветными, он словно бы закрыл свое сердце на ключ.

— Нет, вы заблуждаетесь, милорд! — пылко воскликнула Ванесса. — Мне нужен мужчина, который любил бы только меня. Мне нужен муж, который хранил бы верность супружеской клятве и не изменял бы мне с другими женщинами. Я выйду замуж только за того, кто не станет ввязываться в скандальные истории и рисковать своей и чужой жизнью на дуэлях.

— Опять ты сравниваешь меня со своим покойным супругом! Я не такой, как он! — сказал барон.

— Неужели? Я не вижу между вами особой разницы.

Их взгляды скрестились, как боевые шпаги. Ванессе показалось, что она слышит свое собственное дыхание и ощущает гнет тишины, зависшей в кабинете. Внезапно до нее дошло, что она так ничего не добьется, и она тихо промолвила:

— Послушай, Дамиен! Ты ведь наделен способностями и огромным богатством. Подумай,

сколько добрых дел мог бы ты совершить, если бы распорядился ими с умом. Я видела, как ты ухаживал за больной сестрой, и чувствовала, что порой ты был искренен в своих дружественных чувствах ко мне. Ты мог бы наполнить свою жизнь смыслом, но почему, то вместо этого упорно продолжаешь ее прожигать.

Дамиен притворно улыбнулся:

— Тебе лучше уйти, пока я не лишил тебя остатков иллюзий.

— Да, пожалуй, — слабым голосом согласилась она. — Какая же я была дура, что влюбилась в тебя! Такого человека, как ты, Дамиен, любить нельзя!

Она резко повернулась и, выйдя из кабинета, побежала по коридору. Дамиен вскочил и, догнав ее, порывисто обнял и хрипло прошептал:

— Останься, Ванесса!

Его просьба, произнесенная от чистого сердца, едва не поколебала ее решимость уйти от него навсегда. Она судорожно вздохнула и ответила:

— Нет, Дамиен! Это невозможно! Я не вынесу такой жизни!

Он разжал объятия, и она, выскользнув, убежала, глотая слезы.

Ночью Дамиен пробрался тайным ходом в спальню Ванессы, опустевшую с ее внезапным отъездом, и, словно сомнамбула, подойдя к окну, уставился невидящим взглядом в темный сад. Ему казалось, что он чувствует ее запах, слышит слова, произнесенные ею в сердцах о том, что она сожалеет, что влюбилась в него. Это неожиданное признание потрясло его, как и разочарование и отчаяние, читавшиеся в ее глазах. Лишь сейчас, после ее ухода, Дамиен осознал, что он натворил, как много он потерял, и ему стало горько и больно.

Он заслужил такой жестокий удар судьбы! Это расплата за все его жестокие и бездумные поступки, наказание за растление наивных женщин, кара за эгоистическое стремление к бессмысленным удовольствиям и пустым плотским наслаждениям. Ванесса права, его бесконечные поиски все новых и новых развлечений не доставили ему подлинной радости. Напрасно он бросался от одной красотики к другой, надеясь утолить голод плоти и заполнить душевную пустоту острыми ощущениями. Только Ванесса внесла смысл в его существование и наполнила любовью его сердце. Он полюбил ее, впервые в жизни, но не смог удержать. От этой мысли ему стало жутко и холодно.

— Я люблю тебя, Ванесса! — глухим голосом произнес он. За окном тоскливо завывал пронзительный ветер, предвестник приближающейся осени. На душе у Дамиена было мутно. Ванесса ушла, и с этим ничего нельзя было поделать. Как и с дуэлью, назначенной на следующее утро.

Рассвет окрасил небосвод на востоке в пурпур и багрянец, высветив суровые лица собравшихся на вересковой пустоши пятерых джентльменов — двух дуэлянтов, их секундантов и чопорного лакея. Туман, клубившийся над ними, придавал происходящему мистический оттенок. Лорд Торнхилл напомнил всем жесткие правила поединка: дуэлянтам надлежало разойтись на двадцать шагов, повернуться и лишь после этого спустить курок.

— Вы согласны с условиями, господа? — тихо спросил он. Сверля противника насмешливым взглядом, Клун торопливо ответил:

— Согласны, согласны! Давайте побыстрее покончим с этим малоприятным делом, джентльмены! Дорогой Пендергаст, если я погибну, можешь забрать моих серых рысаков.

Стоявший с каменным лицом Дамиен проигнорировал это легкомысленное замечание.

Дуэлянты вышли на середину поляны и замерли, повернувшись друг к другу спиной. Секунданты и лекарь тоже заняли свои позиции, отойдя на безопасное расстояние. К своему немалому удивлению, в гнетущей тишине Дамиен услышал бормотание графа:

— Если уж для тебя это так важно, то я готов извиниться за посягательство на твою даму сердца. Я сожалею, что способствовал еще большему подрыву ее репутации.

Даже в этой ситуации граф не удержался от сарказма. Но Дамиену было не до неуместной пикировки с ним, он угрюмо процедил сквозь стиснутые зубы:

— Мы оба виноваты перед ней. Но извиняться поздно.

— Господа, можете начинать дуэль! — воскликнул Торнхилл и начал отсчет: — Один...

Сделав глубокий вдох, Дамиен стал отходить.

Медленно отмерив шагами положенное расстояние, противники повернулись и, сжав рукоять пистолета, начали прицеливаться.

Барон видел, как палец Клуна давит на спусковой крючок. Но в голове его в этот миг возникло прекрасное лицо Ванессы, заклиняющей его не убивать графа. И рука его непроизвольно дернулась вверх в тот момент, когда он произвел выстрел. Одновременно с этим пуля Клуна сбила его с ног, прежде чем он услышал грохот и почувствовал запах пороха. Страшная боль мешала Дамиену дышать, сознание начало меркнуть. Клун подбежал к нему и, наклонившись, спросил:

— Черт бы тебя подрал, старина, ты написал завещание? Какого дьявола ты промазал? Скажи хотя бы свое предсмертное желание!

Дамиен сглотнул подступивший к горлу комок. Он уже осуществил свое странное последнее желание — исполнил волю Ванессы и сохранил Клуна его никчемную жизнь, выстрелив в воздух. Тем самым он уберег Ванессу от новых душевных страданий и обелил себя в ее глазах, доказав, что он все же не законченный злодей, способный не только на разврат, но и на убийство человека.

— Не шевелись, Дамиен! Я должен разрезать твой камзол, чтобы лекарь смог осмотреть рану, — сказал Клун, ощупывая левое плечо барона. Дамиен поморщился от боли и застонал. Лекарь опустился рядом с ним на колени и озабоченно промолвил:

— Кажется, пуля застряла в предплечье, мне придется ее извлечь.

— Это серьезно?

— Да, ранение тяжелое, но, кажется, не смертельное.

Дамиен закрыл глаза и заскрежетал зубами от боли. Ему следовало бы поблагодарить графа за то, что тот не убил его, но делать это ему почему-то не хотелось. В глубине души он сожалел, что не умер: смерть стала бы ему достойным наказанием за все его грехи.

Он выздоравливал медленно и трудно. Лишь спустя четверо суток после ранения, в течение которых Дамиен находился в охотничьем домике своего друга Лемтона, врач разрешил ему самостоятельно ходить.

Оливия отказалась разговаривать с ним, когда он вернулся в имение, и заперлась в своей спальне, как только узнала, что смерть ему не грозит. Она была зла на него и за эту дурацкую дуэль, на которой он едва не погиб, и за изгнание Ванессы.

Не мог простить себе этого и сам барон Синклер. Вынужденный проводить большую часть времени в постели, он мог мысленно проследить весь свой долгий извилистый путь грехопадения. Муки раскаяния, которые он испытывал при этом, были намного болезненнее, чем боль в раненой руке. Дамиен не мог без внутреннего содрогания думать о том, что он едва не уничтожил женщину, в которую был влюблен, растлив ее и втянув в круг своих порочных интересов. Он даже перещеголял в этом смысле Клуна, подготовив Ванессу к занятию проституцией. В общем, открывшаяся ему наконец правда была горька и отвратительна.

Совершенные им подлые поступки были настолько омерзительны, что барон сомневался, сможет ли он когда-нибудь вспоминать о них без содрогания. Ведь даже делая Ванессе предложение стать его супругой, он не выказал ей вполне заслуженного ею уважения. Напротив, он вел себя так, будто бы делал ей огромное одолжение, и не сказал ни слова о том, как много она для него значит.

Стоило ли удивляться, что она его отвергла?

Вспомнив, с какой горечью Ванесса произнесла свой отказ и высказала сожаление, что полюбила его, Дамиен зажмурился. Яркий солнечный свет, бивший в окно, раздражал его своим назойливым напоминанием о том, что жизнь идет своим чередом. Барон не видел смысла продолжать свое существование, — настолько оно казалось ему бессмысленным и постыдным.

Очевидно, склонность к разврату и греху передалась ему по наследству от родителей. А поскольку порочность у него была в крови, он даже не подвергал сомнению свое несправедливое поведение и не пытался усмирить свои дикие порывы и авантюристический зуд, оставляя без внимания уколы совести и гнетущее ощущение душевной опустошенности.

Он пал так же низко, как и его развратный папаша, а потому стал отвратителем самому себе. Из этой ужасной ситуации был только один выход — собраться с остатками духа и попытаться реабилитироваться в глазах Ванессы.

Спустя еще несколько дней, когда Дамиен начал без посторонней помощи совершать прогулки по саду, к нему пожаловал с визитом лорд Клун.

— Я бы хотел еще раз принести тебе свои извинения и поблагодарить тебя за то, что ты не прервал мое существование на этом свете. С моей стороны было, разумеется, непростительно бросить тень на репутацию леди Уиндем, и я прошу принять мои сожаления в связи с этим, — промолвил он сдавленным голосом.

Дамиен натянуто улыбнулся:

— Прими же в таком случае и от меня благодарность за то, что ты не ранил меня в самое сердце.

— Я целил в плечо, смею тебя уверить, — заметил Клун.

— Что ж, на сей раз ты выказал похвальную меткость, — мрачно пошутил барон. — Ты делаешь успехи! Что же ты стоишь как столб? Присаживайся в кресло.

Клун сел, и Дамиен окинул его грустным взглядом. Они были друзьями многие годы, еще с беззаботной студенческой поры, когда вместе учились в университете. И вот теперь их дороги разошлись. Барон не испытывал сожаления в связи с отказом от своего прежнего — порочного и суетного — образа жизни, но чувствовал, что будет скучать по старому другу.

— Я, похоже, омрачил вам вашу охотничью вылазку, — сказал Дамиен.

— Да уж не украсил, это точно. Твои игры со смертью всем изрядно испортили настроение, так что большинство из нас уехало в Лондон. Мне хотелось поговорить с тобой с глазу на глаз, старина. Но боюсь, что это вряд ли удастся. К тебе сегодня наверняка пожалуют другие визитеры.

— Что ж, раз так, давай простимся, — сказал Дамиен. — Ведь я намерен выйти из Лиги адских грешников.

— Однако не слишком ли ты торопишься, мой друг? Стоит ли принимать так близко к сердцу этот пустячный огорчительный эпизод? Разве он дает тебе повод отказываться от своих старых испытанных друзей? — воскликнул граф.

— Я не отвергаю своих приятелей, но прекращаю беспутную жизнь, — возразил Дамиен, чем очень огорчил Клуна.

— Это все из-за нее, верно? — помрачнев, спросил он. — Из-за леди Уиндем. Выходит, я все-таки был прав, ты в нее влюблен по самые уши.

— Да, ты был прав, старина, — подтвердил барон. Клун всплеснул руками и воскликнул:

— Ты меня убил этой новостью! А ведь меня трудно чем-либо удивить. Ты ведь поклялся, что никогда не угодишь в сети Амура. Как же тебя угораздило все-таки запутаться в них, мой друг?

— Я встретил Ванессу, — ответил Дамиен.

— Сомневаюсь, что эта любовь сделает тебя счастливым, — сказал граф. — Боюсь, что все выйдет как раз наоборот.

— Я это знаю.

— Подумай, какому риску ты себя подвергаешь! На тебя обрушится множество невероятных напастей!

— Может быть, ты и прав.

— Хорошо, что ты это признаешь, мой друг. Я рад, что любовь пленила не меня, а тебя. Мне бы не хотелось прослыть дураком, — сказал граф с умильным выражением на лице.

— Законченным дураком, — добавил Дамиен, любезно улыбаясь. — Будь я в здравом уме, разве я вызвал бы тебя на дуэль на рассвете?

Клун смерил его долгим сочувственным взглядом и заметил:

— Раньше ты никогда не позволял себе самоуничижаться.

— И вновь ты прав, мой друг! — без тени смущения признал Дамиен. — Но раньше меня величали Князем Порока, а теперь я просто барон Синклер. Прошу впредь меня так и называть.

— Как тебе будет угодно, — сказал граф. — Когда я смогу поздравить тебя со вступлением в законный брак?

— Не знаю, — нахмурившись, ответил Дамиен. — Ванесса мне отказала.

— Она отвергла твоё предложение? — переспросил, не веря своим ушам, граф Клун.

— Увы, это так, — подтвердил барон Синклер. — Она заявила, что не желает становиться женой развратника и дебошира.

— Ах вот оно что! — Граф пожевал губами. — Теперь мне понятно, почему ты намерен отказаться от членства в нашей Лиге. Советую одуматься, мой друг, иначе и не заметишь, как превратишься в тряпку и подкаблучника!

Взор барона затуманился, он отвернулся к окну и тихо произнес:

— Я готов на все, лишь бы только она меня простила!

Оливия отнеслась к намерению брата преобразиться куда более сдержанно и скептически. Как только барон окреп, он вызвал сестру к себе для обстоятельного разговора. Она неохотно подчинилась ему, но по ее упрямо вздернутому подбородку Дамиен догадался, что сестра настроена враждебно. Его догадка подтвердилась, как только лакей, вкативший в комнату инвалидную коляску, вышел и закрыл за собой дверь.

— Мне нечего тебе сказать, — заявила Оливия. Дамиен болезненно поморщился, огорченный таким началом разговора, и, тяжело вздохнув, сказал:

— А я хочу сообщить тебе, моя любимая сестра, что снимаю свой запрет на твоё бракосочетание с виконтом Ратерфордом.

Оливия от изумления раскрыла рот и вытаращила глаза.

— Вероятно, это твоя очередная жестокая шутка? — наконец спросила она.

— Отнюдь! — ответил Дамиен. — Хотя я и сейчас еще не совсем уверен в искренности его намерений, я счел возможным дать ему шанс доказать, что он сохранил каплю порядочности. Я хочу, чтобы ты была счастлива, Оливия. Если виконт Ратерфорд может сделать тебя счастливой, я не стану этому мешать.

На бледном лице девушки промелькнула тень робкой надежды.

— Ты говоришь это серьезно? — спросила она.

— Вполне! — ответил Дамиен.

Оливия радостно улыбнулась, глаза ее засветились счастьем.

— Ах, дорогой мой брат! Это чудесная новость!

— Мне очень приятно это слышать.

— Я сейчас же сообщу ее Обри. Ты не возражаешь? Ты не застрелишь его из своего ужасного дуэльного пистолета, когда он появится в нашем доме?

— Нет, Оливия, — криво усмехнувшись, заверил ее барон. — С дуэлями навсегда покончено. Я буду вести себя примерно.

Взгляд ее голубых глаз стал серьезным.

— Я рада это слышать, Дамиен, — промолвила она. — Давно пора прекратить безумствовать. Ванесса права, отмщение не может принести душевного покоя. Я это поняла на собственном горьком опыте. Поначалу мне хотелось наказать Обри, отомстить ему за его жестокую шутку. Но потом я осознала, что в действительности жаждала его любви.

Дамиен улыбнулся и тихо заметил:

— Ты, оказывается, не по годам мудра, дорогая сестра! Что ж, не стану тебя задерживать, можешь отпраздновать победу вместе со своим возлюбленным.

Он дернул за шнур звонка, вызывая лакея. Но прежде чем покинуть комнату, Оливия обернулась и сказала:

— Я получила весточку от Ванессы. Она добралась до дома вполне благополучно.

— Вот как? — заметил барон невозмутимым тоном.

— Она написала мне и кое-что еще в своем письме...

— Любопытно, что же именно?

— Она выразила сожаление о том, что вы разошлись в своих взглядах на жизнь, но заверила меня, что останется моей верной подругой.

— Тебе везет, — сказал Дамиен, почувствовав в груди боль.

— Честно говоря, Дамиен, я по ней ужасно скучаю. Ты не будешь возражать, если я попрошу ее к нам вернуться? — спросила с мольбой во взгляде Оливия.

Барон Синклер ответил ей не сразу, понимая, что его ответ ее огорчит.

— Она уже никогда сюда не вернется, — наконец сказал он. — Но все равно благодарю тебя за твою искренность.

Оливия грустно улыбнулась и отвернулась. Когда лакей выкатил из комнаты ее коляску, Дамиен лег и задумался над тем, что сестра сказала о мести. Безусловно, вкус ее не сладок, а горек, подумал он, а в случае с Ванессой судьба вообще сыграла с ним злую шутку. Он стремился отомстить за поступок ее брата, но в результате сам стал жертвой несчастной любви. Провидение проделало с ним свой излюбленный и старый как мир фокус, заманив в сети, раскинутые проказником Амуром, который не преминул поразить своей стрелой его сердце.

Поэты, воспевшие неукротимую силу любви, правы, подумал Дамиен, глядя в потолок. Любовь способна потрясти до основания даже самого отъявленного повесу и негодяя.

Сколько бессонных ночей он провел, мечтая о любви, но не осмеливаясь признаться себе в этом! И вот она пришла к нему и принесла с собой новые страдания, доселе неведомые ему, считавшему себя закоренелым циником и развратником. Томление ни на миг не покидало его чресла, мысли были заняты в основном Ванессой. Он засыпал, думая о ней, и просыпался, видя ее прекрасный образ. Она заполнила собой его сны, пленила его сердце. В ней он видел свой идеал, и только ей одной было дано унять его беспокойство и заглушить душевную боль...

Только она была способна утолить его вожделение, ради обладания Ванессой Дамиен был готов пожертвовать своей свободой. Более того, он мечтал стать ее преданным рабом. Как же ему ее вернуть? Возможно ли исправить свою ошибку и начать все сначала? Услышит ли Господь его мольбу? Поможет ли ему завоевать ее любовь?

Дамиен всем сердцем, хотел стать другим человеком, но не знал, что ему нужно для этого предпринять. Холодные и себялюбивые родители не могли служить ему примером. Лишенный их ласки и внимания в детстве, он вырос дебоширом и повесой, необузданным самовлюбленным эгоистом и распутником. В конце концов он утратил вкус к жизни, так и не найдя смысла своего существования.

Но теперь Дамиен чувствовал, что он может исправиться и стать другим человеком. Он задался целью доказать Ванессе, что нет правил без исключения и что даже закоренелые распутники могут преобразиться благодаря волшебной силе любви.

В сердце Дамиена появилась надежда, что он сможет добиться от Ванессы взаимности, сумеет воскресить в ней однажды уже вспыхнувшее подлинное чувство. Ему хотелось верить, что свершится чудо и он, который чуть было не погубил ее, обретет в ней спасение.

Глава 20

Сидя вместе со своими сестрами и матушкой в утренней гостиной, Ванесса мысленно была далека от их насущных забот, которые они обсуждали, ловко управляясь с вышиванием. В душе Ванессы поселилась пугающая пустота.

Минула неделя, с тех пор как она вернулась в родовое имение Ратерфордов, но отчаяние, охватившее ее в день отъезда из усадьбы барона Синклера, так и не покинуло ее. Письмо, которое недавно прислал ей Обри, усугубило ее мрачное настроение. Она запомнила его слово в слово и не раз восстанавливала в памяти. Вот и сейчас хорошо заученный текст вновь всплыл у нее перед мысленным взором:

«Дорогая сестра! Я уверен, что тебе не хотелось бы узнать об исходе дуэли от постороннего человека, поэтому беру эту миссию на себя. Умоляю, не волнуйся чрезмерно, но он был серьезно ранен в плечо, и врач извлек из него пулю. Лорд Синклер, к изумлению своих друзей, промахнулся, так что граф Клун не получил даже царапины в этом поединке.

Очевидно, барон должен полностью поправиться, но я могу судить только по слухам, поскольку меня не пускают в его усадьбу. К сожалению, мои личные обстоятельства не изменились, о чем тебе тоже сообщаю. Преданный тебе брат Обри».

Ванессе живо представился раненый Дамиен, лежащий в луже крови, и она вздрогнула и зажмурилась. Кошмары продолжали преследовать ее по ночам, несмотря на то что в своем втором письме брат сообщал, что барон выздоравливает даже быстрее, чем это ожидалось.

Самой Ванессе не удавалось так же быстро оправиться от своих душевных ран. Она так и не сумела залечить в своем сердце боль, причиненную любовью к Дамиену. Расставание с ним

забрало все ее силы. Более решительного поступка она еще никогда не совершала.

Стоило только ей взглянуть на розу, как ей вспоминался Дамиен, а в сердце возникала боль утраты...

— Прибыла почта! — воскликнула Шарлотта, возвращая Ванессу из мира грез в жестокую реальность.

Спустя минуту в гостиную вошла горничная и, сделав реверанс, сказала:

— Вам письмо, миледи.

— Благодарю, — ответила Ванесса, покосившись на печать с оттиском герба Синклеров, и сердце ее сладко заняло. Она торопливо вскрыла письмо и, развернув его, начала разбирать каракули Оливии, что удавалось ей с большим трудом, так как ей мешали чернильные кляксы и бесчисленные восклицательные знаки. Явно пребывая в сильнейшем волнении, Оливия сообщала своей подруге следующее:

«Моя дорогая и любимая Ванесса! Знаю, что тебе будет в это трудно поверить, но Дамиен смягчился и благословил нас с твоим братом на брак! Он сказал, что желает мне счастья, и теперь я самая счастливая девушка на свете! Отныне я могу называть тебя сестрой! Надеюсь, ты понимаешь, как я возбуждена. Я с трудом держу в руке перо от волнения. Несомненно, Дамиен изменил свое мнение только благодаря твоему благотворному влиянию. Он всегда придавал большое значение всем твоим высказываниям.

Мы еще не обговаривали с Обри все детали нашей предстоящей свадьбы, как-то: где именно она состоится и где на первых порах мы будем жить, однако я полагаю, что все разрешится до наступления зимы. Следовательно, скоро мы с тобой непременно увидимся в вашем имении. Надеюсь, что твоя матушка не станет сердиться, получив титул вдовствующей виконтессы. Я буду с нетерпением ждать нашей встречи. Еще раз сердечно благодарю тебя, Ванесса, за твое участие во всей этой истории».

На глазах у Ванессы навернулись слезы радости.

— Что с тобой? — спросила, заметив их, Шарлотта. — Надеюсь, новости не слишком печальные?

Ванесса посмотрела на сестру затуманенным взглядом и, запинаясь от волнения, ответила:

— Напротив, новость радостная! Обри женится на Оливии Синклер.

— Потрясающе! — воскликнула Фанни.

— Как, мой сын женится? — переспросила их матушка Грейс. — Я впервые слышу, что он знаком с этой девицей. Почему мне не сказали, что он сватается к ней?

— Ему не хотелось волновать вас прежде времени, мама, — заверила ее Шарлотта, — и обнадеживать нас без веских на то оснований. Это будет великолепная партия! Ты должна помнить, что нам писала о мисс Синклер Ванесса в своих письмах.

Ванесса была признательна сестре за находчивость, сама она была не в состоянии поддерживать беседу. Улучив удобный момент, она под благовидным предлогом оставила своих родственников и уединилась в спальне. Но и там ее волнение ничуть не уменьшилось. Ее

переполняли самые разные чувства. В первую очередь радость за Оливию, затем — любопытство. Ей с трудом верилось, что Дамиен так радикально изменился. Неужели этому действительно способствовала она? Неужели он все-таки принял близко к сердцу брошенные ей ему упреки? Неужели он всерьез воспринял ее пожелания и предостережения? Означает ли это, что Дамиен преобразился?

Нет, решила Ванесса, глупо и наивно делать далеко идущие предположения на основе одного доброго поступка. Она заставила себя успокоиться и не тешить себя неоправданной надеждой, ведь горькая истина, открывшаяся ей накануне дуэли, осталась неизменной. Как и прежде, Дамиен ее не любил. То, что он дал согласие на бракосочетание Оливии и Обри, еще не доказывало, что в нем проснулись глубокие чувства к ней.

Она правильно поступила, потому что жизнь в браке с равнодушным к ней человеком стала бы для нее адом. Лучше остаться одинокой, чем превратиться в бесправную рабыню безнравственного деспота-мужа. Придя к такому умозаключению, Ванесса едва не разрыдалась от отчаяния. Сердце ее тоскливо заныло, и она судорожно вздохнула, пытаясь восстановить свободное и ровное дыхание.

В последовавшие за этим несколько недель ей все-таки удалось обрести душевное равновесие. Однако выглядела она такой вялой и бледной, что матушка даже заподозрила, что ее старшая дочь заболела.

Время от времени Оливия извещала ее о том, как идут приготовления к свадьбе и где состоится обряд бракосочетания. Торжественная церемония должна была состояться в начале ноября в местной церкви, а в сентябре они с Дамиеном собирались поехать в Лондон за свадебным платьем. Ванесса разделяла эти маленькие радости Оливии, но в экстаз, как она, конечно же, не впадала. Однако следующее письмо от Обри повергло ее в сильное изумление и волнение. Брат писал:

«Дорогая сестра! Ты ни за что не поверишь, что недавно учудил барон Синклер. Тебя вряд ли удивит, разумеется, что он простил мне все мои карточные долги: требовать их оплаты ему все равно не имело смысла, поскольку ты добросовестно отработала их, служа у него в качестве компаньонки Оливии. Вдобавок он вряд ли бы желал, чтобы Оливия жила в нищете.

Но этим его великодушие не ограничилось, он выпытал у меня, кому и сколько я еще должен, и сполна рассчитался со всеми моими кредиторами. Так что теперь я даже не представляю себе, как я смогу расплатиться с ним за такую щедрость, моего жалованья секретаря для этого наверняка не хватит, как бы я ни экономил. А теперь соберись с духом и приготовься к следующей невероятной новости: барон выделил изрядную сумму на приданое для наших сестер!

Ты не представляешь, как это меня обрадовало. Теперь, когда я знаю, что будущее Шарлотты и Фанни обеспечено, я чувствую себя гораздо спокойнее. Полагаю, что и у тебя полегчает на душе: ведь имея по десять тысяч фунтов стерлингов каждая, они могут сами выбрать себе женихов.

Я беру обратно все высказанные мной о лорде Синклере хулительные слова. Он дал мне возможность доказать, что я еще на что-то способен, и я клянусь, что не разочарую его.

Честно говоря, его поступки остаются для меня неразрешимой загадкой. Он уже не грозит мне расправой за мои мнимые оскорбления Оливии, однако бывает, так обожжет своим суровым взглядом, что у меня тотчас же исчезают сомнения в том, что он не задумываясь пристрелит

меня, если с ее головы упадет хоть один волосок. Моя гордость восстает против принятия его щедрых подарков, но рассудок и обстоятельства вынуждают их принять ради благополучия наших сестер и, конечно же, Оливии. Ты не представляешь, как я ее люблю!»

Ванесса перечитала это письмо несколько раз, прежде чем его смысл дошел до нее. И в самом деле, как можно было поверить, что Князь Порока подарил по десять тысяч фунтов стерлингов каждой из ее младших сестер и простил Обри долг! Ведь это означало, что с ее плеч снято тягчайшее бремя, угнетавшее ее с тех пор, как скончался ее отец.

В сердце Ванессы вновь вспыхнула искра надежды. На сей раз сна грозила быстро окрепнуть и превратиться в пламя.

В последовавшие за этим событием дни поступили новые приятные известия из Палисандровой Роши. Самой радостной для Ванессы стала новость, что Оливия быстро выздоравливает. Чувствительность в ее ногах улучшилась, и лекарь заявил, что если она будет продолжать регулярно принимать лечебные процедуры, то на обряд бракосочетания придет самостоятельно.

Оливия также сообщала ей, что на следующей неделе она поедет в Лондон, после чего хотела бы съездить вместе с Обри в имение Ратерфордов, чтобы еще до свадьбы познакомиться с его матушкой и сестрами.

Письма из Лондона пестрили восклицательными знаками, являя собой панегирик столичным магазинам и модным салонам. Уже начался малый светский сезон, и Обри возил невесту по раутам и балам, где ей неизменно оказывался радушный прием. В каждом своем письме она писала, что безмерно счастлива, что любит такого чудесного мужчину, как Обри.

Всякий раз, когда Ванесса читала восхищенные отзывы о своем брате, у нее щемило сердце. Ее обуревало предчувствие, что подобным образом переменится и Дамиен. Ведь после всех его удивительных поступков его уже нельзя было назвать бессердечным прожигателем жизни. Последнее письмо от Оливии содержало в себе самый большой сюрприз.

«Мы с Обри каждое утро посещаем магазины на Оксфорд-стрит и ярмарку на Эксетер-Чейндж. А Дамиен в это время бывает — где бы ты думала? Ни за что не поверишь, когда узнаешь! В Уайтхолле! Он стал советником министра финансов, чем, по общему мнению, сделал казначейству большую честь и неоценимую услугу. Более того, он намерен уже в январе занять свое кресло в палате лордов. Сейчас они с его секретарем мистером Хаскеллом пишут и обсуждают его будущие речи. Дамиен так увлекся своей новой работой, что не хочет уезжать из Лондона. Так что мы с Обри завтра утром отправимся домой вдвоем, оставив Дамиена в компании его коллег-либералов из партии вигов. Обри говорит, что в ней собрались неугомонные реформисты и смутьяны, поэтому Дамиену среди них самое место. Себя Обри считает убежденным консерватором. Естественно, став его женой, я тоже буду тори.

Я не могу дождаться дня, когда это наконец-то случится. Обещай мне, что будешь присутствовать на нашей свадьбе в качестве подружки невесты!»

Эта просьба повергла Ванессу в трепет. С одной стороны, она обязана была присутствовать на свадьбе своего единственного брата. С другой — боялась новой встречи с Дамиеном, не уверенная, что сможет спокойно выдержать пристальный взгляд его серых глаз, от которого ее всегда бросало в жар.

Спустя два дня она получила письмо, которое не столько удивило, сколько озадачило ее. Написано оно было личным секретарем Дамиена Джорджем Хаскеллом.

«Милостивая государыня! Пишу вам от имени барона Синклера, чтобы просить вас встретиться через две недели с мистером Нейсмитом, поверенным барона. Он будет в графстве Кент в начале октября и хотел бы посетить вас в удобное для вас время. Если вы найдете возможным его принять, то сообщите мне день и час встречи. Ваш покорный слуга, Джордж Хаскелл».

Теряясь в догадках, о чем хочет с ней поговорить стряпчий Дамиена, Ванесса все же отправила мистеру Хаскеллу вежливый ответ, в котором сообщила о своем согласии встретиться с Нейсмитом в десять часов утра третьего октября.

Когда этот день наступил, Ванесса выпроводила сестер на верховую прогулку и, убедившись, что матушка отдыхает в своих покоях, уселась с книгой в руках в кабинете, где и намеревалась принять стряпчего.

Он прибыл точно в назначенный час и приступил к изложению дела, ради которого приехал к Ванессе, как только сел на стул.

— Я должен довести до вашего сведения, леди Уиндем, что лорд Синклер приобрел для вас усадьбу в графстве Кент. Дом, окруженный большим парком, полностью декорирован и меблирован, можете хоть завтра в него переехать. Остается лишь подписать документы.

Ванесса с гневом посмотрела на дерзкого стряпчего, осмелившегося сообщить ей о намерении барона сделать ее своей постоянной любовницей в столь скверно завуалированной форме, однако сумела взять себя в руки и спокойно спросила:

— Не могли бы вы объяснить, что побудило Дамиена на столь щедрый жест?

— Он подумал, что у вас может возникнуть желание иметь собственное жилище в связи с тем, что владение вашим родовым поместьем перейдет к супруге вашего брата. Хочу отметить, что купленный бароном особняк расположен посередине пути от вашего имения до Лондона. Правда, конюшня пока пустует, но лишь только потому, что барон решил предоставить вам возможность самим решить, каких лошадей лучше держать...

— Мистер Нейсмит! — нетерпеливо перебила его Ванесса. — Я действительно подумываю над тем, не перебраться ли мне в другое место, когда хозяйкой здесь станет жена моего брата. Но какое дело лорду Синклеру до моих забот?

— Хорошо, миледи, я все объясню, — смиренно кивнув, промолвил стряпчий. — Видите ли, леди Уиндем, озабоченность лорда Синклера обусловлена его искренним христианским желанием помочь вам обрести финансовую самостоятельность и возможность по собственному усмотрению решать свою судьбу, в особенности в плане вероятного повторного замужества.

Ответ потряс Ванессу настолько основательно, что она добрую минуту не могла вымолвить ни слова.

Истолковав ее молчание как согласие со всем сказанным им ранее, стряпчий продолжал:

— Вам будет полезно знать, любезнейшая леди Уиндем, что барон распорядился открыть счет в банке на ваше имя на сумму более двухсот тысяч фунтов, а также купить для вас ценные бумаги. Не вдаваясь в детали, скажу, что отныне вы обладательница крупного состояния. Поздравляю вас, вы стали одной из самых богатых женщин Англии. Хочу добавить, что ваш капитал размещен так, что воспользоваться им сможете только вы сами и ваши дети, но не супруг, как это предусмотрено английскими законами. Для этого мне пришлось прибегнуть к маленьким хитростям, но вам их знать не обязательно. Вот здесь все дарственные и другие

бумаги. — Стряпчий достал из своего саквояжа документы и вручил их остолбеневшей Ванессе со словами: — Ознакомьтесь с ними и спрячьте в надежном месте. Если у вас возникнут какие-то вопросы, я буду рад встретиться с вами еще раз и дать исчерпывающие пояснения.

— Спасибо, но в этом нет необходимости, — сказала Ванесса, — я все уже поняла. Благодарю вас за визит.

Ей хотелось как можно скорее остаться одной и спокойно обдумать этот немыслимый поступок Дамиена. Она была ошеломлена таким поворотом событий, однако не стала сгоряча швырять бумаги в лицо ни в чем не повинному стряпчему, как это сделала бы на ее месте любая другая уважающая себя женщина, оскорбленная откровенной попыткой купить ее. Сердце подсказывало ей, что Дамиен не хотел ее оскорбить. Напротив, он выразил таким образом свою благодарность и заботу о ее благосостоянии.

Стряпчий не стал обременять ее своим присутствием и, почтительно поклонившись, удалился. Ванесса, рассеянно кивнув ему и пожелав благополучно добраться до Лондона, наконец осталась в кабинете одна.

Мысли ее смешались, тело охватило оцепенение. Неужели она действительно стала богатой и самостоятельной женщиной? Неужели теперь она сможет сама решать, как ей жить дальше? Неужели ей больше не придется ни выходить по расчету замуж, ни становиться чьей-то любовницей?

Но зачем Дамиен подарил ей свободу? Что он хотел ей сказать своим сказочно-щедрым подарком? Неужели он и вправду не ждет от нее ничего взамен? Отдает ли он себе отчет в том, как много значит для нее независимость и свобода?

По щекам Ванессы побежали слезы. Конечно же, подумала она, Дамиен все это понимает. Но почему он так поступил? Может быть, его замучила совесть? А что, если причина его странного шага совсем в другом? Выяснить это можно было только при личной встрече.

Как назло, в этот момент в кабинет вошли вернувшиеся с прогулки сестры. Вид Ванессы серьезно их встревожил.

— Что случилось? — спросила Фанни. — Стряпчий принес тебе скверную новость?

— Нет, напротив...

— Тогда почему ты плачешь?

Ванесса вытерла мокрое лицо и, взяв со стола бумаги, встала.

— Я и сама не знаю, — сказала она. — Наверное, от счастья. Мне нужно немедленно ехать в Лондон.

— Как? К чему такая спешка? У нас сегодня на полдник пирог с заварным кремом! — разом вскричали сестры.

— Разрешаю вам съесть мою порцию, — с натянутой улыбкой сказала Ванесса. — У меня пропал аппетит.

И вот она вновь очутилась на ступенях парадной лестницы лондонского дворца Князя Порока, во второй раз за минувшие месяцы бросив вызов нормам общественной морали своим

незванным визитом к холостому джентльмену с сомнительной репутацией. После всего случившегося между ними на эту маленькую дерзость можно было и не обращать внимания.

Ванесса не была уверена, что застанет барона Синклера дома, когда в шесть часов вечера она стучалась в его дверь. В это время он обычно еще не выезжал в клуб для ночных увеселений. В том случае, если бы выяснилось, что он еще не вернулся из города, она намеревалась его ждать, и если это потребовалось бы, то хоть целую вечность.

Уже знакомый ей представительный мажордом, впустивший ее в прихожую, сказал, что барон у себя, и вызвался проводить ее к нему. Следуя за дворецким по просторному холлу, Ванесса была поражена обилием больших горшков и ваз с розами, расставленными повсюду. Крупные красные и белые цветы ласкали взор и благоухали, пробуждая в ней воспоминания об усадьбе Палисандровая Роща. Ванессу это новшество удивило, в первый ее визит цветов здесь не было. Неужели Дамиен специально заказал их у своего садовника? Означает ли это, что его не тяготят воспоминания о своей жизни там?

Взволнованная этим предположением, Ванесса вошла в сопровождении дворецкого в гостиную, ярко освещенную лампами и огнем в камине и с высокими потолками, сверкающими позолотой. Она прищурилась, ослепленная этим великолепием, и, подойдя к камину, протянула к решетке озябшие руки. Озноб, однако, не унимался, а лишь усиливался с каждой новой минутой тягостного ожидания встречи с Дамиеном.

— Ванесса... — послышался внезапно знакомый голос. Она вздрогнула и, затаив дыхание, медленно обернулась. Сердце бешено заколотилось у нее в груди, ей показалось, что она вот-вот рухнет на ковер без чувств.

Дамиен замер в дверях и молча смотрел на нее, тоже боясь вздохнуть. Он заметно осунулся с тех пор, как они расстались, лицо его было неестественно бледным, а левая рука после ранения, видимо, еще плохо слушалась его, и поэтому он держал ее полусогнутой у живота. И только его глаза, как и прежде, смотрели на Ванессу пристально и внимательно, словно бы проникая в ее сокровенные мысли.

— Зачем ты это сделал? — без обиняков спросила она.

— Хотел дать тебе возможность самой сделать свой выбор, — пожал плечами, ответил он. — Ты ведь всегда об этом мечтала!

Такой ответ озадачил Ванессу, и она спросила, нахмурившись:

— Означает ли это, что ты подарил мне и право решать, за кого лучше выйти замуж? Разве ты не понимаешь, что я могу избрать не тебя, а кого-то другого? Или именно этого ты и добиваешься — поскорее избавиться от меня?

— Ты можешь думать обо мне все, что тебе угодно, ведь ты свободная и богатая женщина. Я не хочу, чтобы ты зависела от меня или от каких-то иных обстоятельств, — хрипло ответил Дамиен. — Если твое сердце противится нашему браку, ты вправе выйти за другого. Разумеется, я бы предпочел, чтобы ты стала моей женой.

— Зачем тебе это? — спросила Ванесса.

Глаза его потемнели, губы искривились в болезненной улыбке.

— Без тебя я погибну. Спаси меня, Ванесса! — прошептал он. — Я понимаю, что хочу слишком

многого. Но иного выхода я не вижу.

Ванесса молчала. Дамиен сделал несколько шагов вперед и, остановившись посередине комнаты, взволнованно произнес:

— Мне бесконечно жаль, что я так скверно обошелся с тобой. Если бы ты только знала, как горько я раскаиваюсь в своей никчемной жизни! Но из своих ошибок я извлек хороший урок. Я понял, что человек может измениться, если у него возникнет движущий мотив. На примере твоего брата я убедился, что это действительно так. Однако у меня не было серьезной причины, чтобы начать жить иначе. Но лишь до тех пор, пока я не встретил тебя.

— Примерно то же самое говорил когда-то и Обри об Оливии, — срывающимся голосом сказала Ванесса.

— Как выяснилось, у нас с твоим братом много общего, — промолвил Дамиен. — Когда ты отвергла меня, сказав, что не можешь любить негодяя и развратника, я решил стать другим человеком, достойным твоей любви. К той пустой, никчемной жизни для меня возврата нет. За время нашей разлуки я преобразился.

— Но почему, Дамиен? — шепотом спросила Ванесса.

— Потому что я люблю тебя!

Он подошел к ней и, порывисто обняв, прижал к своей груди. Трепеща в его объятиях, Ванесса что-то невнятно бормотала.

— Ты спишь мне каждую ночь! — признался Дамиен.

— Это еще не свидетельствует о том, что ты меня любишь, — ответила она, плотнее прижимаясь к нему. — Откуда ты знаешь, что это настоящая любовь, а не зов плоти?

— Я знаю это, потому что мне приятно быть рядом с тобой, слышать твой мелодичный голос. Без тебя я начинаю тосковать и ощущать пустоту в сердце. Разве этого мало? До нашей встречи я не знал подлинного счастья. Только с тобой я познал истинное блаженство. Я люблю тебя, Ванесса!

Она молчала, боясь ему поверить. А Дамиен продолжал взволнованно говорить, не обращая внимания на боль в левом плече.

— Я пытался убежать от правды, внушал себе, что это всего лишь страсть. Мое чувство к тебе было столь велико, что пугало меня. Я опасался стать рабом своей любви, заложником этого наваждения. Но в конце концов я был вынужден сдаться. И совершенно не жалею об этом!

Дамиен отстранился и, взглянув на лицо Ванессы, увидел, что она плачет. Он нежно погладил ее по щеке и прошептал, глядя в ее миндалевидные карие глаза:

— Я люблю тебя, люблю так, как еще никогда не любил ни одну женщину.

Ванесса затаила дыхание, пронзенная его страстным взглядом. Сердце ее заныло, она коснулась кончиками пальцев его губ и сказала:

— Дамиен, тебе вовсе не обязательно жениться на мне. Если хочешь, я снова стану твоей любовницей.

— Мне этого мало, моя радость! — пылко возразил Дамиен. — Я хочу видеть тебя постоянно. А для этого нам нужно пожениться. До конца своих дней я буду доказывать, что я действительно тебя люблю. Ты согласна?

В его глазах она прочла мольбу беззащитного ребенка.

— Дамиен... — прошептала она, потрясенная своим открытием.

Он зажмурился и в отчаянии воскликнул:

— Не мучь меня Ванесса! Не томи! Если ты не можешь заставить себя полюбить меня, так и скажи...

— Я люблю тебя, Дамиен, — ответила наконец она. — Я люблю тебя таким, каким ты стал, и всегда буду любить.

Он пристально взглянул в ее глаза и, словно в зеркале, увидел в них отражение собственных чувств — удивление, страх и любовь. На миг ему почудилось, что его сердце перестало биться.

— В таком случае могу ли я надеяться, что ты ответишь мне согласием, если я дерзну повторить свое предложение?

Взгляд ее затуманился, она улыбнулась и ответила:

— Да.

От ее обаятельной улыбки у Дамиена перехватило горло. Он проглотил подступивший ком и, продолжая смотреть ей в глаза, сказал:

— Означает ли это, что ты примешь меня, несмотря на всю мою испорченность? Вместе со всеми моими грехами и пороками?

Ванесса не смогла сдержать улыбку. Ей был не нужен никто, кроме него, потому что только ему принадлежало ее сердце. Как, впрочем, и тело, и душа.

— Да! Я приму тебя, Дамиен! Приму таким, какой ты есть.

Он сжал ладонями ее лицо и спросил:

— Так ты выйдешь за меня, моя любовь?

— Да!

— Ах, Ванесса... — Дамиен наклонился и нежно ее поцеловал, поглаживая по шелковистым волосам.

Ему не верилось, что эта необыкновенная женщина станет его женой, что они теперь всегда будут вместе. Он был бесконечно счастлив и безмерно признателен ей за оказанное ему доверие. И он был преисполнен решимости оправдывать его до конца своих дней.

Эпилог

Усадьба Палисандровая Роща, ноябрь 1810 года

Дамиен замер у дверей спальни и, окинув жадным взглядом свою невесту, осевшим от нетерпения голосом произнес, целуя ей руку:

— Наконец-то мы одни! Я боялся, что этого никогда не случится.

Ванесса мечтательно улыбнулась и ответила:

— Ты ведь сам настоял на пышной свадьбе.

— Я хотел, чтобы весь мир узнал, как мне повезло!

Они венчались одновременно с Оливией и Обри. На их бракосочетании собралось столько народу, что в церкви яблоку негде было упасть. После банкета в усадьбе Оливия и Обри вместе с его матушкой и сестрами уехали в Кент. Гости разъехались по домам гораздо позже, и лишь тогда барон и баронесса смогли вздохнуть с облегчением и подняться в спальню, чтобы провести в ней свою первую брачную ночь.

— Как я рада, что Оливия поправилась настолько, что могла стоять во время торжественной церемонии! — воскликнула Ванесса, пока Дамиен распахивал перед ней двери. — Она чудесно смотрелась в наряде невесты, не правда ли?

— Честно говоря, я смотрел только на свою невесту, — ослепительно улыбнувшись, ответил барон.

Ванесса вошла в спальню, особым образом подготовленную для этой ночи, и обвела ее восхищенным взглядом.

Несколько зажженных ламп наполняли помещение неярким светом, огонь в камине отпугивал осенний холод. Рубиновые розы, поставленные в красивую большую вазу, источали дурманный аромат, а покрывало огромной кровати с четырьмя столбиками по углам было предусмотрительно откинута.

Ванесса поехала, охваченная приятным предчувствием ожидающего ее наслаждения. Дамиен настоял на сохранении ими целомудрия до принесения супружеской клятвы. Поэтому на протяжении всех предшествовавших свадьбе недель оба они испытывали томление чувств и неудовлетворенность. Но теперь, став законными супругами, они могли наконец утолить жажду своих сердец.

Дамиен плотно закрыл двери, Ванесса обернулась и прочла в его взгляде такой восторг, что сама тотчас же наполнилась страстью.

Пока он обходил комнату, туша одну за другой все лампы, кроме одной, она подошла к окну, шторы на котором были отдернуты, как это любил барон, и посмотрела на залитый лунным светом сад. Ей все еще не верилось, что она стала его хозяйкой и что отныне она будет часто гулять по этим аллеям под руку с любящим ее Дамиеном и вместе с ним наслаждаться ароматом чудесных цветов.

Дамиен подошел к ней и, обняв, тихо спросил, чувствует ли она себя счастливой.

— Да, — ответила она. — Но мне пока не верится, что это случилось.

— Тебя не огорчает, что мы будем проводить большую часть года не в этом чудном уголке, а в Лондоне?

- С тобой мне везде хорошо, дорогой, — уклончиво ответила Ванесса.
- Если хочешь, я откажусь от своего нового поста в казначействе.
- Нет, милый, я готова повсюду следовать за тобой, пока твое сердце будет принадлежать мне.
- Оно твое до конца моих дней! Тебя это устраивает?
- Вполне! — ответила она.

Он поцеловал ее в висок и погладил по бедру.

— А чтобы ты не скучала без меня, пока я буду занят важными государственными делами, мы с тобой родим детей. Для начала — двойню. Что ты на это скажешь?

Ванесса резко обернулась.

— Пожалуй, только рождение от тебя ребенка способно доставить мне большую радость, чем та, которую я испытываю сейчас, Дамиен! — взволнованно сказала она, любуясь его прекрасным лицом, освещенным лунным светом.

— Тогда мы не должны медлить с его зачатием! — с улыбкой воскликнул он, сверкнув глазами. — Дети внесут полноту в нашу семейную жизнь.

— Значит, нам больше не понадобятся губки?

— Нет! Никаких губок!

Он отнес ее на кровать и, опустив полог, стал жадно целовать, разжигая в ее крови огонь. Ванесса томно вздохнула и крепко обняла его. Они раздели друг друга, и Ванесса дотронулась до шрама от пули на плече Дамиена. Он не позволил ей погрузиться в неприятные воспоминания о его темном прошлом, а снова страстно поцеловал в губы. Ему хотелось, чтобы она думала только об их прекрасном будущем и наслаждалась каждым мигмом настоящего.

После продолжительного воздержания, доставившего им изысканное удовольствие, они принялись самозабвенно ласкать друг друга, все сильнее возбуждаясь от взаимных нежных прикосновений и упиваясь видом своих обнаженных тел.

Дамиен вынул из ее волос бриллиантовые заколки в форме роз, которые подарил ей на свадьбу, и шелковистые волосы рассыпались по ее плечам. Вдохновленный ее неземной красотой, Дамиен стал ее жадно целовать, хрипло произнося ласковые слова. Его пальцы касались ее лица, гладили волосы, ласкали шею. Потом его рука скользнула по бархатистой белой коже ниже, она раздвинула ноги, и он стал ласкать ее волшебную расселину. Ванесса застонала, изгибаясь дугой, по ее телу побежали теплые волны. Продолжая произносить нежные слова, Дамиен осторожно дотронулся своим мужским естеством до преддверия ее росистого лона.

Ванесса охнула и, согнув в коленях ноги, замерла. Он не стал томить ее долгим ожиданием не спеша заполнил своей великолепной твердью ее восхитительную пустоту. Она закинула ноги ему на спину, понуждая действовать решительнее. Но Дамиену хотелось насладиться сполна увертюрой их первого супружеского соития. Он вводил в ее трепетное горячее лоно свой нефритовый жезл медленно, дюйм за дюймом, испытывая неописуемое удовольствие от сдавливания любовного орудия стенками лона, его восхитительного внутреннего жара и головокружительного аромата. Ванесса, возбужденная до умопомрачения, завилыла бедрами и

с мольбой вскричала:

— Дамиен! Быстрее! Я изнемогаю...

Но он не внял ее отчаянной просьбе, а продолжал ее мучить своими неспешными размеренными телодвижениями, с каждым разом все глубже проникая в ее огнедышащую волшебную пещеру, шепча ей на ухо эротические слова о своей любви к ней и желании слиться с ней в единое целое.

Наконец вождение переполнило чашу терпения Дамиена, сладкое томление в чреслах стало невыносимым, и он принялся двигаться внутри Ванессы быстро и бесцеремонно. Подчинившись властному зову природы, он спешил утолить свой голод. Но Ванесса была не менее голодна и не отставала от него в этой бешеной скачке. Крепко обхватив его ногами и руками, она отчаянно работала торсом, издавая звериные звуки.

Они достигли конца дистанции вместе, и взрыв эмоций, одновременно потрясший и ослепивший их, заставил Ванессу пронзительно вскрикнуть, а Дамиена зарычать, извергнув в ее расплавленное сладострастием лоно струю густого горячего семени. Он вложил в этот чудесный миг всю свою душу, и она с радостью приняла этот дар.

Потом они долго лежали неподвижно, прижавшись друг к другу, в приятном забытьи, выжидая, пока в телах уймется дрожь. Их сердца стучали в унисон, влажные от испарины кожные покровы слиплись. Уткнувшись лицом в шелковистые волосы Ванессы, разметавшиеся по подушкам, Дамиен думал о том, что такого восторга он еще никогда прежде не испытывал. Только любовь способна подарить влюбленным райское наслаждение, решил он и тотчас же удивился, как умудрялся раньше жить без любви. Ванесса стала для него всем, она заполнила пустоту в его сердце и внесла в его существование смысл.

Только с ее появлением в его доме он понял, что такое подлинный уют. Ее рассыпчатый смех и мелодичный голос ласкали его слух. Уроки сладострастия доставили им обоим много счастливых минут. А теперь, став супругами, они сполна использовали свои знания для обретения неземного блаженства.

— Странно, как это я раньше не понимал, — пробормотал он, потрясенный своим открытием, — насколько приятнее предаваться любовной игре с человеком, которого любишь.

Ванесса открыла глаза и промолвила:

— Я тоже поняла это лишь сегодня. Интересно, можно ли умереть от удовольствия?

— Мне искренне хочется надеяться, что это невозможно, — с улыбкой ответил Дамиен. — Теперь ты понимаешь, как сильно я тебя люблю?

— Пока лишь догадываюсь, — ответила, с лукавыми искорками в томных глазах, Ванесса.

Он взял ее за руку и, прижав ладонь к своей груди, серьезно сказал:

— Мое сердце всегда будет твоим!

— А мое — твоим, — добавила она, касаясь его губ кончиками пальцев.

— Повтори, — попросил Дамиен.

— Я тебя люблю! — сказала Ванесса, глядя в его подернувшиеся поволокой глаза.

— Я клянусь сделать все, чтобы ты всегда была счастлива! — воскликнул Дамиен.

— Ты уже доказал, что способен на это, — ответила она и, обняв его за плечи, крепко поцеловала.

mir-knigi.org